

ФРЭНК ГЕРБЕРТ

ЗЕЛЕНЫЙ МОЗГ
ДОЛИНА САНГАРОГА
ТЕРМИТНИК
ХЕЛЛАСТРОМА

Мастера фантазии

Фрэнк Герберт

**Зеленый мозг. Долина Сантарога.
Термитник Хеллстрома**

«Издательство АСТ»

1966, 1968, 1973

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Герберт Ф.

Зеленый мозг. Долина Сантарога. Термитник Хеллстрема /
Ф. Герберт — «Издательство АСТ», 1966, 1968, 1973 — (Мастера
фантазии)

ISBN 978-5-17-147912-1

Фрэнк Герберт (1920–1986) — американский писатель-фантаст, автор знаменитой фантастической саги «Хроники Дюны», переведенной на десятки языков и завоевавшей по всему миру миллионы поклонников. Самый авторитетный журнал НФ «Локус» признал «Дюну» Герберта лучшим научно-фантастическим романом всех времен и народов. Однако творческое наследие автора не ограничивается прославленной эпопеей о планете Арракис. Представляем вашему вниманию научно-фантастические романы «Зеленый мозг», «Долина Сантарога» и «Термитник Хеллстрема». Трудно поверить, что они создавались в 60–70-е годы XX века — настолько актуальными кажутся угрозы, о которых предупреждал великий писатель-фантаст. Плачевные последствия экологических экспериментов, наступление агрессивного микромира, катастрофические изменения флоры и фауны — все это лишь начало грозного ответа Природы на разрушительные действия человечества, присвоившего себе единоличное право на использование ее ресурсов в ущерб остальным обитателям планеты.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147912-1

© Герберт Ф., 1966, 1968, 1973

© Издательство АСТ, 1966, 1968, 1973

Содержание

Фрэнк Герберт	6
Зеленый мозг	7
I	7
II	12
III	20
IV	34
V	52
VI	63
VII	70
VIII	81
IX	100
X	112
Долина Сантарога	116
Глава 1	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Фрэнк Герберт
Зеленый мозг; Долина Сантарога;
Термитник Хеллстрома

© Herbert Properties LLC, 1966, 1968, 1972, 1973, 1994, 1996

© Перевод. В. Миловидов, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Зеленый мозг

I

Он был похож на незаконнорожденного отпрыска индейца из племени гуарани и дочери нищего фермера, этакой красотишки из дикой глуши, которая, захотев вырваться из рабства унылой повседневности, нечаянно для себя и окружающих взяла и нагуляла пузо.

Выбранный им внешний вид был безупречен, за исключением тех моментов, когда, оказавшись в почти непроходимой чащобе, он забывал о маскировке и о том, кто он на самом деле.

Его кожа приобретала зеленоватый оттенок и сливалась с фоном, состоявшим из листьев и лиан. При этом грязноватого цвета рубашка, драные штаны, разлохмаченная соломенная шляпа и сандалии на подошве из старых покрышек, казалось, перемещались в пространстве самостоятельно, без участия призрачного тела.

Однако такое происходило с ним все реже и реже по мере того, как он уходил от верховьев Параны, из глубинки штата Гояс, где жили мужчины с горящими глазами и выстриженными челками.

Когда он добрался до районов, где всем заправляли бандейранты, охранявшие границы и попутно совершавшие вылазки в приграничные районы, он научился полностью управлять тем, что умные люди называют «эффект хамелеона».

Наконец он вышел из густых джунглей на открытую местность, перерезанную сетью грунтовых дорог, ведущих к фермам, созданным в рамках плана освоения диких земель Красной зоны. Интуиция подсказывала, что он приближается к одному из пропускных пунктов, где бандейранты фильтруют всех проходящих, и почти человеческим жестом тронул припрятанную под рубашкой *седулу де грациас аль сакар*, удостоверение, подтверждающее наличие *белой крови*. Время от времени, когда рядом не было человеческих существ, он вслух произносил свое имя – Антонио Рапосо Таварес.

Звуки, из которых складывалось его имя, казались слишком резкими и грубоватыми, но он понимал, что с ним ему будет безопаснее и спокойнее, чем с любым другим. Все знали, что индейцы штата Гояс в свои имена вставляют самые сложные созвучия. Так ему сказали и крестьяне на ферме, где он ночевал прошлой ночью.

Когда их вопросы по поводу того, кто он сам и куда держит путь, стали слишком настойчивыми, он уселся на крыльце дома и, достав флейту из кожаного чехла, который свисал у него с плеча, заиграл. Это был оригинальный инструмент андских индейцев, священный символ тех мест. Если индеец гуарани прикладывал свирель к губам, все разговоры заканчивались, утонув в благоговейном молчании.

Крестьяне пожали плечами и ушли.

Он медленно тащился по дороге. Сложное искусство ходьбы, не сразу им освоенное, привело его наконец туда, где человеческие существа пребывали в изобилии. Впереди он заметил красно-коричневые крыши и хрустальную башню. К ней причаливали и от нее отлетали прочь аэрокары. Видом своим все это напоминало муравейник.

Вдруг он почувствовал, как им овладевают инстинкты, а им, как он твердо знал, ни в коем случае нельзя давать воли. Если он проиграет инстинктам, то не выдержит испытания, ожидавшего его впереди. Он сошел с дороги, по которой взад и вперед сновали люди, и, сосредоточившись, стал собирать воедино стремившиеся обрести независимость фрагменты той ментальной сущности, какой он был, во всяком случае, пока. В результате его усилий родилась мысль, она пронзила и связала воедино все, в том числе и отдаленные, части его индивидуальности: *мы маленькие зеленые рабы, служащие единому целому*.

После этого он продолжил движение по направлению к пропускному пункту. Мысль, вернувшая ему целостность, заодно придала ему вид самый подобострастный – отличная защита от взглядов человеческих существ, которых вокруг него становилось все больше и больше. Те, кто его послал, знали, как люди ведут себя в разных ситуациях, какие позы принимают и какие надевают маски. Они понимали, что подобострастие для индейца – лучший камуфляж.

Вскоре грунтовая дорога уступила место двухполосной асфальтированной, с тропинками для пешеходов по обеим обочинам, а та, в свою очередь, тянулась параллельно четырехуровневому шоссе, на котором заасфальтированными были даже пешеходные дорожки. По шоссе мчались автомобили, по воздуху – аэрокары, и с каждой минутой их становилось все больше и больше, как и пешеходов.

До сей поры он не привлекал особого внимания. А беглые насмешливые взгляды местных жителей можно было не замечать. Опаснее те, кто всматривается пристально – в подобных взглядах таилась смертельная опасность. Но таких он пока не видел.

Подобострастие прикрывало его как щит.

Утро разгоралось, и солнце, разогревая воздух, выдавливало из лежавшей вокруг дороги земли влажную вонь, смешивая ее с запахом пота, который источали снующие вокруг человеческие существа. Была в этом запахе ясно различимая горечь, и он с тоской вспомнил сладкие, такие знакомые ароматы далеких джунглей. Но запахи, которые его теперь обволакивали волнами и негромко стучали в ушах, несли еще одну угрозу, внушавшую беспокойство. Эти запахи свидетельствовали о все большей концентрации инсектицидов.

Люди были вокруг – все ближе и ближе, теснее и теснее; их движение замедлялось по мере того, как толпа подходила к бутылочному горлышку пропускного пункта.

Наконец все застопорилось.

И двинулось вновь.

И опять остановилось, чтобы снова двинуться и на несколько шагов приблизиться к цели.

Наступал момент истины, и избежать его было невозможно.

Он стоял и терпеливо ждал – так ведут себя индейцы в ситуации кризиса. Ему хотелось дышать чаще и глубже – это было бы средством компенсации эффектов невыносимой жары, но он сдержал дыхание, чтобы ничем не выделяться из толпы. Лучше уж температура! Здесь, вдали от своих джунглей, настоящие индейцы стараются дышать бесшумно.

Движение и остановка.

Движение и остановка.

Теперь был виден и сам пропускной пункт.

Там, по обе стороны окруженного кирпичными стенами затененного узкого коридора в два ряда стояли бандейранты в белых мундирах, пластиковых шлемах, перчатках и тяжелых башмаках. За ними открывалась залитая солнечным светом городская улица, куда и выливалась толпа после прохода через этот строй.

Вид этой улицы пробудил во всех частях его существа страстное желание оказаться там, по ту сторону пропускного пункта. И сразу в нем проклюнулось и выросло иное чувство – ни в коем случае не поддавайся раздирающим тебя инстинктам!

Нельзя ни расслабиться, ни отвлечься. Каждая составляющая его сущности обязана быть начеку, готовая принять и преодолеть любую боль.

Толпа вновь качнулась вперед и остановилась. Теперь он оказался перед первым из охранников, дюжим блондином с розовой кожей и голубыми глазами.

– Шаг вперед! – приказал тот. – Живее!

Рука в перчатке подтолкнула его к очередным двоим стражам, стоявшим справа.

– Имя! – раздался голос сзади.

– Антонио Рапосо Таварес.

– Штат?

– Гояс.

– Обработайте его получше, – велел блондин. – Наверняка он с гор.

Он попал в руки очередной парочки. Один из охранников надел ему на лицо дыхательную маску, другой напялил на тело большой пластиковый пакет. Из пакета торчала трубка, а снаружи, из-за стен коридора, доносился звук какой-то работающей техники.

– Двойную дозу! – крикнул в ту сторону один из бандейрантов, и сразу пакет, в котором оказалось запертым его тело, наполнился голубым газом. Газ хлынул в маску, и, сделав невольный вдох, он ощутил, как острый нож вскрывает его внутренности, как тысячи несущих боль иголок вонзаются во фрагменты, составляющие его тело, пытаясь разорвать на части.

Он чувствовал, что умирает. Это и называется агонией?

Нет, подумал он. *Нельзя поддаваться. Держись!*

Но боль не прекращалась, и связи, на которых держалась его целостная сущность, слабели. Еще немного, и он...

– С этого хватит! – крикнул тот, который орудовал пакетом.

Пакет сняли, маску стащили. Чьи-то руки подтолкнули его вдоль коридора, по направлению к солнечному свету:

– А ну-ка, поживее! Не держи очередь!

Запах ядовитого газа проникал повсюду. Это был новый газ – деконструктор. Те, кто его отправлял, к этому газу не подготовили. Он ждал чего угодно, был готов к радиации, ультразвуку, химическим веществам, но не к этой гадости.

Солнце буквально ударило в него, когда он вышел из коридора на открытое место. Он нырнул в проход, заставленный фруктовыми лотками. Продавцы торговались с покупателями или просто стояли, подперев бока жирными руками и наблюдая за своим товаром. Некоторые его части видели в лежавших повсюду фруктах надежное для себя убежище, но, как бы он ни был выбит из колеи полученной дозой отравы, фрагменты его сущности, отвечавшие за целостность всего организма, отбросили эти мысли подальше. Поборов соблазн, он, насколько мог, побыстрее проскочил мимо покупателей и досужих зевак, которых на рынке было предостаточно.

– Не хотите ли свежих апельсинов? – услышал он чей-то голос, и маслянистая рука с зажатými в ладонь фруктами появилась около его носа. – Свежие апельсины из Зеленой зоны. Без всяких жучков и прочей гадости.

Он увернулся от руки и апельсинов, хотя их аромат едва не лишил его последних сил.

За углом находилась узкая боковая улица. Еще один поворот, и слева, вдали, открылась манящая перспектива зеленых далей – загородная зона, свободная от домов. Он повернул в ту сторону и ускорил шаг, машинально рассчитывая время, которым еще располагал. Понимал – до зелени совсем недалеко. Яд пропитал одежду, однако чистый воздух вымывал его, и мысль о близкой победе, словно антидот, помогала справиться с последствиями отравления.

У нас все получится!

Зелень все ближе и ближе – деревья и папоротники, буйно разросшиеся по берегам реки. Он уже слышал шум бегущей воды, но единственным маршрутом к воде и деревьям был мост, по которому ехали машины и шли толпы людей.

Выхода не было – он слился с толпой, стараясь избегать прямых контактов. Соединения, скреплявшие фрагменты, из которых состояли его ноги и спина, начали ослабевать, и он понимал: случайный толчок в спину или столкновение, и эти связи распадутся. А это – конец!

Мост закончился, и справа он увидел дорожку, ведущую вниз, к реке. Повернув, он неожиданно столкнулся с одним из двух крестьян, которые несли поросенка в сетчатом слинге, держа его с двух сторон. От удара поверхность, имитирующая кожу на его правом бедре, не выдержала, и он почувствовал, как она сползает под брюками вниз.

Крестьянин, с кем он столкнулся, отступил на два шага, едва не выронив поросенка.

– Осторожнее! – закричал он.

А его напарник проворчал:

– Чертовы пьянчужки!

Но в этот момент поросенок завизжал и отвлек их.

Это дало ему шанс. Проскользнув мимо крестьян, он бросился по тропинке к реке. Уже была видна вода, бурлящая после прохода через барьерные фильтры, и клочья пены на ее поверхности – там работали очистные вибрационные устройства. И в этот момент он услышал, как один из крестьян, несших поросенка, сказал:

– Не думаю, что он пьян, Карлос. Кожа у него сухая и горячая. Наверное, он болен.

Эти слова заставили его ускорить шаг – он все слышал и понял. Имитирующий кожу лоскут на бедре сполз почти до лодыжки. Ослабевшие плечевые и спинные мускулы уже едва поддерживали равновесие тела. Тропинка резко свернула и потянулась вдоль сырого глинистого берега, нырнув в туннель из зарослей кустов и папоротника. Он знал, что те двое уже не видят его, а потому, придерживая рукой сползавшую под брюками имитацию кожи, принялся пробираться через зеленый туннель.

В конце туннеля он увидел первую пчелу-мутанта. Она была мертва, поскольку оказалась в зоне вибрационной фильтрации без средств защиты. Пчела была из тех, что напоминают бабочек – с переливчатыми желто-оранжевыми крылышками. Она лежала в чашечке зеленого листа в самом центре светлого пятна, выбитого из сырого полумрака солнцем, сияющим над зарослями.

Он двинулся дальше, зафиксировав в памяти цвет и форму пчелы. Как считали те, кто его послал, пчелы могли бы быть хорошими посредниками, хотя у них имелись серьезные недостатки. Главный заключался в том, что пчела – по определению – была неспособна вступить с человеческим существом в успешный рациональный контакт. Человек просто не отреагировал бы на резонные доводы, если их ему каким-либо образом представила пчела. А люди должны слышать голос разума, в противном случае жизни на Земле придет конец.

Тем временем сзади раздался звук топающих ног – кто-то спешил по тропинке.

Погоня?

Но почему его преследуют?

Неужели его раскрыли?

Нечто, похожее на страх, пронзило его и придало энергию уже готовым распасться частям. Увы, этой энергией он уже не мог распорядиться, и ему осталось лишь медленно пробираться сквозь растительность. А скоро и вообще он сумеет только ползти! Все глаза, которые имелись в его распоряжении, судорожно искали укрытие.

И нашли!

Слева, в папоротниках, был едва виден узкий проход. В него вели маленькие следы человеческих существ. Дети! Он направился по этим следам и вскоре оказался на узенькой тропинке. Игрушечные аэрокары, красный и голубой, валялись на дорожке. Ковыляя, он пошел по глинистой поверхности тропинки дальше.

Дорожка подвела его к земляной стене, по ней вверх карабкались ползучие растения. Внизу, у основания стены, находился вход в неглубокую пещеру, перед которым лежало еще несколько игрушек. Он нагнулся, переполз через игрушки и забился в благословенную черноту этого импровизированного укрытия.

Ниже пещеры, метрах в пяти, протопали две пары ног, и сразу послышались голоса.

– Он пошел к реке. Думаешь, собирался в нее сигануть?

– Да кто ж знает? Но то, что он болен, это точно!

– Вот, смотри! Кто-то побежал туда, вниз.

Голоса стали плохо различимыми, слившись с бульканьем воды. Эта парочка двинулась вниз по тропе, так и не найдя его убежища.

Почему они гнались за ним? Он ведь никого не ранил.

Неужели они что-то заподозрили? Вряд ли!

Но обдумать то, что происходит, времени не было.

Сначала он сделает то, что должен сделать. Активизировав специально предназначенные для этого части своего тела, он принялся закапываться в землю. Глубже и глубже он зарывался в землю, выбрасывая ее избыток наружу, так, чтобы сложилось впечатление, будто пещера обвалилась.

Прежде чем остановиться, он прошел десять метров. Запасов энергии у него оставалось ровно столько, чтобы завершить следующую стадию. Он повернулся на спину, отбросив умершие части своих ног и спины, и из его нутра появилась королева в сопровождении воинов охраны. На бедрах у него открылись отверстия, из них хлынула пена – при затвердевании она сформирует кокон, защитную зеленую раковину для королевы и ее отпрысков.

Это была полная победа. То, что нес сюда, в город человеческих существ, он доставил в целости и сохранности.

Теперь остается только ждать. Через двадцать дней он наберется новой энергии, пройдет все стадии пресуществования и превратится в тысячи подобных самому себе сущностей, и у каждой будут совершенно аутентичные одежда и удостоверения личности, и каждая будет как две капли похожа на человека.

И все они будут похожи друг на друга.

Их ждут иные пропускные пункты, впрочем, не столь строгие, и другие барьеры – не такие высокие.

Да, человеческая оболочка – это то, что надо! Интеграция с этими существами оправдала себя. Они многое узнали, изучая пленных, захваченных в джунглях. Правда, понять человеческое существо чрезвычайно трудно, практически невозможно. Даже когда им предоставляли пусть и ограниченную, но свободу, воздействовать на их рассудок рациональными средствами не получалось. Самая тесная интеграция не вела автоматически к полноценному контакту.

И оставался главный вопрос: сможет ли самая тесная интеграция предотвратить катастрофу, к которой движется планета? Да, с человеческими существами непросто: нужно будет доказать им, что они не хозяева этой планеты, а ее рабы и слуги. Даже если для доказательства этого факта придется применить жестокость.

Королева, подталкиваемая стражами, зашевелилась на холодной земле. Все части его тела, связанные единой коммуникационной сетью, пришли в движение, занялись выяснением того, кто выжил, кто погиб, сколько сил было потрачено, сколько осталось. Да, на сей раз они узнали много нового относительно того, как можно прятаться от людей. И все кластеры новой колонии разделят это новое знание. По крайней мере, один из них доберется до города на Амазонке, ведь именно оттуда пришло к ним понимание того, что смерть-ради-всех – гораздо выше и лучше, чем жизнь.

Один из них доберется. Непременно.

II

Пастельного цвета дым плавал в воздухе кабаре. От каждого стола, из вентиляционного отверстия в его центре вверх поднимался дым особого цвета, который был визитной карточкой стола: здесь – бледно-лиловый, чуть дальше – розовый, как кожа младенца, а в углу – зеленый, пробуждающий воспоминания об индейских одеждах, сотканных из растущей в пампасах травы. Только что пробило девять часов вечера, и кабаре «Клещ», лучшее в Байи, начало свою ежевечернюю развлекательную программу. Первым номером был танец гигантских муравьев. Мелодия, выводимая оркестром колокольчиков, задавала чувственный ритм для группы танцоров, выступавших в стилизованных костюмах, а их усики бодро раскачивались в клубах дыма.

На низких диванах восседали завсегдатаи кабаре. Своей расцветкой одеяния присутствующих женщин напоминали роскошные цветы джунглей. Это богатство подчеркивалось белыми костюмами сопровождавших их кавалеров, а местами многоцветие женских нарядов – как знаки пунктуации – прерывали сияющие белые мундиры бандейрантов. Это была Зеленая зона, и бандейранты здесь могли отдохнуть и расслабиться после трудной службы, которую они несли либо в Красных джунглях, либо на их границе. Посетители говорили сразу на десятке языков, и звуки их бесед, как деловых, так и светских, вместе с дымом поднимались к потолку.

– Сяду-ка я за розовый стол, на удачу. Цветом он как женская грудь, верно?

– Мы залили все затвердевающей пеной, а потом вошли и уничтожили гнездо. Там были муравьи-мутанты, такие же, как в Пиратинги. Миллионов десять-двадцать!

Доктор Рин Келли минут двадцать прислушивалась к разговорам. Самое интересное в них – подводные течения, обнажающие сложность и напряженность отношений, казалось, беззаботно болтающих посетителей.

– Новые яды отлично работают, – говорил за ее спиной бандейрант, которому задали вопрос о тех мутантах, что выживают после обработки, – но окончательная зачистка – это адова работа. Все вручную. Как в Китае – там они последних жуков убивали голыми руками.

Рин почувствовала, как едва заметно пошевелился ее спутник, сидевший напротив, и поняла: он услышал. Она подняла голову и через янтарный дым посмотрела в его миндалевидные глаза. Он улыбнулся, и Рин подумала, почти с восхищением: до чего же все-таки выдающимся человеком был этот доктор Трэвис Хантингтон Чен-Лу. Высокий, с плоским квадратным лицом выходца из Северного Китая и коротко стриженными черными волосами, сохранившими свой цвет, несмотря на то, что владельцу их уже стукнуло шестьдесят. Наклонившись к доктору Рин Келли, он прошептал:

– Нигде не спрятаться от сплетен, верно?

Рин покачала головой, в десятый раз за вечер, вероятно, задав себе вопрос: а какого черта почтенный доктор Чен-Лу, региональный директор Международной экологической организации, так называемой МЭО, настоял на том, чтобы она явилась сюда сегодня вечером, в ее первый день в Байи? Ответ, впрочем, был очевиден. Этот китаец приказал ей прилететь из Дублина, чтобы она как тайный агент информационной службы МЭО добыла для них некие секретные сведения. Как обычно, в качестве цели ей определяют какого-нибудь парня, и его она должна будет обработать, что называется, по полной. На это, по крайней мере, Чен-Лу намекал ей во время дневного инструктажа. Но пока он не определил объект, на который доктор Рин должна обрушить свои чары.

– Говорят, что многие растения умирают в условиях дефицита пыльцы, – услышала она женский голос, доносившийся из-за спины, и замерла. Опасные беседы здесь ведут!

Но бандейрант, сидящий там же, отозвался:

– Перестань, крошка. Ты говоришь точно так, как тетка, которую арестовали в Итабуне.

– Что за тетка?

– Да она распространяла карсонитскую литературу в деревне по ту сторону границы. Полиция ее взяла, когда она уже успела избавиться от двадцати экземпляров. Бо́льшую часть они забрали, но ты знаешь, насколько опасны подобные книжки, особенно вблизи границ Красной зоны.

На входе послышался шум, раздались радостные выкрики:

– Привет, Джонни! А вот и счастливчик Жуан!

Вместе с прочими посетителями кабаре Рин повернула голову ко входу, отметив, что ее спутник продемонстрировал полное безразличие к происходящему. Семеро бандейрантов, войдя в зал, притормозили, словно уперлись в барьер приветственных слов.

Возглавлял эту компанию офицер с командирским знаком отличия на лацкане – золотой бабочкой, и доктор Рин сразу обратила на него внимание. Это был среднего роста смуглокожий человек с волнистыми черными волосами, кряжистый, однакодвигающийся с неожиданной грациозностью. Тело его излучало силу. Лицо же, по контрасту с телом, было узким и аристократическим, и доминировал на нем аккуратный нос с горбинкой. Среди его потомков наверняка можно было найти аристократов высшей пробы.

Рин для себя определила тип, под который подпадал этот офицер – брутально-привлекательный. И вновь отметила, насколько умело Чен-Лу демонстрирует абсолютное равнодушие ко всему, что его окружает. Так вот зачем (или за кем) они явились сюда в этот час!

Подумав так, она вдруг особенно остро ощутила собственное тело. Роль, отведенная ей во всей этой истории, на мгновение подняла в ней волну отвращения. Она так много отдала, чтобы оказаться здесь в это время, но чего от нее хотят? Никому она не нужна как доктор Рин Келли, энтомолог! Только как Рин Келли, ирландская красавица, женщина, выполняющая совсем иные обязанности, да еще и получающая от этого немалое удовольствие! Если бы она не любила эту свою работу, то вряд ли питала бы к ней порой такую ненависть.

Рин понимала, как смотрится на фоне пышных смуглокожих женщин, собравшихся в кабаре. Рыжеволосая и зеленоглазая, с тонкой светлой кожей, украшенной веснушками на плечах, лбу и носу, она казалась в этой оранжерее экзотическим цветком, да еще и в платье с глубоким вырезом и золотым значком МЭО на груди.

– Что это за человек, там, у входа? – спросила она.

Улыбка, подобная легкой ряби от утреннего бриза, скользнула по губам Чен-Лу.

– Который из них, дорогая? – уточнил он, обернувшись к входу. – Там их... семеро.

– Хватит притворяться, Трэвис!

Миндалевидные глаза изучающе посмотрели на нее, а затем вновь обратились к группе у входа.

– Это Жуан Мартино, командир бандейрантов и сын Габриэля Мартино.

– Жуан Мартино? – переспросила Рин. – Именно тот, кому удалось полностью очистить земли Пиратинги?

– Он на этом прилично заработал, дорогая. Вполне достаточно для Джонни Мартино.

– Сколько?

– Вот что значит практичная женщина! – усмехнулся китаец. – Они поделили между собой пять тысяч крузато.

Чен-Лу откинулся на спинку дивана, поморщившись на едкий дым, поднимающийся из отверстия в столе. И подумал: *Пять тысяч – хорошие деньги, чтобы уничтожить Джонни Мартино, если возбудить против него дело. А с помощью Рин я обязательно добьюсь своего. Барон Байи будет счастлив заполучить такую красотку. И вот что мы будем иметь: Джонни Мартино, капиталист, синьор Байи, прошедший подготовку у янки.*

– По Дублину ходят слухи, правда, не подтвержденные, будто он замешан в деле, – произнесла Рин.

- Слухи? И что говорят?
- Обсуждают проблемы в Пиратинги. В их связи упоминают его имя и имя его отца.
- Понимаю.
- Необычные слухи, должна я заметить.
- Вы находите их зловещими?
- Скорее странными.

Странными... Слово ударило его, вызвав гнетущее ощущение, напомнившее о письме, которое принес курьер и которое заставило его вызвать Рин. Письмо было из Китая и начиналось так: «Ваша странная медлительность в решении стоящей перед нами проблемы заставляет нас поставить перед вами весьма неприятные вопросы». Из всего письма он выделил это предложение и это слово. Чен-Лу понимал нетерпение, которое скрывалось за полученным письмом – вести о надвигающейся на Китай катастрофе могли в любой момент стать всеобщим достоянием. А он знал, что в головной конторе есть люди, которые ему не доверяют, просто потому, что среди его предков были белые.

Понизив голос, он проговорил:

– «Странные» – это не то слово, каким можно охарактеризовать то, что бандейранты делают в Зеленых зонах.

– А я слышала совершенно дикие истории, – прошептала Рин, – про их секретные лаборатории и эксперименты. Работают там над мутациями, что незаконно.

– Заметьте, Рин, – отозвался Чен-Лу, – что все истории о странных, гигантских насекомых, которые мы слышали в последнее время, исходят именно от бандейрантов. Вот в чем тут единственная странность.

– Но это логично. Люди находятся на переднем крае, где может происходить подобное.

– Конечно, вы как энтомолог не должны верить в эту чушь.

Рин пожала плечами, чувствуя себя некомфортно. Конечно, он прав. Обязан быть прав.

– Логика, – продолжил Чен-Лу. – Использовать непроверенные слухи, чтобы поддерживать предрассудки среди местного населения? Вот единственная логика, которую я тут вижу.

– Вы хотите, чтобы я поработала с командиром бандейрантов? – спросила она. – Что вы собираетесь выяснить?

Вы должны выяснить то, что я попрошу вас выяснить, подумал Чен-Лу. Вслух же он произнес:

– А почему вы решили, что ваш объект – Марино? Это тоже из разряда слухов?

– Разумеется, нет, – отозвалась она, ощущая, как в ней поднимается злость. – Или у вас не было особой цели, чтобы вытаскивать меня из Дублина? Просто желали полюбоваться моей красотой?

– Лучше не скажешь! – воскликнул Чен-Лу и, повернувшись, позвал официанта. Тот подошел и, склонившись, стал слушать, после чего, отойдя к группе, все еще стоявшей у входа, начал говорить с Жуаном Марино.

Командир бандейрантов оценивающе посмотрел на Рин, после чего перевел взгляд на Чен-Лу. Тот приветственно кивнул.

Несколько женщин, словно бабочки, окружили группу. Краска, наложенная на веки и ресницы, делала их похожими на насекомых с фасеточными глазами. Марино же, отделившись от своих, направился к столу, над которым поднимался янтарный дым. Остановившись напротив Рин, он поклонился Чен-Лу.

– Доктор Чен-Лу, полагаю? – спросил он. – Какое удовольствие видеть вас! Но как региональный директор МЭО смог опуститься до столь неизысканных удовольствий? – Он обвел рукой шумное задымленное помещение кабаре. И подумал: *Я сказал ему все, что хотел, и так, чтобы он понял.*

– Имею же я право хотя бы немного развлечься, – отозвался Чен-Лу. – К тому же есть шанс сочетать приятное с полезным и поприветствовать нашего нового сотрудника.

Встав с дивана, он взглянул сверху вниз на Рин и произнес:

– Рин! Хочу познакомить вас с синьором Жуаном Мартино. Джонни, а это – Рин Келли, из Дублина, наш новый энтомолог.

Чен-Лу подумал: *Это враг! Не ошибись. Враг!*

Мартино поклонился в пояс:

– Очарован!

– Для меня большая честь встретиться с вами, синьор Мартино, – сказала Рин. – Я слышала о ваших подвигах... даже в Дублине.

– Даже в Дублине, – шепотом повторил он. – Судьба часто была ко мне благосклонна, но никогда она не была так благосклонна, как сейчас.

И он уставился на Рин с обескураживающей откровенностью, размышляя, какие особые обязанности могут быть у этой красотки? Она любовница Чен-Лу?

Наступившую тишину неожиданно прервал раздавшийся позади Рин возглас:

– Да змеи и грызуны оказывают еще и более сильное давление на цивилизацию! Так говорят...

На посетительницу зашикали.

Мартино наконец оторвал взгляд от Рин и, обернувшись к Чен-Лу, произнес:

– Трэвис! Никак не могу понять, как такой очаровательной женщине можно было дать степень доктора?

Китаец усмехнулся:

– Осторожнее, Джонни. Доктор Келли – наш новый директор-исполнитель.

– Надеюсь, разъездной директор-исполнитель.

Рин холодно посмотрела на него, но под этой холодностью скрывался интерес. Прямота, с которой вел разговор этот бандейрант, одновременно и пугала, и возбуждала.

– Я много слышала о риторических талантах латиноамериканцев, – сказала она. – В генеалогическое древо каждой семьи здесь вмонтирован кусок нашего ирландского Камня красноречия.

В голосе ее послышались низкие горловые нотки, и Чен-Лу улыбнулся.

– Не присоединитесь к нам, Джонни? – пригласил он.

– Спасибо! Вы избавляете меня от необходимости навязываться, – ответил Мартино. – Но вы ведь знаете, со мной мои братья по оружию!

– Похоже, их уже взяли в плен, – заметил китаец и кивнул в сторону входа, где стоял лишь один офицер из отряда бандейрантов – остальных женщины увели к столу в углу, от которого поднимался голубой дым.

Оставшийся поглядывал то на своих товарищей, кого похитили женщины, то на Мартино.

Рин рассмотрела этого человека. Пепельно-серые волосы, моложавое лицо, пересекаемое по щеке шрамом от кислоты. Он напомнил Рин звонаря из их церкви в Вексфорде, в Ирландии.

– Это Виеро, – объяснил Мартино, проследив за направлением ее взгляда. – Мы зовем его Падре. В настоящий момент он еще не решил, кого ему следует защищать – моих братьев или меня. Думаю, я нуждаюсь в его защите больше, чем кто бы то ни было.

Он жестом позвал Виеро, после чего сел рядом с Рин.

Подошел официант с большим полупрозрачным фужером, полным золотистого напитка, и поставил его перед Мартино. Из фужера торчала стеклянная трубочка.

Не обращая внимания на фужер, Мартино, не отрываясь, смотрел на Рин.

– Готовы ли вы, ирландцы, присоединиться к нам? – спросил он.

– В чем?

– В реорганизации мира насекомых.

Взглянув на Чен-Лу, который не выказал никакой реакции на вопрос бандейранта, она вновь посмотрела на Мартино.

– Ирландцы разделяют точку зрения канадцев и американцев из Северной Америки. Мы немного подождем.

Похоже, ее ответ обеспокоил Мартино.

– Но ведь вы должны понимать свою выгоду, – заметил он. – У вас нет змей. А потому...

– Все, что мы имеем, – продолжила Рин, – создано Святым Патриком по воле Господа. И я не думаю, что бандейранты могут с ними двоими тягаться.

Проговорила она это сердито и уже через мгновение пожалела об этом.

– Должен был вас предупредить, Джонни, – сказал Чен-Лу, – у нее ирландский темперамент.

А сам подумал: *Конечно, он ломает комедию ради меня, маленький хитрец.*

– Понимаю, – отозвался Мартино на слова Рин. – Если Бог не счел необходимым освободить нас от насекомых, то и нам не следует этим заниматься.

Она встревоженно посмотрела на него.

Чен-Лу подавил поднявшуюся в груди ярость. Этот коварный латиноамериканец пытается поймать Рин в капкан и делает это вполне уверенно!

– Увы, мое правительство, – сказал китаец, – не признает факта существования Бога. Возможно, если бы Бог предложил обменяться посольствами...

Чен-Лу похлопал Рин по руке, почувствовал, что та дрожит, и продолжил:

– Тем не менее МЭО полагает, что уже в этом десятилетии мы начнем борьбу к северу от Рио-Гранде.

– Это МЭО полагает или Китай?

– Оба.

– Даже если североамериканцы будут возражать?

– Ожидается, что они услышат доводы разума.

– А ирландцы?

Рин удалось улыбнуться:

– Ирландцы всегда были весьма неразумны.

Она протянула руку к своему бокалу, но тут ее внимание привлек стоящий около стола, одетый в белый мундир бандейрант Виеро.

Мартино поднялся и еще раз поклонился Рин.

– Доктор Келли, – сказал он, – позвольте представить вам одного из моих братьев по оружию, Падре Виеро. – И, повернувшись к Виеро, произнес: – А эта красотка, уважаемый Падре, не кто иная, как местный директор-исполнитель МЭО.

Виеро кивнул и сел на краешек дивана со стороны Мартино.

– Очарован, – пробормотал он.

– Моих боевых товарищей отличает чрезвычайная застенчивость, – сказал Мартино, вновь заняв место около Рин. – Они предпочитают мочить муравьев.

– Джонни, а как ваш отец? – спросил Чен-Лу.

Мартино ответил, не сводя глаз с Рин:

– Все его время отдано делам на Мату-Гросу.

И после небольшой паузы:

– У вас чудесные глаза.

И вновь Рин была обескуражена его прямоотой. Она взяла стоявший перед командиром бандейрантов фужер с золотистым напитком и поинтересовалась:

– Что это?

– Весьма свирепое зелье, бразильская медовуха. Попробуйте. В ваших глазах сверкают золотистые огоньки в тон этому напитку.

Рин подавила желание возразить и поднесла фужер к губам. Ей было действительно любопытно. Но не успела она пригубить, как встретила глазами с Виеро, который уставился на ее прическу.

– Это что, действительно натуральный цвет? – спросил тот.

Мартино рассмеялся и покачал головой:

– Падре!

Чтобы сгладить неловкость, Рин пригубила медовуху, нашла напиток густым и наполненным ароматами цветов, которые буйно распускаются весной на просторах пампасов; была в нем и некая острота, укрывшаяся под мягкой сладостью сахара.

– Нет, я серьезно! – не унимался Виеро. – Это такой цвет?

Чен-Лу склонился к нему через стол и объяснил:

– У многих ирландских девушек такой цвет волос, Виеро. Это означает буйный темперамент.

Рин поставила фужер на стол, пытаясь понять, что же она чувствует. Между ее боссом и этим Виеро складывались вполне товарищеские отношения, и ей было жаль, что она их не разделяет.

– Ну, и куда теперь, Джонни? – спросил китаец.

Бросив взгляд на своего подчиненного, Martino внимательно посмотрел на Чен-Лу. Какого черта этот чиновник задает подобные вопросы, причем здесь и сейчас? Он же полностью осведомлен относительно всего, что происходит.

– Странно, что вы не в курсе наших дел, – произнес Martino. – Вечером мы отбываем в Сьерра-дус-Паресис.

– За большим жуком Мамбуки, – добавил Виеро.

Неожиданно лицо Martino побелело от ярости.

– Виеро! – выпалил он.

Рин переводила взгляд с одного на другого. Над столом повисла странная тишина, которая, казалось, отзывалась покалыванием в руках и плечах.

В том, что разворачивалось сейчас перед ней, было нечто пугающее, отталкивающее, но и содержащее изрядную долю эротики. Ее тело отозвалось на происходящее, причем с ненавистью, хотя точную причину этого отклика она не могла назвать. Единственное, что Рин поняла: вот для чего Чен-Лу вызвал меня, чтобы обворовать Martino и затем легко им манипулировать. Я сделаю это, но, что мне более всего ненавистно, так это то, что получу от этого удовольствие.

– Шеф, – отозвался Виеро, – вы же сами знаете...

– Знаю! – рявкнул Martino. – Не хуже тебя.

Виеро кивнул с выражением боли на лице.

– Они говорят, – начал он, но командир его перебил.

– Да, мы все знаем, – сказал он, едва сдерживаясь. – Да, там есть мутанты.

И подумал: *А почему Чен-Лу нужно, чтобы мы раскрыли все именно сейчас? Хочет послушать, как я спорю с одним из своих людей?*

– Мутанты? – переспросил китаец.

– Мы видели то, что видели, – произнес Виеро.

– Описать это никто не берется, – добавил Martino. – Вероятно, это лишь продукт каких-то диких суеверий. Это все, что я знаю.

– Правда, шеф?

– Со всем, что есть там, мы не побоимся встретиться.

– О чем вы говорите? – вмешалась Рин.

Чен-Лу откашлялся и подумал: нужно ей показать, в какие крайности способен впасть враг. Пусть увидит вероломство этих бандейрантов. И, когда он объяснит ей, что делать, она выполнит все, с большим желанием.

– Рассказывают там одну историю, Рин, – начал Чен-Лу.

– Да уж, историю, – усмехнулся Мартино.

– Значит, это не история, а просто слух. Кое-кто из бандейрантов Диего Алвареса говорил, что в Сьерра-дус-Паресис они видели богомоллов три метра ростом.

Виеро с напряженным лицом наклонился к Чен-Лу. Шрам на его щеке побелел.

– Алварес там потерял шесть человек и только после этого ушел. Вы знали про это, синьор? Шесть человек. И он...

В это время к столу подошел приземистый смуглокожий человек в испачканном белом мундире, с круглым лицом и глазами индейца. Остановившись позади Мартино, он подождал, а потом склонился к уху командира бандейрантов и принялся что-то шептать.

Рин уловила лишь несколько слов – человек говорил очень тихо, да еще на каком-то варварском наречии, которым пользуются люди глубинных районов Бразилии. Были слышны только слова – «площадь», толпа»...

Мартино кусал губы.

– Когда это было, Рамон? – спросил он.

Тот, выпрямившись, произнес уже громче:

– Только что, шеф.

– Прямо на площади?

– Да, в паре кварталов отсюда.

– И кто там? – спросил Чен-Лу.

– Тезка этого кабаре, – сказал Мартино.

– Клещ?

– Говорят, он.

– Но ведь это Зеленая зона! – воскликнула Рин и удивилась страху, который неожиданно охватил ее.

Мартино встал.

Чен-Лу, взглянув на командира бандейрантов, вдруг сменил мину полной бесстрастности на выражение крайней заинтересованности.

– Прошу извинить меня, доктор Келли, – сказал Мартино.

– Куда вы идете? – спросила она.

– Есть работа.

– Клещ? – поинтересовался китаец. – А это не ошибка?

– Никак нет, синьор, – ответил за командира Рамон.

– Разве у нас нет специальных средств, чтобы предотвращать подобное? – спросила Рин. – Наверняка это существо проникло в Зеленую зону вместе с каким-то грузом...

– Вряд ли, – покачал головой Мартино. – И, обратившись к Виеро, сказал:

– Поднимай людей. Том сядет за руль, а Лон займется светом.

– Слушаюсь, – ответил бандейрант и, встав, направился к столику в углу, где шумели и веселились его товарищи.

– Что вы имеете в виду под «вряд ли»? – поинтересовался Чен-Луи.

– Там один из тех, в кого вы отказываетесь верить, – ответил Мартино и, повернувшись к Рамону, отправил его к Виеро.

Тот покинул столик.

– Так, может, вы объясните? – настаивал китаец.

– Ладно. Это существо полметра длиной, оно плюется кислотой, – негромко сказал Мартино.

– Но это же невероятно!

Рин покачала головой.

– Клещи неспособны... – начала она.

– Не волнуйтесь, – тронул ее за руку Чен-Лу. – Это – обычная шутка бандейранта.

– Если вам угодно так думать, – усмехнулся Мартино. – Надеюсь, вы заметили шрам на лице Виеро. Вот так мы шутим. – Он повернулся к Рин и, поклонившись, сказал:

– Прошу меня извинить, синьора.

Рин встала. Клещ полметра длиной?

Старые слухи, которые доносились до нее на том конце планеты, вдруг вспомнились отчетливо, наполнив ее ощущением нереальности происходящего. У каждого вида есть пределы физического роста. Такого насекомого просто не может быть. Или может? В Рин проснулся энтомолог. Логика и квалификация одержали верх над женщиной и тайным агентом. Всего через несколько минут она разрешит вопрос, который волнует ее как ученого. Ответ находится в двух кварталах от казино. На главной площади. Кроме того, Чен-Лу не захочет, чтобы она расставалась с Жуаном Мартино.

– Мы идем с вами, – произнесла Рин.

– Это решено, – произнес китаец, вставая.

Рин взяла командира бандейрантов под руку и прошептала:

– Так покажите мне этого невероятного клеща, синьор Мартино!

Мартино, положив свою ладонь поверх ее руки, почувствовал электрическое тепло, пронзившее его существо. Необычайная женщина!

– Вы так прекрасны, что, когда я думаю о кислоте...

– Я уверен, что этот объект слухов не причинит нам неприятностей, – сказал Чен-Лу. – Ведите нас, Джонни!

Мартино вздохнул. До чего же упрямы бывают люди! Но теперь у него появился шанс достучаться до самого верха и убедить высшее начальство в том, в чем обычные бандейранты давно убеждены. Да, региональный директор Чен-Лу просто обязан пойти с ними. Мартино неохотно передоверил руку Рин китайцу.

– Конечно, Трэвис, – кивнул он. – Но, прошу вас, держите нашу красавицу подальше от того места, где мы будем работать. Слухи порой жалят весьма болезненно.

– Мы примем все необходимые меры предосторожности, – отозвался китаец. Он не скрывал иронии.

Люди из отряда Мартино уже направлялись к двери. Командир повернулся и поспешил вслед за ними, не обращая внимания на шум, который провожал покидавших казино бандейрантов.

Рин, идя рядом с Чен-Лу, поразилась, увидев, сколько решимости кроется в фигурах шагающих впереди них мужчин. Те, кто намеревается обмануть, так не ходят. Значит, история с полуметровым клещом – не обман?

III

Бело-голубой свет струился из висевших над улицей фонарей. Люди в разноцветных костюмах, принадлежавших разным культурам и разным районам, шли мимо кабаре к главной площади.

Мартино, идя впереди своих людей, прибавил скорости, и они присоединились к потоку. Люди узнавали бандейрантов, уступали дорогу, приветствовали белые мундиры.

– Это Жуан Мартино и его братья по оружию...

– ...Бенито Алвареса в Пиратинги...

– ...Жуан Мартино...

На площади уже стоял белый грузовик отряда эрмосильских бандейрантов, который осветил своими прожекторами фонтан, находившийся в самом центре. Чуть в стороне расположились еще грузовики, а также автомобили местного начальства. Эрмосильский грузовик, как можно было судить по его виду, недавно вернулся из Красной зоны: нижняя часть его передних крыльев была покрыта грязью, передний бампер перерезала трещина, которая опоясывала весь кузов; два из четырех подъемников цветом отличались от прочих, что свидетельствовало о спешном ремонте в полевых условиях.

Мартино двинулся туда, куда был направлен свет прожекторов. Полицейские и эрмосильские бандейранты, сдерживавшие толпу, узнали его и пропустили.

– Где Рамон? – спросил Мартино у Виеро.

– Отправился за нашим грузовиком вместе с Томом и Лоном, – ответил Падре.

И, присмотревшись к фонтану, произнес:

– А где этот выродок? Я его не вижу.

Мартино показал на фонтан:

– Смотри туда!

Толпа, удерживаемая на расстоянии полицией и бандейрантами, находилась метрах в пятидесяти от фонтана. Его верхняя часть состояла из каскада колец, и с них прозрачным водопадом стекала вода. Площадь перед фонтаном была выстлана плиткой с изображениями бразильских птиц. Плитка заканчивалась десятисантиметровым бордюром, он отгораживал двадцатиметровый круглый газон, в центре которого располагалась рифленая внешняя чаша фонтана. Внутри чаши находилась другая чаша, на ее краю сидела тварь, за которой теперь предстояло охотиться бандейрантам. На газоне были видны желтые полосы мертвой сожженной травы. Мартино пальцем показал на эти полосы.

– Кислота, – прошептал Виеро.

Прожектор остановился, зафиксировав движение внутри фонтана. Толпа отозвалась на это обеспокоенным гулом голосов.

– А вот и он, – сказал Мартино. – Ну что, теперь подозрительные чиновники из МЭО нам поверят?

Не успел он закончить фразу, как сидевшее в фонтане существо выпустило мерцающую струю, которая, прорвав завесу воды и взметнув вверх клубы пара, обрушилась на газон. Похоже, кислота зацепила кого-то из стоящих вокруг фонтана стражей порядка – раздался стон, и из внешнего круга, сформированного толпой любопытных, со стороны эрмосильского грузовика, раздвигая зевак, стал пробираться врач с саквояжем, водруженным на голову.

– Кто-нибудь уже пострадал? – спросил Мартино.

Один из стоящих сзади полицейских ответил:

– Алварес. Хотел захватить эту тварь, но у него был только ручной щит и ручной эжектор. А с обычным щитом с этой гадиной не справиться – слишком быстрая. Вот и получил струю себе в руку.

Виеро потянул Марино за рукав, указав на толпу позади полицейского кольца. По направлению к фонтану пробирались Чен-Лу и Рин Келли. Люди, видя их значки МЭО, расступались и давали дорогу.

Не успев дойти до передней линии оцепления, Рин помахала Марино рукой и воскликнула:

– Синьор Марино! Это невероятно! Говорят, у него размер в семьдесят пять сантиметров и вес три-четыре килограмма.

– Они что, не хотят верить собственным глазам? – усмехнулся Виеро.

Тем временем Чен-Лу подошел к полицейскому, который сообщил Марино о том, что произошло с Алваресом, и попросил пропустить внутрь. Тот кивнул, и полицейские расступились перед ним и Рин.

Приблизившись к командиру бандейрантов, китаец посмотрел на Рин, а затем на Марино.

– И все-таки я не верю, – произнес он. – Я бы дорого заплатил, чтобы получить эту штуку в руки, в целости и сохранности...

– Во что вы не верите? – спросил Марино.

– Я уверен, что это робот. А вы как считаете, Рин?

– Скорее всего.

– И сколько вы дадите? – поинтересовался Марино.

– Десять тысяч крузадо, – ответил китаец.

– Тогда отведите подальше нашу красавицу Рин Келли, – велел Марино и, повернувшись к Виеро, спросил:

– Так где же Рамон с грузовиком? Найди его. Мне нужен наш щит из бронестекла и ударный эжектор.

– Слушаюсь, шеф!

– Да, и контейнер для образцов, самый большой.

Вздыхнув, Виеро отправился выполнять приказ.

– Так что это за штука? – обратился Чен-Лу к Марино.

– Не знаю.

– Но вы же дали понять, что бандейранты постоянно сталкиваются с этими тварями в Красной зоне.

– Я не могу отрицать то, что видел собственными глазами, – произнес Марино.

– Но почему мы никогда с ними не сталкивались?

Марино сглотнул, чтобы сдержать поднимающуюся в нем ярость. Этот кретин, который носа своего не высунет за границы Зеленой зоны, не верит тому, в чем бандейранты убедились, рискуя собственными шкурами!

– Это ведь интересный вопрос, не так ли? – не унимался китаец.

– Интереснее то, что мы выбираемся из Красной зоны живыми, – прорычал командир.

Вмешалась Рин:

– Однако существование такого насекомого противоречит законам физики.

Китаец кивнул:

– Материал, из которого оно создано, не сможет обеспечить прочность структуры. Тем более при той активности, какую это существо демонстрирует. Если это, конечно, не робот.

– Я уверен, что вы, энтомологи, правы абсолютно во всем, – сказал Марино.

Рин внимательно посмотрела на него. Злобный цинизм командира бандейрантов удивил ее. Он не защищался, наоборот, атаковал! Вел себя так, словно был уверен, что эта невероятная штука в фонтане – гигантское насекомое. Хотя в кабаре, в разговоре, считал иначе.

– Вы видели нечто подобное в джунглях? – спросил Чен-Лу.

– А вы видели шрам на физиономии Падре?

– И о чем этот шрам свидетельствует?

– Мы видели... то, что видели.

– Но насекомое просто не может вырасти до таких размеров! – настаивала Рин. Она повернулась и принялась вглядываться в темное существо, которое шевелилось за тонкой стеной воды, струившейся с фонтанных колец.

– Мне рассказывали то же самое, – произнес Мартино.

Он ведь тоже не поверил, когда ему доложили о богомолах три метра ростом, которые завелись в Сьерра-дус-Паресис. Мартино знал все, что по этому поводу говорят энтомологи, что утверждает Рин. Они правы, насекомые неспособны вырастать до таких размеров. Может, это действительно роботы. Но кто будет строить подобные чудовища?

– Наверняка это увеличенная механическая копия клеща, – заявила Рин.

– Однако кислота – реальная, – покачал головой Чен-Лу. – Взгляните на желтые полосы на траве.

Мартино понимал: все, чему он учился, заставляло его быть на стороне Рин и этого китайца. Когда Виеро впервые сообщил ему о богомолах из Сьерра-дус-Паресис, он предпочел отмахнуться. Мартино отлично понимал, как распространяются слухи. Помимо бандейрантов в Красной зоне было не так много людей; сами же бандейранты, чего греха таить, в основном были люди малообразованные и суеверные, которых привлекала, с одной стороны, романтика освоения диких земель, а с другой – деньги.

Командир бандейрантов покачал головой. Он был с Падре в тот день, когда на тропинке в лесу штата Гояс того полоснуло струей кислоты. И видел... то, что видел.

И вот теперь эта тварь засела в фонтане!

Громкий гул двигателя отвлек Мартино. Толпа разошлась, освободив проезд, и появился грузовик, за рулем которого сидел Рамон. Грузовик подъехал к своему эсморильскому товарищу, и из него выскочил Виеро. Мотор затих.

– Шеф! – крикнул Виеро. – Почему бы нам не подогнать его прямо к фонтану? Можно использовать как прикрытие.

Жестом предложив Падре замолчать, Мартино обратился к Чен-Лу:

– У грузовика не хватит маневренности. Вы же видите, как увертливо это создание.

– Но вы так и не сказали, что это, – заметил китаец.

– Объясню, когда увижу его в контейнере.

Виеро подошел и встал рядом с командиром.

– Мы бы просто придавили его грузовиком, – сказал он.

– Нет, – возразил Мартино. – Доктору Чен-Лу нужен неповрежденный экземпляр. Так что используем несколько пенных бомб и захватим эту тварь.

Виеро вздохнул, отошел к грузовику и что-то сказал тем, кто сидел внутри. Оттуда стали доставать необходимое оборудование. Мартино, повернувшись к полицейскому, который помогал сдерживать толпу, попросил:

– Можете передать сообщение владельцам машин, стоящих с противоположной стороны фонтана?

– Разумеется, синьор.

– Нужно, чтобы они выключили фары. Иначе они меня ослепят. Понятно?

– Конечно!

И полицейский тотчас же передал сообщение офицерам.

Мартино приблизился к задней части грузовика и взял эжектор. Проверил зарядный цилиндр, извлек его, достал другой и, перезарядив эжектор, вновь проверил.

– Контейнер держите поблизости, – велел он Виеро. – Как только мы обездвижим эту тварь, он нам понадобится.

Виеро выкатил щит – пластину способного противостоять кислоте бронестекла на двухколесной моторной тележке. На правой стороне щита был предусмотрен паз для эжектора.

После этого из грузовика появились два защитных костюма – многослойные фибергласовые комбинезоны серебристого цвета, покрытые гибкой тканью, нечувствительной к кислоте.

Мартино надел один и проверил застёжки. Виеро надел другой костюм.

– Лучше бы со щитом работал Том, – заметил Мартино.

– У него нет моего опыта, шеф, – отозвался Виеро.

Командир кивнул, после чего принялся осматривать пенные бомбы и вспомогательное оборудование. Подвесил на скобу с внутренней стороны щита дополнительные зарядные цилиндры. Все это он проделал быстро и молча, с легкостью и экономией движений, свидетельствовавшими о большом опыте. Толпа позади грузовика замерла в напряженном ожидании, и лишь изредка слышался чей-то шепот.

– Это чудище все еще в фонтане, шеф, – произнес Виеро.

Ухватив щит за ручки, он вывел его на мозаичную плитку, при этом правое колесо тележки оказалось на покрытой голубым оперением шее кондора, изображенного на плитке. Мартино установил эжектор в паз щита.

– Проще было бы убить его, – усмехнулся он.

– Эти твари дьявольски увертливы, – заметил Виеро. – И мне это не нравится. Если он прорвется за щит, костюмы нам не помогут. Это как тонкой сеткой останавливать водопад.

– Так не позволяй ему прорываться!

– Сделаю все, что в моих силах, шеф.

Мартино внимательно посмотрел на гигантское насекомое, сидящее на краю фонтана по ту сторону льющей сверху стены воды.

– Принеси фонарь, – велел он. – Может, нам удастся его ослепить.

Виеро выполнил приказ и через мгновение с его пояса свисал мощный фонарь.

– Ну, пошли, – сказал командир, и Виеро, сняв тележку с тормоза, включил мотор.

Раздался негромкий ровный гул. Виеро повернул регулятор скорости, и щит двинулся по покрытому плиткой пространству к газону, кольцом охватывающему фонтан.

Струя кислоты, прорвав поток воды, вылетела из фонтана и упала на траву в десяти метрах от щита. Белый маслянистый дым вскипел на газоне и, поднявшись над травой, был отнесен влево легким ветром. Определив направление ветра, Мартино знаком велел Виеро скорректировать положение щита.

Еще одна струя кислоты вырвалась из фонтана и упала в траву на таком же расстоянии.

– Он явно хочет нам что-то сказать, – пошутил Виеро.

Медленно пересекая газон, исполосованный кислотой, бандейранты приближались к фонтану. И вновь оттуда поднялась едкая струя. Виеро отклонил щит назад. Кислота ударила в стекло и потекла вниз. Острый запах попал в ноздри зевая на площади. Толпа отозвалась ошеломленным гулом.

– Какого черта они стоят так близко? – воскликнул Виеро. – Если эта тварь поднатужится...

– Конечно, безопаснее было бы пристрелить зверя, – заметил Мартино.

– Пристрелить десять тысяч крузано?

– Ты прав. Мы должны помнить, во имя чего рискуем.

– Я тоже делаю это не из любви к искусству. – Виеро продвинул щит еще на метр вперед. На щите, там, куда ударила кислота, стало формироваться туманное пятно.

– Ничего себе! – поразился Виеро. – Бронированное кислотозащитное стекло – и то не держит!

– Похоже на щавелевую кислоту, – заметил Мартино. – Только сильнее. Теперь иди медленнее. Мне нужно попасть точнее.

– Почему не используем пенную бомбу?

– Виеро!

– А, понял! Вода!

Насекомое двинулось направо. Виеро повернул щит. Насекомое остановилось и направилось в обратную сторону.

– Не шевелись, – попросил Мартино и, найдя на стекле щита пока незамутненный фрагмент, принялся разглядывать гигантского клеща.

Тот двигался взад и вперед, вполне различимый на краю внутренней чаши фонтана. Он был похож на своего миниатюрного тезку – как карикатура напоминает прототип. Сегментированное тело покоилось на пружинистых рифленых лапках, поросших жесткой щетиной. Вверх торчали коротенькие усики, на концах которых застыли сверкающие капли.

Неожиданно существо вскинуло трубчатый нос и выпустило струю, целясь прямо в щит. Мартино нырнул под его защиту.

– Нужно подобраться поближе, – сказал он. – После того как я выстрелю, у него не должно быть времени на восстановление.

– Чем у вас заряжен эжектор, шеф?

– Нашей особой смесью – соляная кислота пополам с сулемой в бутиловом коагуляте. Я хочу спеленать ему лапы.

– Неплохо бы еще и забить ему нос.

– Вперед, старина! – воскликнул Мартино.

Виеро двинул щит вперед, склонившись, чтобы разглядеть насекомое за пеленой кислотного-водного тумана, клочьями висевшего над газоном. Гигантский клещ, словно пританцовывая, раскачивался из стороны в сторону, после чего повернулся и по краю внутренней чаши перебрался направо. Затем развернулся и выпустил по нападавшим новую струю кислоты. Струя засверкала в свете прожекторов, как нитка бриллиантов. Виеро едва успел развернуть щит, чтобы отразить атаку.

– Клянусь всеми святыми, – прошипел он, – но мне совсем не нравится работать так близко от этой твари, шеф. Мы же не матадоры!

– И это не бык, брат мой. У него нет рогов.

– А я бы сейчас предпочел рога.

– Мы много говорим, Падре! Вперед!

Виеро повиновался, приблизив щит на расстояние двух метров от фонтана.

– Бейте его!

– У нас только одна попытка, – отозвался командир. – Мы не можем повредить этот экземпляр. Доктору он нужен целым и невредимым.

И мне тоже, подумал он.

Мартино нацелил жерло эжектора на клеща, но тот, перемахнув край внешней чаши, прыгнул на газон, а потом обратно в фонтан. Толпа отшатнулась. Кто-то закричал. Мартино и Виеро, пригнувшись за щитом, наблюдали за танцующей тварью.

– Какого черта он не остановится хотя бы на секунду? – произнес Мартино.

– Шеф, если он проберется под щит, нам конец! Чего вы ждете? Стреляйте!

– Я должен хорошенько прицелиться.

Жерлом эжектора Мартино сопровождал прыгающего из стороны в сторону пляшущего клеща. С каждым мгновением насекомое смещалось все дальше и дальше вправо. Неожиданно оно сделало резкий рывок и бросилось на противоположную сторону фонтана. Теперь его отделяла от Мартино и Виеро более плотная стена воды, но прожектора достали его и там, и видно было, что эта тварь по-прежнему сидит на краю внутренней чаши.

Мартино не мог отделаться от мысли, что клещ вполне сознательно вынуждает их двигаться за ним. Он хочет, чтобы они оказались в какой-то особой позиции. Мартино поднял прозрачное забрало, закрывавшее лицо, и левой рукой вытер пот со лба. Ночь выдалась жаркой, хотя от фонтана поднимался холодный туман с острым запахом кислоты.

– Он пытается загнать нас, – произнес Виеро. – Если между нами и ним будет фонтан, как мы его поймем?

– Все решаемо, – отозвался Мартино. – Если эта тварь станет прикрываться фонтаном, то мы вызовем подкрепление. От двух команд ему не уйти.

Виеро принялся двигать щит вокруг фонтана.

– Я по-прежнему считаю, что мы могли бы использовать грузовик, – сказал он.

– Он слишком большой и неуклюжий, – возразил Мартино. – Кроме того, грузовик может испугать клеща, и тот бросится в толпу. Я думаю, он понимает, что это его шанс сбежать от нас.

– Шеф! У меня такие же мысли.

В этот момент клещ бросился в их сторону, но потом столь же резко остановился и попятился. При этом его нос был нацелен точно на щит бандейрантов. Теперь он мог бы быть отличной целью, если бы не слишком плотная завеса воды, стекающей с колец фонтана.

– Ветер дует нам в спину, шеф, – предупредил Виеро.

– Знаю, – кивнул Мартино. – Надеюсь, у него не хватит ума выстрелить вверх наших голов, чтобы кислота опустилась на нас сзади.

Клещ сдвинулся туда, где бетонные структуры фонтана закрывали его от прожекторов. Там, в тени, он и метался из стороны в сторону – мутное темное пятно.

– Шеф, по-моему, он не собирается там оставаться вечно, – предположил Виеро.

– Придержи щит, Падре! Думаю, ты прав. Нужно было бы очистить площадь. Если эта тварь рванет в толпу, многие пострадают.

– Согласен.

Мартино помолчал и, приняв решение, приказал:

– Виеро! Направь на него свет от фонаря. Попробуй ослепить. А я сдвинусь вправо и достану его оттуда.

– Шеф!

– У тебя есть идея получше?

– Давайте хотя бы отодвинем щит подальше, на газон. Вы будете от него на дистанции.

Неожиданно клещ соскочил с внешней чаши фонтана на траву. Виеро, включив фонарь, ударил по нему струей ослепительного света.

– Шеф! Бейте его!

Мартино попытался прицелиться, но паз в щите помешал ему развернуть эжектор на нужный угол. Выругавшись, Мартино ухватился за ручки тележки, но не успел он повернуть щит, как позади клеща вдруг вздыбился кусок газона размером с канализационный люк, и оттуда с резким скрипучим звуком поднялось нечто, формой напоминающее голову, украшенную тремя рогами.

Клещ метнулся назад и исчез в образовавшемся провале.

Толпа на площади кричала, охваченная животным страхом и яростью. Сквозь этот крик Мартино слышал, как молится Виеро:

– Дева Мария, Святая Богоматерь...

Мартино попытался оттянуть щит в нужную для атаки позицию, но Виеро мешал, стараясь направить тележку назад. Щит развернулся, и бандейранты, не защищенные бронированным стеклом, оказались перед поднявшимся из земли существом, которое за эти мгновения выросло еще на полметра. Освещенное прожекторами, оно предстало перед Мартино во всем своем ужасном обличье. Существо напоминало гигантского жука-оленья с тремя рогами, но ростом – значительно выше среднего человека.

Мартино рванул эжектор из паза и направил его на рогатое чудовище.

– Шеф! – умолял Падре. – Шеф!

Мартино сбросил предохранитель, установил эжектор на две секунды и нажал на спуск, бормоча:

– Раз, два...

Ядовитый коагулят вырвался из жерла эжектора и ударил в чудовище. Ошеломленное, оно на мгновение замерло, затем дернулось и со скрипучим воем, перекрывшим рев толпы, принялось выбираться из дыры в газоне.

Толпа затихла, завороченно глядя на поднявшееся над фонтаном существо – его хитиновая оболочка переливалась в свете прожекторов черными и зелеными бликами.

Мартино слышал выпускаемые монстром чавкающе-сосущие звуки – такие звуки издает фонтан, когда в нем иссякает вода.

Он аккуратно прицелился в голову чудища и одним движением опорожнил весь зарядный цилиндр – десять секунд. Жук дернулся и принялся уползать обратно, в дыру, одновременно стараясь освободиться от застывающего коагулята бешено работающими лапами.

– Шеф! – умоляюще воскликнул Виеро. – Уходим, прошу вас!

Он развернул тележку так, что щит вновь оказался между ними и гигантским насекомым, и стал втаскивать своего командира в безопасную зону. Не обращая на это внимания, Мартино выхватил запасной зарядный цилиндр, вбил его в слот эжектора, а в левую руку взял пенную бомбу. Он не испытывал никаких эмоций, кроме желания покончить с этой тварью. Но не успел Мартино замахнуться, чтобы бросить бомбу, как щит отбросило назад тугой струей жидкости, пущенной гигантским жуком.

– Бежим! – крикнул Виеро.

Дважды повторять было не нужно. Укрываясь щитом, они отпрянули и остановились, лишь когда выбрались за пределы радиуса атаки. Мартино, тяжело дыша, посмотрел назад. Рядом с ним дрожал Виеро. Гигантская фигура жука осела в отверстие в газоне и стала медленно скрываться под землей. Чудовище отступало, но это было самое ужасное из отступлений, которые когда-либо видел Мартино. Монстр был готов в любую секунду предпринять новую смертоносную атаку. Наконец жук исчез, земля над ним в последний раз вздрогнула и закрыла отверстие.

Словно по сигналу, толпа взревела, и это был крик ужаса. Даже не различая слов, Мартино понял это. Отбросив забрало, он прислушался. До него долетали обрывки фраз.

– Это был жук, вне сомнений!

– А вы слышали новости с побережья?

– Заражен весь регион!

– ...в монастыре Монте-Очоа... детский приют...

Но чаще всего звучал вопрос:

– Что это?

– Что это было?

– Что за...

Мартино почувствовал, что справа кто-то подошел, повернулся и увидел Чен-Лу, который внимательно рассматривал место, где только что исчезло гигантское насекомое. Рин Келли с ним не было.

– Ну и что это было, Джонни? – спросил китаец.

– Выглядело как гигантский жук-олень, – ответил Мартино и удивился тому, насколько спокойно звучал его собственный голос.

– Он был в полтора раза выше человека, – пробормотал Падре. – Шеф, все эти истории про Сьерра-дус-Паресис...

Мартино обратился к Чен-Лу:

– Я слышал, как люди говорили про монастырь Монте-Очоа, про побережье и приют. Что там такое?

– Рин отправилась выяснить, – ответил китаец. – Были какие-то тревожные сообщения. А пока я распорядился вывести людей с площади. Им приказано разойтись по домам.

– Что это за сообщения?

– Нечто, говорят, жуткое. В монастыре, на побережье и в приюте.

– А конкретно?

– Рин узнает. Она этим как раз занимается.

Мартино сделал паузу и, показав на фонтан, произнес:

– Нечто жуткое произошло и у нас. Теперь-то вы верите в то, о чем мы вам докладываем уже не первый месяц? Вы все видели своими глазами.

– А что я видел? – усмехнулся китаец. – Стреляющего кислотой робота, да какого-то человека в маскарадном костюме.

Он помолчал и, пристально глядя на стоявших перед ним бандейрантов, произнес:

– Что меня интересует, так это мера вашего участия в этом цирке.

Виеро негромко выругался. Мартино несколько мгновений выждал, чтобы подавить волну гнева, и негромко проговорил:

– На человека в костюме жука это не похоже.

Он покачал головой. Не время поддаваться эмоциям. Нужно включить знания и рассудок. Насекомые неспособны вырастать до таких размеров. Силы гравитации? Тогда что это?

– Нам нужно, по крайней мере, взять с газона образцы кислоты, – сказал он. – И исследовать отверстие.

– Я уже вызвал службу безопасности, – произнес Чен-Лу и, отвернувшись, принялся размышлять о том, что напишет в докладе, который отправит своему начальству в МЭО, а также в секретном сообщении собственному правительству.

– Вы видели, как эта тварь скрылась в земле, когда я ударил ее из эжектора? – спросил Мартино. – Заряд состоит из едких веществ. Если бы это был человек, он бы кричал от боли.

– Это мог быть защитный костюм, – заметил, не оглядываясь, китаец.

Он думал о Мартино. Этот командир бандейрантов явно обескуражен произошедшим. Ничего! Инцидент послужит ему на пользу. Чен-Лу это прекрасно понимает.

– Вы же видели, как он вылез из этой дыры, – вмешался Виеро. – Своими собственными глазами.

Послышались возмущенные выкрики – толпу теснили с площади.

Мартино смотрел, как работают полицейские, а затем обратился к Виеро:

– Падре!

– Да, шеф?

– Принеси из грузовика карабины с разрывными пулями.

– Уже иду, – отозвался Виеро и направился к грузовику.

Машина стояла поодаль, окруженная компанией бандейрантов. Мартино многих знал: больше всего было людей из команды Алвареса, но были и эрмосильцы, и бандейранты из Джунитцы.

– Зачем вам разрывные пули? – поинтересовался китаец.

– Хочу исследовать эту дыру в земле.

– Скоро подъедут люди из службы безопасности. Нам следует дожждаться их.

– Нет, я иду туда немедленно.

– Мартино, я говорю вам...

– Вы – не правительство Бразилии, доктор, – резко заявил тот. – Мое правительство поручило мне выполнение специальной задачи. И я обязан сделать это, какие бы...

– Мартино! Вы уничтожите свидетельства...

– Доктор! Когда мы столкнулись тут с этой тварью, вас здесь не было. Вы стояли на краю площади, в полной безопасности, пока я зарабатывал право спуститься в эту дыру.

Узкие глаза китайца от ярости превратились в щелочки, но он сдержал гнев и, подождав, когда вновь сможет контролировать свой голос, произнес:

– В таком случае я иду с вами.

– Как угодно.

Мартино посмотрел на грузовик, из которого доставали карабины. Виеро принимал оружие, укладывая на газон. Высокий бритый негр с рукой на перевязи подошел к Виеро. На негре была белая униформа обычного бандейранта, хотя на левом плече красовалась золотая эмблема командира. Его сморщенная физиономия была искажена болью.

– А вот и Алварес, – сказал Чен-Лу.

– Вижу.

Чен-Лу встал перед Martino и изобразил печальную улыбку:

– Джонни! Не будем воевать друг с другом. Вы знаете, с какой целью МЭО прислала меня в вашу страну.

– Да. Китай уже завершил работы по своим насекомым. Вас можно поздравить с победой!

– У нас не осталось никого, кроме мутировавших пчел, кто мог бы распространять болезни или пожирать еду, предназначенную для людей.

– Я знаю, Трэвис, – кивнул Martino. – И вы приехали сюда, чтобы облегчить нам жизнь.

Чен-Лу нахмурился, уловив нотки недоверия в словах бандейранта, и произнес:

– Именно так.

– Тогда почему вы не позволяете нашим наблюдателям и людям из ООН поехать к вам и все увидеть собственными глазами?

– Джонни! Вы же прекрасно знаете, как долго наша страна страдала от притеснений со стороны белых империалистов. Многие наши люди до сих пор считают, что любые контакты с иностранцами опасны. Они везде видят шпионов.

– Но вы же лично принадлежите всему человечеству, верно, Трэвис? И видите все с более широких позиций, чем ваши соотечественники?

– Разумеется. Моя прабабка была англичанкой, урожденной Трэвис-Хангтингтон. В нашей семье традиция – на все смотреть с более широких позиций.

– Забавно, что ваша страна все еще вам верит, – усмехнулся Martino. – Вы, хотя и частично, но тоже белый империалист.

К ним подошел негр в белом мундире, и Martino повернулся, чтобы поприветствовать его.

– Бенито! – воскликнул он. – Мне жаль, что у тебя так получилось с рукой.

– Привет, Джонни! – отозвался Алварес. – Бог защитил меня. Я поправлюсь. – Взглянув на карабины, которые принес Виеро, он добавил: – Я слышал, Падре зарядил их разрывными. Разрывные нам нужно только в одном случае.

– Я хочу заглянуть в эту дырку, Бенито.

Алварес повернулся к Чен-Лу.

– И вы не возражаете, доктор? – спросил он.

– Конечно, я возражаю, но против Джонни у меня нет власти, – ответил Чен-Лу.

Желая сменить тему, он внимательно посмотрел на забинтованную руку Алвареса и поинтересовался:

– Рука серьезно повреждена? Я попрошу посмотреть вас своего хирурга.

– Все нормально, док. Рука заживет, – улыбнулся Алварес.

– Он действительно хочет знать, ранен ты или нет, – сказал Martino.

Чен-Лу бросил на бандейранта обеспокоенный взгляд и вновь натянул на лицо маску равнодушия.

Виеро, протянув один из карабинов командиру, произнес:

– Шеф, нам обязательно нужно туда лезть?

– А почему доктор сомневается, ранена у меня рука или нет? – спросил Алварес.

– Да он слышал разные истории, – отозвался Мартино.

– Какие?

– Что бандейранты якобы заинтересованы в том, чтобы проблема не решалась, а потому сами заражают регионы, заселяя их новыми насекомыми из своих тайных лабораторий.

– Глупые сплетни! – возмутился Алварес.

– Это какие же бандейранты так делают? – воскликнул Падре, ухватившись за карабин так, словно хотел направить его на Чен-Лу.

– Спокойно, Падре, – остановил его Алварес. – Не следует верить подобным историям. Там никогда нет ни имен, ни конкретных адресов. Так, вранье!

Мартино посмотрел через газон на место, где исчез под землей гигантский жук. Гораздо веселее поболтать о таких вещах, чем самому пойти и сунуть нос туда, куда уползла эта тварь. Ночной воздух был напоен ощущением угрозы и... истерики. И самым странным было то, что повсюду, во всех людях, которые сновали по площади, крылось это нежелание что-либо делать. Словно только что завершилась одна из самых крупных битв большой войны.

Ну что ж, подумал он, это и есть война.

Они тут, в Бразилии, ведут эту войну уже восемь лет. Китайцы закончили такую же у себя дома за двадцать два года. Здесь, они сказали, все можно решить в десять лет. А если все-таки двадцать два, как в Китае? Осталось еще четырнадцать – и эта мысль настолько захватила Мартино, что почти лишила его сил.

– Вы же должны признать, что тут происходят весьма странные события, – сказал Чен-Лу.

– Это мы признаем, – согласился Алварес.

– А почему никто не подозревает карсонитов? – спросил Виеро.

– Отличный вопрос, Падре, – отозвался Алварес. – У этих карсонитов мощная поддержка – неприсоединившиеся страны. США, Канада, Англия, вся Европа.

– Те страны, у которых никогда не возникало проблем с насекомыми, – заметил Виеро.

Удивительно, но против этой версии запротестовал именно Чен-Лу.

– Все не так, – заявил он. – Неприсоединившимся странам на все наплевать. Ну, за исключением того, что они рады, что мы так глубоко завязли в этой войне.

Мартино кивнул. Именно так говорили его одноклассники в школе в Северной Америке. Всем им было безразлично.

– Ладно, – сказал он. – Пойду и исследую эту дыру.

Алварес протянул руку и, взяв карабин у Виеро, повесил на здоровое плечо и взялся за рукоятку щита.

– Я пойду с тобой, Джонни, – произнес он.

Мартино взглянул на Виеро, по испуганному лицу которого скользнула тень облегчения, и повернулся к негру.

– А твоя рука? – спросил он.

– У меня еще одна, здоровая. Больше мне и не нужно.

– Трэвис, а вы держитесь сразу за нами, – обратился Мартино к китайцу.

– Только что прибыли люди из службы безопасности, – сообщил Чен-Лу. – Притормозите на секунду, и мы оцепим площадь. Я попрошу их взять щиты.

– Это умно, Джонни, – заметил Алварес.

– Мы пойдем медленно, – отозвался Мартино. – Падре, возвращайся к нашему грузовику. Пусть Рамон переведет его на ту сторону площади и поставит на край газона. А эрмосилыцы направят фары своей машины туда, куда мы идем. – И он указал в сторону фонтана.

– Да, шеф! – воскликнул Виеро и побежал выполнять приказ.

- А мы не разозлим того, кто там сидит? – спросил Чен-Лу. – Он на нас не бросится?
- Нам всем интересно с ним познакомиться, – сказал Алварес.
- Ну что ж, идем! – проговорил Марино.

Чен-Лу отправился вправо, где из боковой улицы появился грузовик МЭО. Толпа, все еще не расходившаяся по домам, сопротивлялась полиции, пытавшейся вытеснить зевак с площади.

Алварес включил двигатель тележки, на которой был установлен щит, и они зашагали по газону.

– Джонни, – негромко спросил Алварес, – так почему все-таки доктор не подозревает карсонитов?

- У него лучшая в мире шпионская сеть, – ответил Марино. – И ей можно верить.

Он не сводил взгляда с растревоженной земли газона, с той таинственной точки, куда они направлялись.

- С другой стороны, ему нужно выставить нас в невыгодном свете.

- Верно. Хотя Трэвис Хантингтон Чен-Лу вряд ли допустил бы такую ошибку.

И подумал: *Странно! Эта полоса земли в равной степени и притягивает, и отталкивает!*

– Мы с тобой часто были соперниками и враждовали по поводу разных контрактов, – сказал Алварес, обращаясь к Марино. – Пожалуй, порой нам нужно вспоминать, что у нас общий враг.

- Ты знаешь его имя?

– Этот враг поджидает нас в джунглях, в саванне и под землей. Китайцам потребовалось двадцать два года...

– У тебя есть подозрения на их счет? – спросил Марино, заметив, насколько напряженным был взгляд Алвареса. – Они ведь так и не пустили наших специалистов с инспекцией.

– Китайцы – параноики. Они были такими задолго до того, как схлестнулись с Западом, и Запад лишь подтвердил диагноз. Подозревать китайцев? Нет, вряд ли.

- А я подозреваю, – вздохнул Марино. – Подозреваю всех.

Печаль овладела им при этих словах. Это была сущая правда – он всех подозревал, и даже Бенито. И Чен-Лу, и даже красотку Келли.

– Я часто размышляю о древних инсектицидах, – продолжил он. – Помнишь, насекомое становилось только сильнее после обработки этими ядами?

Послышавшийся сзади звук заставил Марино остановиться и обернуться. Это был Виеро, толкавший тележку с оборудованием. Там лежала длинная монтировка, защитный костюм для Алвареса и пакеты сухой взрывчатки.

– Шеф, – пробормотал Падре, поравнявшись с командиром. – Я подумал, вам могут понадобиться эти вещи.

Теплое чувство поднялось в груди Марино, и, обращаясь к Падре, он сказал, стараясь скрыть эмоции:

- Следуй за нами, но только осторожно. Понял?

- Да, шеф! Когда было иначе?

Виеро протянул защитный костюм Алваресу:

- А это для вас, шеф Алварес. Хватит с вас и одной раны.

– Спасибо, Падре, – отозвался негр. – Но я предпочитаю свободу движений. К тому же на мне столько шрамов, что одним больше, одним меньше – не имеет значения.

Марино окинул взглядом площадь и увидел, как через нее к фонтану движутся еще щиты.

- Быстрее! – велел он. – Мы должны прийти первыми.

Алварес включил двигатель, и их щит покати к фонтану.

Виеро, идя чуть сзади, негромко сообщил своему командиру последние новости:

– Шеф! Люди около грузовиков рассказывают всякие истории. Говорят, какое-то существо на побережье подгрызло сваи, на которых стоял большой склад. Склад рухнул. Погибло много народу.

– Чен-Лу намекал на эту историю.

Вскоре они добрались до края фонтана.

– Здесь? – спросил Алварес.

– Притормози! – велел Мартино.

Он принялся изучать траву, выискивая точное место, где скрылось чудовище. Сожженная трава, старые следы от их тележки...

– Вот это место, – сказал он и, передав карабин Виеро, попросил его дать ему монтировку, а также пакет со взрывчаткой.

Виеро протянул ему пакет пластида с детонатором – такие они использовали в Красной зоне, когда разоряли гнезда насекомых, спрятанные в земле. Опустив забрало, Мартино взялся за монтировку.

– Виеро! Прикрой меня со своего места, – сказал он. – А ты, Бенито, посвети мне.

– Уже, – отозвался Алварес, врубив мощный фонарь.

– Шеф! – произнес Виеро. – А как же щит? Вы его не используете?

– Времени нет, – ответил Мартино и вышел из-за щита на открытое место.

Луч от фонаря ударил в землю прямо перед ним. Он нагнулся и принялся концом монтировки ощупывать землю. Неожиданно Мартино почувствовал пустоту, и монтировка едва не провалилась. Он продолжал исследовать пустое пространство под тонким слоем дерна, но тут монтировка наткнулась на нечто металлическое.

– Падре, сюда! – позвал он.

Виеро склонился над землей рядом с ним:

– Что?

– Здесь, под дерном, металлический люк. А чуть впереди от этого места – пустота, – объяснил Мартино, ткнув монтировкой в землю. – Пробей дерн стволом и стреляй.

Виеро проткнул слой дерна стволом карабина и дважды нажал на курок. Яростный скребущий звук донесся из-под земли, после чего внизу что-то заплескалось. Виеро вновь выстрелил. Разрывные пули с гулким звуком бухали под землей. Вдруг внизу, под дерном, послышались журчание, плеск и чавканье, словно косяк губастых рыб кормился с поверхности.

И тишина.

Еще больше фар, прожекторов и фонарей теперь освещали газон. А по всему его периметру стояли щиты, за которыми укрывались люди в униформе – бандейранты и сотрудники службы безопасности МЭО.

– Падре! – сказал Мартино. – Я открываю люк. Будь готов!

– Да, шеф!

Мартино подцепил монтировкой край люка, в качестве точки опоры подставил под нее ногу и нажал. Люк медленно поднялся. Он был залеплен липким составом, который плетью тянулся за ним. По едкому запаху серной кислоты и сулемы Мартино понял, что это – тот коагулят, каким он обстрелял гигантского жука. Вскоре крышка люка перевернулась и упала на траву.

Рядом с Мартино оказались люди с фонарями. В их свете внизу открылся поток маслянистой черной воды. Пахло рекой.

– Они пришли по реке, – произнес Алварес.

Появился и Чен-Лу.

– Участники маскарада, похоже, сбежали, – усмехнулся он. – Очень удобно.

Чен-Лу подумал о том, насколько правильные указания он дал Рин. Мы должны влиться в их ряды. Вот он, наш главный враг – командир бандейрантов, получивший образование в стане американских империалистов. И он пытается уничтожить нас. Иного ответа нет.

Мартино не отреагировал на шутку китайца, он слишком устал, чтобы злиться на него. Выпрямившись, он оглядел площадь. Казалось, воздух застыл в предвестии некой беды. Несколько людей наблюдали за происходящим из-за щитов, наверное, это были официальные лица. Остальные же зеваки были давно вытеснены на прилегающие улицы.

К площади по проспекту направлялся небольшой красный автомобиль со стеклами, отражающими свет прожекторов. Своими фарами автомобиль выхватывал из темноты людей и машины, стоявшие на площади. Охранники пропустили автомобиль внутрь круга, образованного щитами, и Мартино опознал на его борту логотип МЭО. Машина остановилась, и из нее выпрыгнула Рин Келли, переодетая в зеленый рабочий комбинезон. Под желтыми фонарями, освещавшими площадь, комбинезон обрел цвет выбеленной солнцем травы.

Не спуская с Мартино глаз, Рин пересекла газон. Она думала: *Его нужно уничтожить, он враг, и это очевидно.*

Мартино же любовался ею, восхищаясь изяществом и женственностью доктора Келли. Униформа только подчеркивала эти качества ирландской красоти.

Она остановилась перед ним и быстро произнесла:

– Синьор Мартино! Я явилась, чтобы спасти вашу жизнь.

Он покачал головой, не уверенный, что понял ее слова.

– Что?

– Сейчас здесь начнется ад.

Мартино услышал далекие крики толпы.

– Сюда идет толпа, – сказала Рин. – Вооруженная.

– Да что происходит, черт возьми? – воскликнул он.

– Сегодня вечером погибло много людей. Среди них женщины и дети. В Монте-Очоа обрушился склон холма. Оказалось, он весь изрыт норами.

– Приют для сирот, – сказал Виеро.

– Да, – кивнула Рин. – Приют и монастырь в Монте-Очоа сгорели. И вы знаете, кого во всем обвиняют? Бандейрантов.

– Я поговорю с этими людьми! – заявил Мартино. Как могут угрожать ему и его товарищам те, ради кого они рискуют своими жизнями! – Это абсурд! Мы не сделали ничего...

– Шеф, – вмешался Виеро. – Толпа не слышит доводов разума.

– Двоих из Лифкадо уже линчевали, – сообщила Рин. – У вас есть шанс спастись, если вы уедете прямо сейчас. В машинах хватит места для всех.

Виеро тронул командира за руку:

– Шеф! Она дело говорит!

Мартино молча стоял, слыша, как его братья по оружию передают друг другу содержание слов Рин.

– Толпа...

– Приют...

– Нас обвиняют...

– И куда же нам бежать? – спросил он.

– Эти беспорядки, похоже, носят локальный характер, – заметил Чен-Лу.

Он вслушивался в шум, производимый толпой.

– Вы можете отправиться к отцу, в Куяба. Возьмите с собой своих людей. Остальные могут скрыться на базах в Красной зоне.

– Но почему я должен...

– Я отправлю к вам Рин, когда мы разработаем план действий.

– Я должна знать, где вас найти, – сказала Рин. И подумала: *В доме отца, в самом центре Гояс, как Трэвис и подозревал.*

– Но мы ничего не сделали! – не унимался Мартино.

– Прошу вас, – настаивала она.

Виеро тянул его за рукав.

Мартино глубоко вздохнул и наконец произнес:

– Падре, отправляйся с нашими людьми в Красную зону. Там безопаснее. Я возьму свой аэрокар и полечу в Куяба. Мне надо обсудить с отцом, что тут происходит. Все-таки он – префект. Кто-то должен взять ситуацию под контроль и заставить людей слушать.

– Слушать что? – спросил Алварес.

– Работы нужно... временно прекратить, – продолжил Мартино. – Нужны исследования.

– Но это глупо! – возмутился негр. – Кто это будет слушать?

Горло у Мартино пересохло. Он сглотнул. Ночь вокруг была холодной, давящей... и толпа подходила все ближе. Полиция и военные не смогут долго сдерживать этого злого многоголового монстра.

– Они тебя не услышат, – сказал Алварес. – Даже если ты прав.

Рев толпы подтвердил правоту его слов. Власти не могут признать своих неудач. Они и находятся у власти потому, что дали определенные обещания. А если эти обещания они не выполняют, то находят козла отпущения.

Наверное, именно так все с ними и произошло.

И Жуан позволил Виеро отвести себя к грузовикам.

IV

Пещера располагалась высоко над черными влажными камнями ущелья, через которое река Гояс несла свои воды к океану. Мысли пульсировали, проходя через лежащий внутри пещеры мозг. Невеселые мысли, и были они вызваны тем, что мозг слышал по радио: человеческий голос сообщал о волнениях в Байи, о нескольких убитых толпой бандейрантах, о воинском десанте, сброшенном для восстановления порядка и законности...

Радио представляло собой портативный приемник, работающий от батареек. Его слегка дребезжащий звук раздражал сенсоры мозга, но он просто обязан был следить за новостями из мира людей, пока, по крайней мере, работают батарейки. Вероятно, впоследствии вместо них можно будет использовать биохимические клеточные структуры, но технические знания мозга были ограничены, и он еще не знал, как поступить. Нет, теоретически он был подготовлен отлично, чему способствовали фильмотеки, в большом количестве оставленные людьми в Красной зоне, а вот практические знания и навыки... Здесь он чувствовал слабость.

Был тут, кстати, и портативный телевизор, но диапазон, в котором он работал, оставлял желать лучшего. К тому же он уже и не работал.

Новости закончились, и зазвучала музыка. Мозг приказал выключить радио и теперь лежал в уютной тишине, предаваясь пульсирующим в его недрах мыслям.

Он представлял собой массу шириной примерно четыре метра и толщиной в метр. Себя он осознавал как Высшее Единство; постоянная готовность мыслить и действовать была его основной характеристикой, а единственное, что его раздражало, так это необходимость быть привязанным к этой пещере как к убежищу.

Поверх мозга лежала мобильная сенсорная маска, которую он мог по собственной воле активировать и придать ей любую форму – диска, воронки, даже гигантского человеческого лица. Сейчас сенсоры были направлены на вход в пещеру, откуда внутрь струился серенький утренний свет.

С одной стороны мозга пульсировал желтый мешок, он гнал в него темную вязкую жидкость. Бескрылые насекомые ползали по его поверхностным мембранам, проверяя, все ли в порядке, производя мелкий ремонт и снабжая питательным составом нуждающиеся в этом части мозга.

Улья специализированных насекомых громоздились под потолком пещеры. Они производили кислоты, разлагали их и получали кислород. Одни занимались перевариванием, другие – выращиванием мускул, необходимых для накачки мозга питательными веществами и кислородом.

Резкий кислотный запах наполнял пещеру.

Насекомые влетали и вылетали. Они задерживались перед сенсорами мозга, чтобы, раскачиваясь в воздухе и жужжа, станцевать несколько па. Особым образом стрекотали, формировали группы, передавая свежие данные своей диспозицией, меняли цвет и шевелили антеннами усиков.

Таким образом было получено сообщение из Байи: «Сильный дождь... земля промокла... норы, в которых находились наши агенты, разрушены... наблюдатель был обнаружен и атакован, но осуществляющий его прикрытие координатор спас его через туннель, ведущий к реке... речные туннели стали причиной разрушения поверхностных структур... мы не оставили свидетельств нашего пребывания на поверхности, за исключением визуальных... те из нас, кто не смог уйти, были уничтожены... среди человеческих существ есть жертвы...»

Жертвы среди людей, подумал мозг. Значит, радио не врет.

А это – катастрофа!

Мозг почувствовал нехватку кислорода; обслуживающий персонал принялся за работу, ускорив ритм работы желтого мешка.

Люди считают, что стали объектом атаки. Как следствие – будет активирована сложнейшая системы защиты человечества. Преодолеть эту систему, используя разумные средства, будет сложно, а то и невозможно!

Как применить разумные средства воздействия к одному из самых неразумных существ на этой планете?

Людей трудно понять, особенно в том, что касается их богов, а также способов, какими они аккумулируют ресурсы.

Совокупное название для всех этих способов (если верить книгам) – «бизнес». Название-то есть, а вот смысл этого слова от мозга ускользает. Цель бизнеса – деньги. Но деньги нельзя есть, они не конденсируют энергию, из них не построишь жилище. Мазанки из плетня и глины, которые возводят бедняки, были бы надежнее и теплее, чем дома из денег.

И, тем не менее, человеческие существа делают все, чтобы завладеть как можно большим их количеством. Наверное, эти бумажки и металлические кружки действительно важны для них, как и их концепция Бога, который также представляет собой некое высшее единство, хотя местоположение и материал, из какого он создан, неопределимы. Есть от чего сойти с ума!

Мозг чувствовал, что где-то должен быть ключ к пониманию этих вещей, но где – он не знал.

Мозг погрузился в размышления. Какая это все-таки удивительная вещь – мыслительная форма бытия, в рамках которой внутренняя энергия трансформируется в воображаемую реальность планов и чистых схем, порой весьма далеко отстоящих от забот, связанных с необходимостью выживания! Каким любопытным, тонким и, в конечном счете, прекрасным было это сделанное человеческими существами открытие, ныне адаптированное к тому, чтобы удовлетворять нужды совершенно иных существ! Эта восхитительная и вдохновляющая способность управлять вселенной, существующей исключительно в пределах воображения!

Мозг прервал размышления и, обратив внимание на себя, попытался симулировать в себе человеческие эмоции. Страх и ощущение причастности к роду – это он понимал. А вот вариант страха, который на человеческом языке называется ненавистью, или болевые рефлексy – здесь все обстояло гораздо труднее.

Правда, порой мозг вспоминал, что в свое время был частью человеческого существа и испытывал подобные эмоции, но такого рода воспоминания его неизменно раздражали. С людьми он давно разошелся и теперь лишь незначительно напоминал свой человеческий прототип. Мозг был крупнее и на несколько порядков сложнее содержимого человеческой головы. Самые мощные системы кровообращения из тех, что поддерживают человеческий мозг, не смогли бы напитать его.

Он был Мозгом, функциональной частью некоего Рода, более важной, чем сами королевы.

– Какого типа человеческие существа были убиты? – спросил он.

Ответ пришел в негромком стрекотании: «... рабочие, женщины, человеческие существа, не достигшие стадии зрелости... несколько увядших королев...»

Женщины и существа, не достигшие зрелости!

На экране его сознания появилось старое индейское проклятие, источник которого был утрачен. Месть за смерть женщин и детей будет скорой и беспощадной. Поэтому действовать нужно быстро и решительно.

– Какие есть новости от наших посланцев, пересекших барьеры? – спросил Мозг.

Пришел ответ: «... местонахождение группы посланцев неизвестно...»

– Их нужно найти, – распорядился он. – Они обязаны оставаться в укрытии до более удобного момента. Передайте этот приказ немедленно.

Гонцы отправились доносить приказ до тех, кому он был предназначен.

– Мы должны отловить больше разнообразных образчиков человека, – отдал мозг следующий приказ. – Необходимо найти среди них самого уязвимого лидера. Отправьте наблюдателей, курьеров и группы захвата. Сделайте это как можно скорее.

Отдав приказания, мозг слушал, как его подчиненные отправились их выполнять. Они сделают это, невзирая на расстояния и препятствия, которые встретят на своем пути. Неожиданно в глубинах его сознания зашевелились неудовлетворенность и разочарование. Откуда такому взяться? Ответа на данный вопрос мозг не знал.

Приподняв сенсорную маску на круглых опорах, он сформировал глаза и направил их на вход в пещеру.

Оказывается, сейчас белый день.

Остается только ждать.

Ожидание – самый сложный период существования.

Мозг принялся анализировать эту мысль, формируя всевозможные следствия и выводя взаимодействия с целью найти и обосновать альтернативные процессу ожидания способы времяпрепровождения. Заняться физическим ростом? Тогда ожидание уже не будет так тяготить.

Эти мысли были продуктом того, что вспомогательный персонал воспринял как некое интеллектуальное несварение, и они принялись яростно жужжать над ним, прикрывать его от внешних опасностей, кормить с удвоенной силой, а также формировать фаланги воинов около входа в пещеру.

Эти действия вспомогательного персонала не на шутку обеспокоили мозг.

Он понимал, что привело его верных слуг в столь активное движение – охрана драгоценной сердцевины рода была обязанностью любого живущего здесь существа. От того, насколько успешно эта обязанность выполнялась, зависело выживание всех. Примитивно организованные сообщества не могли изменить этот стиль поведения. Но меняться было необходимо! Быть мобильным и гибким во всем – от потребностей до способности к суждению. Ведь каждая ситуация уникальна, не похожа на прочие, и нужно уметь меняться вместе с изменчивым миром.

Я должен учиться и учить, подумал мозг.

Он ждал сообщений от своих крошечных наблюдателей, которых отправил на Восток. Ему была необходима информация из этого региона, чтобы восполнить пробелы в той картине, что он создал, анализируя сведения, полученные у шпионов-слухачей. Нужна полная, исчерпывающая картина того, что происходит. Тогда, имея важные доказательства, он сможет сдвинуть человечество с маршрута, который приведет к гибели всю планету.

Пока же придется подождать, подумал мозг.

И он озадачился проблемой легкой модификации генома бескрылой пчелы – так можно было бы улучшить систему выработки кислорода.

Синьор Габриэль Мартино, префект Пограничного союза Мату-Гросу, нервно расхаживал по своему кабинету. Проходя мимо большого узкого окна, через которое в комнату вливался вечерний свет, он что-то бормотал себе под нос, а время от времени останавливался и смотрел на своего сына Жуана, который сидел под книжным шкафом в кресле, обтянутом кожей тапира.

Старший Мартино был сух и поджар. Седые волосы и глубоко посаженные карие глаза над орлиным носом свидетельствовали об аристократической породе, а узкий сжатый рот и выдающийся подбородок – о несгибаемом характере. Черный костюм традиционного покроя соответствовал положению и должности префекта, безупречная белая сорочка резко контрастировала с тканью костюма, а на запястьях, когда их хозяин поднимал руки, сверкали золотые запонки.

– И вот теперь я стал всеобщим посмешищем, – прорычал он, глядя на сына.

Жуан выслушал это сообщение молча. Проведя неделю под словесным обстрелом, который устроил ему отец, он научился ценить молчание. Жуан бегло осмотрел свой белоснежный мундир бандейранта, брюки, заправленные в сапоги – все хрустит и сияет, – и вспомнил о людях, которые, обливаясь потом, теперь вели разведку в Сьерра-дус-Паресис.

В кабинете быстро темнело, голубоватый свет дня уступал черноте тропической ночи, которую подгоняли отдаленные всполохи молний на горизонте. Молнии прорезали видимую из окна часть неба и врывались в кабинет электрическими отблесками. Вспышки сопровождались раскатыстым громом. Словно подчиняясь посланному извне сигналу, в доме вспыхнул свет, и желтое сияние заполнило пространство кабинета.

Префект остановился перед Жуаном.

– Почему мой славный сын, шеф братства бандейрантов, разделяет эти бредни карсонитов? – спросил он.

Жуан посмотрел вниз, на пол под своими сапогами. Сражение на площади в Байи, бегство от разъяренной толпы, произошедшие всего неделю назад, казалось, канули в вечность, и к ним имел отношение кто-то другой, но никак не он. Сегодня же день прошел в бесконечных визитах важных политиков, которые, входя в кабинет префекта, вежливо приветствовали знаменитого Жуана Мартино, после чего начинали тихие разговоры с его отцом.

Жуан знал – отец борется за него. Но старший Мартино мог это делать исключительно теми средствами, какие были ему привычны – через систему принятых в политике ритуалов, закулисного маневрирования, обмена обязательствами, демонстрацией власти, там, где она имела значение. Ему даже в голову не приходила мысль, что Жуан что-то подозревает или в чем-то сомневается. Бандейранты, включая людей Алвареса и эрмосильцев, имевшие дела в Пиратинги, стали опасными. И это положение было необходимо исправить.

– Отложить переселение? Остановить «Марш на Запад»? Ты сошел с ума? За счет чего, как ты думаешь, мне удастся держаться в седле? Мне! Потомку благородных дворян, чьи предки были первыми правителями новых территорий! Мы не выскочки, чья родословная была подчищена услужливыми историками, и, тем не менее, кабокло называют меня «отцом бедняков». Ты считаешь, я заслужил это имя благодаря своей глупости?

– Отец, если бы вы только...

– Помолчи! Жаркое на огне, каша варится. Все будет хорошо.

Жуан вздохнул. Ему было и стыдно, и противно оказаться в его нынешнем положении. Префект, у которого в последнее время стало сдавать сердце, почти отошел от дел и вернулся к работе лишь из-за неприятностей, обрушившихся на голову сына. Жаль, что так получилось... но не может же отец быть таким слепым!

– Провести исследования? – с издевательской усмешкой проговорил префект. – Что ты собираешься исследовать? Нам не нужны ни исследования, ни новые вопросы. Правительство благодаря работе, которую провели мои друзья, уверено, что у нас все нормально. А ответственность за трагедию в Байи они готовы возложить на карсонитов.

– Но у них же нет никаких доказательств! – возразил Жуан. – И вы сами признали это.

– В такой момент не требуются никакие доказательства. Все, что нам нужно – это снять с себя подозрения. Кстати, карсониты вполне могли бы учинить то, что произошло.

– А могли бы и не учинять.

Но старик словно не слышал его.

– На прошлой неделе, – продолжил он, нервно жестикулируя, – накануне твоего приезда я по просьбе министра сельского хозяйства беседовал с фермерами из Луцелии. И, ты знаешь, этот сброд рассмеялся мне в лицо, когда я сказал, что в этом месяце мы увеличим Зеленую зону на десять тысяч гектаров. Они сослались на тебя, сообщив, что даже ты в это не веришь! Теперь я понимаю, почему они так говорят. Да уж! Марш на Запад!

– Вы же видели доклады из Байи, – произнес Жуан. – Там работали специалисты из МЭО.

– МЭО? Этот скользкий китаец, чья физиономия не выражает вообще ничего? Он гораздо хитрее, чем самые хитрые пройдохи Байи. А эта его новая докторесса, которую он повсюду посылает все разнюхивать и выведывать! Его мать всех святых! Его мисс безупречность! Так он о ней отзывается. А ты знаешь, что о ней говорят другие? Я тебе расскажу. Вчера я слышал...

– Я не хочу это слушать!

Старик, замолчав, уставился на сына:

– Вот как!

– Что вы имеете в виду? – спросил Жуан.

– То самое и имею! – отозвался отец.

– Она очень красивая женщина!

– Я это слышал. И многие мужчины отведали этой красоты, как они утверждают.

– Я вам не верю!

– Сын мой! Послушай старого человека, чей опыт стал основой его мудрости. Это опасная женщина. Телом и душой она принадлежит МЭО, организации, которая постоянно вмешивается в наши дела. Ты же – известный специалист, мастер своего дела, чьи успехи способны вызвать самую черную зависть. Об этой женщине говорят как о докторе энтомологии, но, по сути, она – профессионал слишком широкого профиля, и некоторые из ее профессий...

– Прошу вас, отец! Я не желаю этого слышать.

– Как угодно!

Жуан помолчал и произнес:

– Предполагается, что вскоре она приедет сюда, и мне не хотелось бы, чтобы ваше отношение к ней...

– Она может и отложить свой визит к нам, – сказал префект.

Жуан внимательно посмотрел на отца:

– Почему?

– В прошлый четверг, как раз на следующий день после твоей битвы с чудовищами в Байи, ее отправили в Гояс. То ли сразу ночью, то ли утром, это неважно.

– И что?

– Ты, конечно, знаешь, зачем она туда поехала. Слышал истории о секретной базе бандейрантов. Она должна была влезть в эти проблемы и привезти полную информацию. Но вот неизвестно, жива ли она.

Жуан резко вскинул голову.

– Это как?

– В штабе МЭО в Байи говорят, что она... опаздывает. Вероятно, что-то произошло. И теперь великий и могучий Трэвис Хантингтон Чен-Лу сам отправляется туда, чтобы разыскать свою докторессу-энтомолога. Что ты по этому поводу думаешь?

– Похоже, он очень привязан к ней. Я видел их вдвоем в Байи. Однако эта история о...

– Привязан? Да уж, лучше не скажешь.

– Вы все видите в дурном свете, отец, – заметил Жуан и глубоко вздохнул.

Душа его наполнилась щемящей пустотой при мысли, что эта прекрасная женщина – воплощение истинной красоты – может лежать мертвая или изуродованная, в глуши, где способны жить лишь чудовища, для которых джунгли – дом родной.

– Надеюсь, ты не собираешься отправиться на поиски?

Жуан не обратил внимания на отцовскую колкость.

– Отец! Мы обязаны сделать перерыв и понять, что идет не так. До этого возобновлять работы – преступление.

– Если ты такое говорил в Байи, то я не могу винить их в том, что они обратили свою ненависть на тебя, – усмехнулся префект. – Наверное, эта толпа...

– Вы же знаете, с чем мы столкнулись на площади!

– Все это ерунда. Но ерунда – вчерашняя. Ты должен остановиться. Я запрещаю тебе нарушать возникшее равновесие. Это – приказ.

– Люди уже ни в чем не подозревают бандейрантов, – с горечью сказал Жуан.

– Некоторые подозревают, и подозревают именно тебя. Полагаю, у них есть все основания – достаточно послушать то, что ты мне тут наговорил.

Жуан разглядывал сверкающие мыски своих сапог. Эта сияющая чистотой поверхность – символ жизни его отца.

– Жаль, если я вас расстроил, отец, – произнес он. – Порой я сожалею, что мне пришлось стать бандейрантом, но... – Жуан пожал плечами и продолжил: – Но, не будучи одним из них, как бы я узнал о том, про что вам рассказал? Правда заключается в том...

– Жуан! – Голос отца задрожал. – Ты смеешь сидеть здесь и объяснять мне, каким образом позоришь честь нашей семьи? Разве ты не помнишь клятву, которую давал, когда вступал в ряды братства бандейрантов?

– Тогда все было не так, отец.

– Неужели? И как же все было тогда?

Жуан достал командирскую эмблему из нагрудного кармана и принялся вертеть ее в руке.

– Я свято верил в наше дело. Мы выводили пчел-мутантов и заполняли ими пустые ниши в экологической системе. Это был... великий экологический поход! И я верил в него. Как и весь народ Китая, мы говорили себе: «Только полезные виды имеют право на существование». И я действительно так считал. Но это было давно, отец! С тех пор я понял, что у нас нет полной ясности того, что полезно, а что – нет.

– То, что я послал тебя в Америку, было моей ошибкой, – сказал префект. – И только я виноват в том, что с тобой произошло. Там ты впитал в себя карсонитскую ересь. Им, в своей Америке, просто жить, не принимая участия в нашей экологической перестройке. У нас в стране миллионы голодных, а они купаются в роскоши. Но слышать все это от собственного сына!

– Отец! – произнес тихо, но настойчиво Жуан. – Вы же видите, что происходит в Красной зоне. Это трудно объяснить, но растения там выглядят гораздо более здоровыми. Фрукты...

– Это – временное положение, – возразил префект. – Мы сформируем пчел, которые будут способны удовлетворить наши нужды. Насекомые-разрушители отнимают пищу у людей. Эти твари должны быть уничтожены и заменены теми, кто будет нам полезен.

– Птицы умирают, отец.

– Мы спасаем птиц. В наших запасниках для них есть любые виды пищи. И мы предоставим им новые виды...

– Некоторые виды растений уже исчезли из-за отсутствия насекомых, переносивших их пыльцу.

– Ни одно полезное растение не погибло!

– А что произойдет, – спросил Жуан, – если насекомые прорвут наши барьеры до того, как мы уничтожим естественных хищников? Что тогда будет?

Старший Мартино затряс тонким пальчиком перед лицом сына:

– Прекрати нести эту чушь! Я не хочу больше об этом слышать!

– Пожалуйста, успокойтесь, отец!

– Успокоиться? Да как я могу успокоиться перед лицом... перед лицом всего этого? Ты здесь прячешься, как последний преступник! В Байи и Сантарене бунтует народ, а ты...

– Отец! Прекратите!

– Ты знаешь, что еще мне говорили эти мамелуко в Луцелии? Что бандейранты специально заражают Зеленую зону насекомыми, чтобы не остаться без работы. Что ты на это скажешь?

– Это чепуха, отец!

– Конечно! Но эта чепуха – естественное следствие тех пораженческих разговоров, что ты ведешь, а их я сегодня наслушался достаточно. Наши поражения только прибавляет веса обвинениям, которые нам предъявляют.

– Поражения? Что вы имеете в виду, отец?

– Я неясно выразился? Поражения!

Префект Мартино дошел до своего рабочего стола и вернулся обратно. Встав перед сыном и сложив руки на груди, он спросил:

– Ты ведь получаешь информацию из Пиратинги?

– Как и из прочих мест, – ответил Жуан.

– Там на границе стояли твои люди?

– Да. И через нас блоха не проскочила.

Префект покачал головой:

– Еще неделю назад там была Зеленая зона. А вот сегодня... – Он показал на свой стол и продолжил: – Ты видел доклад? Там все кишит!

– Я не могу отследить работу каждого бандейранта Мату-Гросу, – заявил Жуан. – Если они...

– МЭО дает нам на очистку шесть месяцев. – Старший Мартино вскинул руки в жесте негодования. – Шесть месяцев!

– Если бы вы обратились к своим друзьям в правительстве и убедили их...

– Убедить в чем? В необходимости политического самоубийства? Моих друзей? А ты знаешь, что МЭО угрожает всей Бразилии введением эмбарго – как они это сделали с Северной Америкой? – Он опустил руки и спросил: – Можешь ли ты представить, какое давление на нас оказывается? Какие разговоры я должен слушать по поводу бандейрантов и собственного сына?

Жуан с такой силой сжал свою командирскую эмблему, что она впилась в его ладонь. Неделя, проведенная в отцовском доме, это больше, чем он мог выдержать. Как хорошо было бы оказаться сейчас в Сьерра-дус-Паресис, вместе со своими, и готовиться к новой битве! Отец слишком долго занимается политикой и уже неспособен измениться – Жуан осознал это с тоскливым чувством. Он посмотрел на отца. Если бы только он так не волновался! Это же плохо сказывается на его сердце.

– Отец, вы напрасно волнуетесь!

– Напрасно волнуюсь? – переспросил префект. – Он склонился к сыну. – Мы уже перешли линии – в Пиратинги и в Тефе. Там же плодородные земли, ты понимаешь? И люди на земле. Они обрабатывают ее, производят продукцию.

– Мы не говорили о полной очистке Пиратинги. Мы сделали там много, но...

– Мы-то исходили из того, что вы справились со своей задачей! А как я теперь буду объяснять, почему эти земли вновь заражены? Как ты мне это объяснишь?

– Я не могу этого объяснить. Пока.

Жуан вернул эмблему в карман. Получалось, что убедить отца ему все-таки не удастся, несмотря на неделю упорных усилий. Усталость и разочарование нахлынули на него, задрожала ниточка нерва на нижней челюсти.

И все-таки старика нужно склонить на свою сторону. Кого-то обязательно надо склонить. Кто-то в политическом весе его отца должен прийти в Бюро, схватить их за грудки и заставить себя слушать.

Префект вернулся к столу и сел. Взял старинное распятие, вырезанное из слоновой кости еще великим Алейжадиной, поднял, надеясь, очевидно, восстановить душевное равновесие, а потом, охнув, осторожно положил распятие на стол. Глаза его расширились.

– Жуан, – прошептал префект.

Неужели сердце?

Жуан вскочил и бросился к отцу:

– Отец! Что с вами?

Старик дрожащим пальцем показал на распятие. Там, по терновому венцу, по лицу Христа, исполненному страдания, по его напряженным мускулам ползло насекомое. Оно было цвета слоновой кости и формой напоминало пчелу – с тем лишь исключением, что крылья и грудка были украшены бахромой, а на кончиках чрезвычайно длинных усиков красовались пушистые шарики.

Старший Мартино потянулся за свернутой газетой, чтобы убить насекомое, но Жуан остановил его.

– Подождите! Это что-то новенькое. Прежде я таких не видел. Дайте мне фонарик. Мы должны проследить за ним и узнать, где у него гнездо.

Префект пробормотал что-то себе под нос, вытащил из ящика стола фонарь и передал сыну. Пока не включая свет, Жуан принялся рассматривать насекомое.

– Какое странное! – сказал он. – Посмотрите, как оно соответствует своим цветом слоновой кости распятию!

Тем временем насекомое направило свои усики-антенны на склонившихся над ним людей.

– Нечто подобное кто-то уже видел, – продолжил Жуан. – В прошлом месяце, возле одной из пограничных деревень, внутри Зеленой зоны, около реки. Помните сообщение? Два фермера нашли такое же насекомое, когда искали странного больного бродягу. Просто они там все бдительные. Недавно у них была эпидемия, хотя это совсем к делу не относится.

– Еще как относится! – резко произнес отец. – Чем меньше будет насекомых, которые переносят болезни, тем меньше будем болеть!

– Возможно, – сказал Жуан, но по его тону было ясно, что он не очень верит тому, что говорит отец.

Он вновь обратил внимание на насекомое:

– Не думаю, что наши экологи хорошо разбираются в том, о чем рассуждают. И я не верю нашим китайским консультантам. Они столь цветисто рассказывают о выгодах жизни без насекомых, но ведь они не пускают нас с инспекцией! Мы так и не увидели их Зеленую зону. От них – только извинения. Всегда – только извинения. Наверняка у них проблемы, которыми они не хотят делиться с остальным миром.

– Ты говоришь глупости, – прорычал старший Мартино, хотя по тону было понятно, что он не очень-то и хочет защищать свое мнение. – Они достойные люди, с небольшими исключениями, которые я могу назвать. И их способ существования ближе к нашему социализму, чем к разлагающемуся капитализму Северной Америки. Твоя проблема в том, что ты смотришь на них глазами своих американских учителей.

– Бьюсь об заклад, что это насекомое не является результатом естественной мутации. Похоже, мы имеем дело с чьими-то планомерными действиями. – И, обратившись к отцу, попросил: – Найдите мне какой-нибудь контейнер, чтобы я мог отправить это создание в лабораторию.

Отец не двинулся с места.

– Что ты скажешь по поводу того, где нашел его? – спросил он.

– Здесь, где же еще?

– Ты что, нисколько не сомневаясь, вновь подвергнешь нас нападкам?

– Но, отец!

– Ты не понимаешь, что они скажут? Ты нашел это в доме собственного отца. Насекомое странного нового вида. А может, предположат они, эти Мартино сами выращивают новые виды, чтобы заразить ими Зеленую зону?

– Отец, вы неправы. Мутации – обычное дело в случаях, когда виду угрожает опасность. А опасность есть – яды, барьерные вибрации, ловушки. Передайте мне тот контейнер. Отец! Я не могу оставить это насекомое. Дайте контейнер!

– И ты скажешь, где его нашел?

– У меня нет выхода. Мы должны будем поставить кордон, закрыть эту зону, искать гнезда. Конечно, это может быть и случайностью...

– Или чьей-то намеренной попыткой поставить меня в дурацкое положение, – заявил отец.

Жуан внимательно посмотрел на него. Эту версию нельзя отрицать. У его отца враги были везде. Да и карсонитов со счетов сбрасывать нельзя. У них повсюду друзья и сочувствующие. А некоторые из них – настоящие фанатики, те не погнушаются ничем! И все-таки...

Неожиданно Жуан принял решение. Он вновь обратил свое внимание на неподвижное насекомое. Отца можно убедить, и теперь он нашел отличный рычаг, чтобы поднять эту ношу.

– Посмотрите на это создание, отец! – воскликнул он.

Префект нехотя перевел взгляд на насекомое.

– Яды, которые мы использовали против них раньше, – произнес Жуан, – убили слабых и оставили тех, у кого был иммунитет к этой угрозе, исходящей от людей. Только носители этого иммунитета стали основой воспроизводства. Те яды, что мы используем сейчас, не оставляют подобных лазеек. К тому же эти смертельные для насекомых вибрации на барьерах... – Он пожал плечами и продолжил: – Это – жук. И каким-то образом он прошел через барьеры, отец. Я вам кое-что покажу.

Из нагрудного кармана Жуан извлек тонкий длинный свисток из прозрачного металла.

– Были времена, когда с помощью этой штуки я убил бесчисленное множество жуков, – сказал он. – Я настраивал его на частоту, которая заставляла их вылезать из всех щелей.

Жуан приложил свисток к губам и принялся дуть, одновременно вращая колесико на конце свистка, настраивая частоту. Префект не услышал ни малейшего звука, однако опыт подсказал ему, что свисток издает звуки в ультразвуковом диапазоне, не воспринимаемом человеческим ухом.

Жук начал вращать своими усиками-антеннами. Жуан вынул свисток изо рта. Усики перестали вращаться.

– Он реагирует, вы видите, – сказал Жуан. – Это, вне всякого сомнения, жук. Он слышит звук, но не двигается. Отец, мы столкнулись с проявлением некоего враждебного нам интеллекта, который управляет этими созданиями. И они весьма далеки от полного исчезновения. По-моему, они собираются нанести ответный удар.

– Враждебного интеллекта? – усмехнулся префект. – Ты в своем уме?

– Вы должны поверить мне, отец! – воскликнул Жуан. – Все только сомневаются, когда бандейранты докладывают о том, что видели. Люди смеются и говорят, что мы слишком долго торчали в джунглях, что такие истории можно слушать из уст необразованных фермеров. А потом начинают подозревать нас в том, в чем подозревают.

– И имеют на это все основания.

– Вы не верите собственному сыну?

– А что мой сын сказал из того, чему я мог бы поверить?

Старший Мартино теперь полностью соответствовал своей роли префекта: выпрямившись, он холодно смотрел на Жуана.

– В прошлом месяце в штате Гояс Антонио Лисбоа потерял троих человек, – произнес Жуан.

– Это был несчастный случай, – парировал префект.

– Они были убиты муравьиной кислотой и маслом копаху.

– Они неосторожно обращались со своими собственными ядами. Люди теряют бдительность, когда...

– Ничего подобного, – возразил Жуан. – Муравьиная кислота была слишком высокой концентрации и идентична той, что вырабатывают насекомые. Люди были просто залиты ею.

– Ты хочешь сказать, что насекомые, подобные этому... – Префект показал на неподвижного жука, сидящего на распятии. – ...что слепые и глухие создания...

– Они не слепые и не глухие.

– Я имел это в виду не в буквальном смысле. Я хотел сказать – лишённые интеллекта, – уточнил префект. И, подумав, добавил: – Ты не можешь серьезно утверждать, что подобные существа сознательно напали на людей и убили их!

– Нам еще предстоит выяснить, как были убиты эти люди, – сказал Жуан. – У нас есть лишь тела и свидетельства их смерти. Но были и другие смерти, отец. Есть люди, пропавшие без вести, а также сообщения о странных существах, которые атакуют бандейрантов. С каждым днем все более очевидным становится то...

Он неожиданно замолчал, заметив, что жук сполз с распятия на стол и сразу изменил свой цвет, слившись с полированной деревянной поверхностью.

– Прошу вас, отец! Дайте мне контейнер!

Жук добрался до края стола. Откинул усики-антенны назад, затем устремил вперед.

– Я дам тебе контейнер лишь в том случае, если ты пообещаешь не открывать место, где нашел жука, – заявил префект.

– Отец, я...

Жук спрыгнул со стола на середину комнаты, резво добежал до стены, поднялся по ней и исчез в щели возле окна. Жуан нажал кнопку фонарика, пересек комнату к окну и стал светить в щель, где исчез жук.

– Как давно образовалась эта щель, отец? – спросил он.

– Очень давно. Здесь был дефект в кладке. Он и проявился во время землетрясения за несколько лет до смерти твоей матери.

Жуан несколькими быстрыми шагами пересек комнату, миновал арку коридора, спустился по лестнице, прошел через еще одну комнату и короткий коридор, после чего через решетчатые ворота выбрался во внешний сад. Настроил фонарь на максимальную яркость и направил его на стену возле оконного пролета.

– Что ты делаешь? – спросил отец.

– Выполняю свою работу, – отозвался Жуан и посмотрел на отца, который вышел в сад вслед за ним.

Вернувшись к изучению стены, Жуан направил луч фонаря на камни под окном, после чего, согнувшись, стал рассматривать землю под домом, высвечивая каждый бугорок и выемку. Затем двинулся прочь от дома, к кустам и на лужайку перед домом.

Сзади слышались шаги отца.

– Видишь его? – спросил он.

– Нет.

– Нужно было раздавить.

Жуан выпрямился. Посмотрел на черепичную крышу и карнизы дома. Уже совсем стемнело, и лишь свет из кабинета да фонарик позволяли различать хоть какие-то детали. Неожиданно раздалось пронзительное стрекотание. Оно донеслось из внешнего сада, который граничил с дорогой и каменной стеной. Даже когда источник стрекотания затих, звук, казалось, еще висел над домом, над лужайкой перед ним и над садом. Жуану он напомнил охотничий крик хищника в джунглях. Холодок потек у него по спине. Он повернулся в сторону ведущей к дому дорожки, на которой оставил свой аэрокар, и направил туда луч фонаря.

– Какой странный звук, – проговорил отец. – Я... – Он замолчал, уставившись на газон. – Что это? – спросил он.

Газон, казалось, пришел в движение и двинулся на них, как волна, набегающая на берег пляжа. Волна уже отрезала их от входа в дом. Находилась она в десяти шагах от отца и сына, но двигалась быстро и неотвратно.

Жуан взял отца под руку. Ни на мгновение не забывая о его слабом сердце, он заговорил спокойно, надеясь не испугать старика:

– Мы должны добраться до моего аэрокара, отец. Придется бежать прямо через них.

– Кого это «них»?

– Они – это насекомые, похожие на того, что мы видели внутри. Их здесь миллионы, и они атакуют. Возможно, это даже не жуки, а нечто вроде боевых муравьев. Мы должны добраться до машины. Там у меня есть и оборудование, и боеприпасы, чтобы отогнать их. Там мы будем в безопасности, отец. Это – аэрокар бандейранта. Мы должны бежать, отец. Нельзя споткнуться и упасть в их гущу.

– Я понимаю.

Они побежали. Жуан держал отца под руку, освещая путь фонарем. Только бы его сердце выдержало! Они ворвались в толпу насекомых, но те расступались перед ними и сразу смыкали ряды за их спинами.

Белое пятно аэрокара было видно в пятнадцати метрах впереди.

– Жуан! – хрипло воскликнул старик. – Мое сердце!

– Мы справимся! Быстрее!

Последние несколько метров он буквально нес отца на руках.

И вот перед ними – широкие задние двери аэрокара, ведущие в лабораторный отсек. Жуан рывком открыл машину, ударил ладонью по выключателю на левой стене и потянулся за защитным костюмом и эжектором.

И, пораженный, замер.

В освещенном желтым светом салоне машины сидели двое. Если судить по виду, это были индейцы, из самой что ни на есть глуши, с ярко сверкающими глазами и коротко остриженными волосами под соломенными шляпами. Они выглядели как близнецы, причем, это сходство распространялось и на их одежду – серую от грязи, сандалии и наплечные кожаные сумки. Похожие на жуков насекомые кишели вокруг, покрывая стены, инструменты и емкости с химикатами.

– Какого черта? – выпалил Жуан.

Один из странной парочки поднял флейту, которую держал в руках и, жестикулируя ей, произнес хриплым, странно звучащим голосом:

– Входи. Мы не навредим тебе, если ты подчинишься.

Почувствовав, как тело отца обвисает, Жуан взял его на руки. Каким легким оказалось это тело! Старик судорожно дышал, лицо было синеватого цвета, на лбу выступили крупные капли пота.

– Жуан, – прошептал он, – боль... в груди.

– Лекарство! Где ваше лекарство?

– Дома, – отозвался отец. – В столе.

– Похоже, он умирает, – произнес один из индейцев.

Все еще держа отца на руках, Жуан резко повернулся к непрошеным гостям и закричал:

– Я не знаю, кто вы такие, и почему напустили сюда своих жуков, но мой отец умирает, и ему нужна помощь! Прочь с дороги!

– Подчинись, или вы оба умрете, – сказал тот, что был с флейтой. – Входи.

– Ему нужны лекарства и врач! – Теперь Жуан почти умолял, глядя на то, как индеец наставлял на него флейту. Похоже, это было оружие.

– Какая часть отказала? – спросил второй индеец, с любопытством рассматривающий префекта. Тот дышал все натужнее и чаще.

– Сердце, – ответил Жуан. – Для вас, фермеров, это ничего не...

– Мы не фермеры, – возразил хозяин флейты. – Сердце?

– Насос, – произнес второй.

– Насос, – кивнул тот, что был с флейтой. Он встал с длинного сиденья, располагавшегося в передней части лаборатории, и жестом указал Жуану:

– Положи отца сюда.

Второй индеец встал и посторонился.

Несмотря на тревогу за жизнь отца, Жуан не мог не заметить, насколько странной была внешность этой парочки – кожа их была словно покрыта чешуйками, а глаза сияли. Может, они находятся под воздействием какого-нибудь экзотического наркотика, который встречается лишь в джунглях?

– Положи отца сюда, – проговорил владелец флейты и вновь показал на сиденье. – Помощь...

– Будет, – сказал другой индеец.

– Помощь будет, – кивнул первый.

Жуан взгляделся в насекомых, облепивших стены, и удивился тому как спокойно они сидели будто чего-то ожидали. И все как один напоминали того жука из кабинета префекта!

Дыхание отца стало прерывистым и поверхностным. Жуан ощущал его на своих руках и груди. *Отец умирает*, в отчаянии подумал он.

– Помощь будет, – повторил индеец с флейтой. – Если будешь подчиняться, мы вам не навредим. – И, подняв флейту, повторил: – Подчинись!

Ошибки быть не могло. Это было оружие.

Жуан медленно вошел в аэрокар, приблизился к длинному сиденью и, наклонившись, осторожно положил отца на его поверхность.

Хозяин флейты жестом попросил его отойти, и он подчинился. Другой индеец склонился над старшим Марино и приподнял тому веко. В этом жесте была профессиональная точность, поразившая Жуана. После этого индеец мягко надавил на диафрагму больного, снял с того ремень и, ослабив галстук, растянул ворот рубашки. Затем своим узловатым коричневым пальцем приложился к артерии на шее старика.

– Очень слабый, – проговорил он.

Жуан не мог поверить своим глазам – фермер-деревенщина вел себя как опытный врач. Осматривавший отца индеец сказал:

– Больница.

– Больница? – переспросил тот, что был с флейтой.

Первый издал низкий стрекочущий звук.

– Больница, – понимающе произнес хозяин флейты.

Это стрекотание! Жуан уставился на индейца, который по-прежнему стоял возле отца. Этот звук был похож на то, что они слышали в саду!

Неожиданно индеец с флейтой ткнул его в плечо пальцем и произнес:

– Ты! Садись вперед и води этот...

– Аэрокар, – подсказал диагност.

– Аэрокар, – подтвердил флейтист.

– В больницу? – уточнил Жуан.

– В больницу, – кивнул индеец.

Жуан вновь посмотрел на отца. Тот лежал неподвижно. Индеец же, который осматривал его, теперь фиксировал тело ремнями, готовя к полету. Жуан, несмотря на волнение, удивился,

насколько уверенно и компетентно действует этот тип, несмотря на внешность фермера из глубинки.

– Подчиняйся! – велел индеец с флейтой.

Жуан открыл люк в передний отсек, проскользнул внутрь и почувствовал, что вооруженный индеец следует за ним. Несколько капель дождя упали на ветровое стекло аэрокара. Жуан протиснулся в кресло пилота, закрыл люк, и кабина погрузилась в темноту. Соленоиды с глухим стуком привели люковые задрайки в положение «закрыто». Жуан включил свет на приборной доске и увидел, что индеец с флейтой устроился сзади, на пассажирском кресле, наставив на него свой инструмент.

Какая-нибудь духовая трубка, стреляющая дротиками, подумал Жуан. Может быть, ядовитыми.

Он нажал кнопку зажигания и, пока турбины набирали обороты, пристегнулся. Индеец с флейтой сидел не пристегнутый. Зря. Если аэрокар начнет резко маневрировать, может получить травму.

Жуан, повернув тумблер в левом нижнем углу приборной доски, включил маленький монитор, на котором отобразился лабораторный отсек. Задние двери аэрокара так и остались открытыми. Он закрыл их с помощью гидравлического привода. Отец лежал на сиденье, пристегнутый ремнями, индеец сидел рядом.

Турбины, между тем, вышли на максимальные обороты.

Жуан включил внешние огни и задействовал гидростатическую передачу. Аэрокар поднялся над землей сантиметров на пятьдесят, после чего, слегка накренившись, полетел вперед и вывернул на улицу. Поднявшись еще метра на два, Жуан увеличил скорость и повел аэрокар по направлению к огням бульвара.

– Поверни в сторону горы, – произнес индеец. И показал направление.

Там, у подножья холмов, располагалась клиника Алессандро.

Жуан заложил вираж над боковой улицей, ведущей к бульвару, усилил тягу и добавил скорости. Одновременно этим же движением он включил внутреннюю связь с лабораторным отсеком, активировав микрофон и усилитель, установленный под сиденьем, на котором лежал его отец.

Микрофон, чувствительный настолько, что падение иголки превращал в пушечный выстрел, уловил лишь отдаленное шипение и шелестящее посвистывание. Жуан увеличил мощность. Микрофон должен был передавать в кабину звуки сердцебиения человека, лежащего на сиденье, но кроме шипения и шелеста Жуан ничего не слышал.

Слезы выступили у Жуана на глазах, и он тряхнул головой, чтобы сбросить их. *Мой отец умер, подумал он. Его убили эти чокнутые индейцы.* Жуан посмотрел на монитор и увидел, что оставшийся в лабораторном отсеке индеец положил ладонь под спину его отца и, похоже, массировал ее. Ритм шипения, доносившегося оттуда, соответствовал ритмическим движениям, которые производил индеец. Волна ярости поднялась в душе у Жуана, и он был уже готов бросить аэрокар вниз, на мостовую, чтобы убить себя и этих тварей.

Аэрокар приближался к окраине города. Городские здания остались позади и сменились небольшими домиками. Вокруг них раскинулись сады, укрытые экранами, непроницаемыми для насекомых. Жуан поднялся над экранами и направил машину прочь от города.

В клинику, подумал он. Но ведь уже поздно! Он прислушался. Нет, никакого сердцебиения, и только медленное ритмическое посвистывание да гудение, напоминающее гудение цикады – то громче, то тише.

– К горам, туда, – велел индеец.

Рука его была перед глазами Жуана, и в свете огней, горевших на приборной доске, он понял, почему кожа индейцев показалась ему чешуйчатой: рука и пальцы состояли из

тех самым жуков, которые формировали единое оформленное целое и действовали в унисон, цепко держась друг за друга своими когтистыми лапками.

Жуки!

Жуан повернулся, посмотрел в глаза индейца и понял причину их неестественного блеска – они были сложены из тысяч крохотных фасет.

– Больница там, – сказала существо, сидевшее в пассажирском кресле.

Жуан сосредоточился на инструментах управления аэрокаром, пытаясь не потерять самообладания.

Это были не индейцы. Более того, это были не люди. Рядом с Жуаном в кресле пассажира сидело существо, имитирующее человека и состоящее из конгломерата насекомых, действующих по единому плану.

И, сделав это открытие, Жуан сразу подумал о деталях. Как они борются с гравитацией и поддерживают свой вес? Чем питаются и как дышат? Каким образом разговаривают?

Все личные соображения в сознании Жуана уступили место намерению получить как можно больше достоверной информации, фактов и материальных свидетельств происходящего и доставить все это в одну из крупных правительственных лабораторий, где подвергнуть тщательному анализу.

Увы, даже смерть отца не могла повлиять на его решение. Жуан знал – он должен захватить в плен одно из этих созданий и предъявить его ученым. Протянув руку и включив передатчик, Жуан поставил аэромаяк в режим «домой». Только бы кто-нибудь из его братьев по оружию не спал и сидел сейчас перед приборами, отслеживая эфир!

– Еще направо, – проскрипел индеец.

Этот скрипучий, стрекочущий звук! Как все-таки эти создания имитируют звуки человеческой речи? Здесь же необходима сложная и тонкая координация различных органов!

Жуан посмотрел налево. Наверху плыла луна, освещая линию башен, где дислоцированы команды бандейрантов. Это – первый барьер. Скоро аэрокар вылетит за пределы Зеленой зоны и помчится над районом, где живут самые бедные фермеры, переселенные сюда в рамках плана освоения новых районов. Потом будет еще один барьер и наконец Большая Красная зона, простирающаяся широкими полосами через штат Гояс и внутренние территории Мату-Гросу до Анд, где действуют команды уже из Эквадора. Впереди Жуан видел огни этих бедных ферм; за ними, дальше, царила темнота.

Аэрокар летел быстрее, чем было нужно, но Жуан не хотел снижать скорости, чтобы не вызвать подозрений.

– Поднимись выше, – велел сидевший сзади флейтист.

Жуан исполнил приказ, подняв машину на высоту триста метров. Впереди, с более короткими интервалами, чем раньше, маячили башни бандейрантов. Приборы среагировали на вибрацию, испускаемую барьерами. Жуан покосился на своего соседа. Похоже, вибрация не оказала никакого воздействия на это создание.

Пролетая над барьером, Жуан взглянул вниз, на землю. Ни у кого на земле это не вызовет вопросов. Это же аэрокар, принадлежащий бандейрантам! Сигнал, испускаемый радиомаяком, сообщит: командир возвращается к своим братьям по оружию после заключения выгодного контракта и спешит поделиться с ними радостью. Охранники барьера, разумеется, распознали его сигнал, и они понимают, что Жуан Мартино только что получил работу в Сьерра-дус-Паресис. Все нормально!

Жуан вздохнул. Слева от аэрокара извивалась в лунном свете река Сан-Франсиску, а у подножья гор лентами тянулись реки помельче.

Он должен найти гнездо этих созданий – куда бы они его ни ташили.

Жуан подумал, а не включить ли приемник? Нет! Если его люди начнут рассказывать, что у них и как, эти псевдоиндейцы его заподозрят, и последствия будут самыми непредсказу-

емыми. А бандейранты, если он им не ответит, заподозрят что-то неладное. И последуют по его маршруту.

Если, конечно, кто-нибудь из них услышит сигнал его маяка.

– Как далеко мы летим? – спросил Жуан.

– Очень далеко, – ответил флейтист.

Ну что ж, если полет будет долгим, нужно набраться терпения. Я должен быть терпелив, как паук, ждущий, когда зашевелится, задержается его ловчая сеть.

Текли часы: два, три, четыре...

Внизу, под аэрокаром, простирались бесконечные джунгли. Луна уже склонялась к земле, готовая скрыться за горизонтом. Теперь они находились в самой сердцевине Красной зоны, где впервые, хотя и с катастрофическими результатами, были использованы обычные яды. И здесь же были обнаружены первые мутации.

Штат Гояс.

И именно сюда, как говорил отец Жуана, отправилась Рин Келли. Неужели она сейчас там, где-нибудь внизу? Застывшие в холодном свете луны джунгли притихли.

Штат Гояс.

Регион, который был оставлен для последней атаки. Здесь будут использованы мобильные барьеры, и их введут в бой, когда кольцо станет достаточно узким.

– Долго еще? – спросил Жуан.

– Скоро, – отозвался владелец флейты.

Жуан активировал заряд, предназначенный для того, чтобы в аварийной ситуации разъединить лабораторный блок и кабину аэрокара. Короткие крылья пилотажной гондолы и ракетные двигатели быстро перенесут его туда, где все находится под контролем бандейрантов.

Вместе с образцом, который к тому времени будет успешно обездвиген, надеялся Жуан.

Он попытался рассмотреть что-либо в зарослях, несущихся под днищем аэрокара, потом перевел взгляд на горизонт. Неожиданно внизу что-то блеснуло. Похоже, лунный луч отразился от кузова грузовика. Может ли такое быть? Не исключено.

– Скоро? – спросил он флейтиста.

– Прямо перед нами, – проскрипел тот.

От стрекочущих обертонів в голосе этого существа мурашки бежали по коже.

– Мой отец... – произнес Жуан.

– Больница... для отца... перед нами, – проговорил хозяин флейты.

Приближался рассвет, и Жуан уже видел на горизонте первые проблески зари. Ночь прошла невероятно быстро. А вдруг похитившие их с отцом существа использовали против них какой-нибудь наркотик, искажающий восприятие времени? Нет, вряд ли! Жуан постоянно был начеку, каждое мгновение адекватно реагируя на те испытания, которые предлагали ему возникающие обстоятельства. Для скуки и усталости просто не было времени – он обязан был регистрировать каждую примету на местности, едва различимую в ночной темноте, а также следить за существами, в плену которых он фактически находился. К тому же в кабине остро пахло щавелевой кислотой, что свидетельствовало о постоянном процессе производства кислорода из кислоты.

Но как эти существа координируют работу отдельных жуков, формирующих единое тело? Эти монстры напоминают разумных существ и действуют как разумные существа. Или они притворяются, и всем управляет единый мозг? Но что это за мозг и где он находится?

Рассвет вступал в свои права, и постепенно под аэрокаром открылось во всей своей красоте плато Мату-Гросу – котел кипящей всеми оттенками зелени, переливающейся через край мира. Жуан выглянул в боковое окно и увидел, как длинная тень от аэрокара плывет по открытой местности, посреди которой, окруженное густой зеленью, матово блестит металлической крышей некое строение – может, фермерский дом, брошенный при переселении; барак, в кото-

ром жили рабочие кофейной плантации; или же склад на берегу небольшой реки, обеспечивавшей когда-то обильные урожаи.

Жуан отлично знал этот район и мог с закрытыми глазами представить его карту, которой пользовались бандейранты: пять градусов широты на шесть градусов долготы. Прежде это был совершенно оторванный от остального мира кусок земли, где на фазендах трудились независимые белые, черные и коричневые фермеры, привязанные к древней системе сельского хозяйства, установленной еще португальцами. Отсюда, кстати, были родом родители Бенито Алвареса. Густые джунгли с узкими реками, поросшими пышным кустарником и папоротниками; саванны и сложные, запутанные отношения разных биологических систем, формирующих ткань здешней жизни.

То тут, то там, где реки сужались и текли бурным потоком, громоздились остатки гидроэлектростанций, давно покинутых и вытесненных солнечными батареями и атомными реакторами.

Такой уж она была – глубинка штата Гояс, даже в нынешний продвинутый век она оставалась островком примитивной жизни, с обилием насекомых и старыми болезнями. Последний оплот насекомых в Западном полушарии, штат Гояс ждал прихода новых технологий, которые сразу перенесут его в двадцать первый век.

Все, что необходимо для атаки, которую бандейранты поведут на этот участок джунглей, поступит из Сан-Паулу несколькими путями – по воздуху, по многоэтажным транспортным магистралям, а затем на примитивных дизельных поездах до Итапиры, откуда, перегрузившись на речные суда, поднимется к Бахусу, и уже оттуда – на аэрокарах – до Регисту и Леопольдины на реке Арагуая.

А когда все закончится, сюда вернутся люди, временно живущие вдоль границы Зеленой зоны и в городских трущобах.

Турбулентность потрянула аэрокар, вернув Жуана из состояния задумчивости к реальности, требующей постоянного внимания. Он бросил через плечо взгляд на своего спутника, сидевшего в прежней позе – внимательный и терпеливый как индеец, которого он так ловко изображал. Присутствие этого чудовища постепенно начинало давить Жуану на нервы, и он с трудом преодолевал растущее отвращение к этому существу.

Сияющие поверхности технического чуда, которое представлял собой аэрокар, никак не сочетались с присутствием этого существа, сотканного из мириадов насекомых. Какое право он имел находиться здесь, когда сферой его законного обитания были джунгли, простирающиеся внизу?

Жуан вновь посмотрел на зеленое море джунглей. Он знал, что внизу, под ним, простирается зона, которая кишит насекомыми всех видов – ленточными червями, прячущимися в корнях травы; личинками, зарывающимися в жирный чернозем; скачущими туда-сюда жуками, быстрыми в полете осами, все еще священными для редких местных жителей халикозными мухами, клещами, сфецидами, браконидками, шершнями, белыми термитами, хоботными личинками, различными кровососами, трипсами, муравьями, вшами, москитами, мотыльками, экзотическими бабочками, богомолами, а также результатами бесконечных рядов мутаций, затронувших все эти виды.

Это будет битва, и она потребует гигантских издержек. Если, конечно, люди ее уже не проиграли.

Нет, я не должен так думать, решил Жуан. Из уважения к отцу. Не должен... пока.

На картах МЭО этот регион был отмечен разными оттенками красного. Большое красное пятно было окружено серым кольцом с розовыми вкраплениями, показывающими места, где проживали один-два вида насекомых, выстоявших против ядов, огня, липучек, сонотоксинов – комбинации ядов и звуковых вибраций, которые гнали насекомых из насиженных ими мест

на верную смерть, – а также против всевозможных механических ловушек и хитрых приманок, имевшихся в распоряжении бандейрантов.

Вся эта зона будет поделена на квадраты в тысячу гектаров, и каждый такой кусок выставят на торги, в которых будут участвовать независимые команды бандейрантов. Выигравшая команда начнет работу по очистке.

Мы, бандейранты, являемся идеальными хищниками, подумал Жуан. Не случайно эти существа имитируют нас.

Но насколько успешна мимикрия, которой они пользуются? И насколько они смертоносны как хищники – вот в чем вопрос!

– Туда! – проговорило существо, сидевшее сзади.

Рука, состоявшая из множества частей, протянулась вперед и показала на видимую в сером свете утра темную полосу джунглей. Густой туман, висящий над этим местом, свидетельствовал о том, что омывается он рекой, спрятавшейся среди растительности.

Это все, что мне нужно, подумал Жуан. Я легко найду это место. Он нажал на рычаг, расположенный на полу кабины, и аэрокар выпустил облако оранжевого тумана, который, осев на находящуюся внизу территорию площадью не менее километра, должен был сделать ее заметной среди самых плотных джунглей. Нажав на рычаг, Жуан начал отсчет – через пять секунд произойдет автоматическая отстыковка кабины от лаборатории.

Резкий толчок, вызванный взрывом разделяющих зарядов, должен был размазать флейтиста по задней стенке пилотажного отсека, тем более, что он так и не пристегнулся. Не оглядываясь, Жуан выпустил крылья и, врубив ракетные двигатели, резко повернул вниз и налево. Ему стал виден отделившийся лабораторный отсек, который, продолжая двигаться на восток, медленно снижался. Мягкую посадку ему обеспечат выведенные в режим посадки основные турбины.

Я вернусь, отец, подумал Жуан. Ты будешь похоронен среди родных и друзей.

Зафиксировав ручки управления, Жуан повернулся, чтобы посмотреть, что происходит с его пассажиром, и едва не ахнул.

Вся задняя стенка кабины была усеяна насекомыми, роившимися вокруг некоего пульсирующего желто-белого объекта. Грязные рубашка и штаны были разорваны, но насекомые уже ремонтировали их, соединяя нитки и куски ткани. Желто-белый пульсирующий предмет был похож на некий мешок, а под ним, сквозь массу мельтешащих жуков просматривалась некая скелетоподобная структура. Она напоминала скелет человека, только состояла, вероятно, из темного хитина.

Прямо на глазах Жуана это существо восстанавливало свои формы – жуки сцеплялись длинными усиками и свивались когтистыми лапками.

Флейты не было видно, а кожаную сумку толчком отшвырнуло в угол, но сверкающие глаза уже злобно уставились на Жуана. Понемногу формировался и рот. Желтый мешок сжался, и из пока незаконченного рта вырвался скрипучий звук:

– Ты обязан слушаться!

Жуан сглотнул, обернулся к ручкам управления и бросил машину в резкий штопор.

Звонящий шелест и стрекот поднялись сзади. Звук был столь высоким и резким, что, казалось, проникал до самых костей. Что-то поползло по шее. Жуан прихлопнул и раздавил насекомое.

Главное теперь – спастись! Он взглянул вниз, на землю, увидел справа светлое пятно на поверхности саванны и в то же мгновение краем глаза заметил, как рядом с аэрокаром закладывает вираж лабораторный отсек его машины, на борту которого красуется эмблема его команды бандейрантов.

Белое пятно превратилось в группу палаток, над ней развевался оранжево-зеленый флаг МЭО. Неподалеку текла неширокая река.

Жуан почувствовал укол в щеку. Эти твари забрались в его волосы и кусали, кололи десятками иголок. Резко вырубив ракетные двигатели, он направил планирующий аэрокар на свободную площадку возле палаток. Теперь насекомые покрыли всю внутреннюю поверхность машины, в том числе ветровое стекло. Не видя почти ничего, Жуан мысленно произнес короткую молитву, резко взял на себя ручку управления, почувствовал, как аэрокар коснулся мягкой земли и, содрогаясь, полз по ней. Не дожидаясь, пока машина остановится окончательно, Жуан раскрыл фонарь, расстегнул замок ремня безопасности и, резким движением перевалив через борт аэрокара, распластался на земле.

Закрыв глаза, он принялся кататься по земле, ощущая, как сотни тоненьких иголок впи-
ваются в незащищенные части его тела. Неожиданно некие руки подхватили Жуана и поста-
вили на ноги, на лицо опустилась защитная маска, а со всех сторон в тело ударили струи сухого
спрея.

Откуда-то издалека он услышал голос, напоминающий голос Виеро:

– Бегите, шеф! Сюда!

С приглушенным ревом заработал эжектор. Струя ударила его в спину. Еще и еще раз. Жидкость, запахом напоминающая нейтрализатор, окатила Жуана. В этот момент позади раз-
дался странный глухой звук, и чей-то голос произнес:

– Святая Богоматерь! Вы только посмотрите на это!

V

Жуан сел, стащил маску и огляделся. Трава вокруг буквально кишела насекомыми.

– Ты всех убил внутри кабины? – прозвучал голос.

– Всех, кто шевелился, – послышался хриплый ответ. Человек, произнесший это, явно испытывал боль.

– Есть там что-нибудь, что можно использовать?

– Радио выведено из строя.

– Естественно. Это первое из того, что они делают.

Жуан узнал своих людей – Виеро, Тома, Рамона, Питера, Лона...

Позади его братьев по оружию стояла еще одна группа, и среди них была Рин Келли. Ее рыжие волосы были растрепаны, на лице – пыль и копоть, а в зеленых, словно остекленевших, глазах застыло выражение дикого ужаса. Она не сводила взгляда с Жуана.

Он посмотрел направо и увидел свой аэрокар, лежавший на боку. Площадка, на которой сгрудились палатки, была окружена рвом, заполненным пеной и ядовитым спреем. По ту сторону рва простиралась саванна. Рядом с Жуаном, держа в руках зарядные цилиндры для эжекторов, стояли двое в униформе МЭО.

Жуан посмотрел на Рин. Какая разница с тем, что он видел в кабаре «Клещ» в Байи! На ней была простая униформа МЭО. На ее зеленой ткани засохли пятна красно-бурой грязи. Глаза – холодные и враждебные.

– Есть в этом некая поэтическая справедливость – предатели получают за все сполна, – произнесла она.

В голосе Рин звучала истерика, и Жуану потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить ее слова. Предатели? Что она имеет в виду? Сопровождавшие ее люди из МЭО имели такой же усталый, потрепанный вид. Подошел Виеро и помог Жуану встать.

– Шеф! Что случилось? – воскликнул он. – Мы поймали ваш сигнал, но вы не отвечали.

– Позднее, – отозвался Жуан, все еще не спускавший глаз с Рин и ее спутников. Те с трудом скрывали свою злость, причем Рин едва держалась на ногах – не то от ярости, не то от плохого самочувствия.

Люди отряхивали мертвых насекомых с мундира Жуана. Боль от уколов и укусов стихала – работал нейтрализатор.

– Чей там скелет в вашем аэрокаре? – спросил один из людей МЭО.

Не успел Жуан ответить, как Рин заявила:

– Смерть и скелеты – это ничего не значащие пустяки для предателя Пиратинги.

– Они сошли с ума, и этим все объясняется, – сказал Виеро.

– Ваши питомцы повернули свое оружие против вас, не так ли? – не унималась Рин. – А этот скелет – все, что осталось от одного из них?

– Что за болтовня про скелеты?

– Ваш шеф знает.

– Вы не могли бы объяснить, что все это значит? – спросил Жуан.

– Я не буду ничего объяснять, – отрезала Рин. – Пусть ваши друзья это объясняют.

И она показала на край джунглей, которые начинались за саванной. Жуан увидел шеренгу человеческих фигур, одетых в белые мундиры бандейрантов. Они стояли среди кишящей в тени пальм и лиан кипени насекомых, но те их не трогали. Взяв у одного из своих людей бинокль, он направил его на белую шеренгу.

Жуан знал, на что смотреть, а потому сразу увидел то, что искал.

– Падре! – произнес он.

Виеро наклонился к нему, потирая укус на щеке.

Жуан негромко объяснил ему, что к чему, и протянул бинокль, чтобы Падре сам увидел чешуйчатую поверхность кожи и фасеточное сверкание глаз у этих так называемых бандейрантов.

– Вот так номер! – присвистнул Виеро.

– Ну что, узнали своих друзей? – усмехнулась Рин.

Жуан проигнорировал вопрос.

Падре протянул бинокль членам своей команды, объясняя, куда и на что смотреть. Подошли те двое из людей МЭО, которые помогали Жуану освободиться от насекомых, стали прислушиваться, после чего тоже уставились в сторону джунглей. Один из них перекрестился.

– Эта канава по периметру! – сказал Жуан. – Что в ней?

– Порошковый нейтрализатор, желе и пена.

– Это их не остановит.

– Уже остановило.

Жуан кивнул. Перспективы казались ему самыми неблагоприятными. Он обратился к Рин:

– Доктор Келли, а где ваши люди?

Жуан окинул взглядом стоявшую перед ним команду МЭО.

– В ваших полевых группах обычно более шести человек. Где остальные?

Рин стиснула зубы, но промолчала.

– Не хотите говорить? – Он посмотрел на потрепанные палатки. – А где ваше оборудование, грузовики, лабораторный бокс, вездеходы?

– Странно, что вы спрашиваете об этом, – наконец произнесла Рин.

В ее голосе, наряду с ироническим тоном, звучала нотка неуверенности, и, что было совершенно очевидно, сама Рин была на грани истерики.

– Около километра отсюда, в лесу, – сказала она и кивнула в сторону, – стоит наш грузовик с тем, что вы называете оборудованием. Колеса грузовика были съедены кислотой еще до того, как мы сообразили, что к чему. То же самое случилось и с подъемниками.

– Кислота?

– Выглядела как щавелевая, но действовала скорее как соляная, – вмешался в разговор один из спутников Рин, блондин нордического типа со свежим кислотным ожогом под правым глазом.

– Начните с самого начала, – попросил Жуан.

– Нас отрезали...

– Восемь дней назад, – сообщила Рин.

– Да, – подтвердил блондин. – Они уничтожили наше радио и грузовик. Они похожи на гигантских клещей. Стреляют кислотой метров на пятнадцать.

– Как тот, которого мы видели на площади в Байи? – уточнил Жуан.

– У меня в лабораторной палатке есть три мертвых экземпляра, – сказала Рин. – Они координируют свои действия, у них кооперация. Увидите сами.

Покусывая губы, Жуан размышлял.

– Я слышала часть из того, что вы говорили своим людям, – продолжила Рин. – Вы ждете, что мы поверим в это?

– Мне безразлично, поверите вы или нет, – заявил Жуан. – Как вы добрались сюда?

– Пришлось пробиваться, – ответил блондин. – Захватили из грузовика все, что смогли, и добрались сюда. Выкопали траншею, залили ее ядом, пеной и маслом копаху. Нам удалось сдержать их спреем карамуру. Били из ежекторов.

– Сколько вас?

– В грузовике было четырнадцать, – сказала Рин.

Она внимательно смотрела на Жуана. Его манера разговаривать, вопросы – все свидетельствовало о невиновности. Рин попробовала найти уязвимые места в этом предположении, но не справилась с задачей. Ясно мыслить у нее сейчас не получалось, и она это понимала. Наверняка в укусах насекомых, которые атаковали их и пробились через заслон карамуру, содержался какой-то наркотик. Но вот какой – ее лаборатория так и не сумела определить.

Жуан потер шею, где укусы начинали гореть. Он осмотрел своих людей, оценил их состояние и вооружение, сосчитал количество эжекторов, отметив отдельно, сколько запасных зарядных цилиндров у них есть в сумках, висевших на шее.

Здесь, внутри периметра, лежал и его аэрокар. Хотя, залив его спреем, люди наверняка повредили контуры управления. Впрочем, в километре от лагеря, в саванне, находился большой грузовик МЭО.

– Нужно пробиваться к грузовику, – сказал Жуан.

– Нашему грузовику? – уточнила Рин. – Она посмотрела в сторону саванны и продолжила: – Боюсь, слишком поздно, бандейрант. С ним было все кончено уже через несколько минут после того, как мы его бросили. – Рин рассмеялась, поддавшись подступающей истерике. – Думаю, через пару дней здесь останется совсем мало предателей. Вы попались в собственную ловушку.

Жуан резко повернулся и взглянул на лежавший в стороне аэрокар. Тот стал крениться на левый бок.

– Падре! Томми! Винс! Заберите...

Он замолчал, видя, как машина, словно сплющиваясь с одного бока, заваливается еще больше.

– Мне нужно было бы предупредить вас, – сказала Рин, – чтобы вы держались подальше от траншеи, а если подходите, сначала обработайте противоположный берег. Эти твари стреляют кислотой на пятнадцать метров, а кислота, как вы видите, не жалеет ни металл, ни пластик.

– Вы сошли с ума! – воскликнул Жуан. – Почему вы сразу не сообщили? Мы могли бы...

– Я не обязана ни о чем вас предупреждать.

В разговор вмешался блондин из ее команды:

– Доктор Келли, но, вероятно, мы могли бы...

– Успокойтесь, Хогар, – сверкнув глазами, оборвала его Рин. – Не пора ли вам провести доктора Чен-Лу?

– Трэвиса? – удивился Жуан. – Он здесь?

– Он прибыл вчера, с сопровождающим. Тот мертв, – объяснила Рин. – Они искали нас. К несчастью, нашли. Боюсь, доктор Чен-Лу не переживет эту ночь. – Она посмотрела на блондина: – Хогарт!

– Уже иду, – отозвался тот и направился к палаткам.

– Ваши лучшие друзья убили восемь моих человек, – сказала Рин и покосилась на стоявших поодаль бандейрантов. – Смерть всей вашей компании будет ничтожной платой за эту потерю, предатели!

– Вы сошли с ума! – воскликнул Жуан, почувствовав, как в нем поднимается злость. Неужели Чен-Лу умирает? Впрочем, с этим можно подождать. Прежде всего – работа.

– Перестаньте изображать невинность, – не унималась Рин. – Мы видели, чем занимаются ваши коллеги, каких монстров они произвели. Вас погубила собственная жадность, потому что ваши создания отбились от рук.

– У вас нет никаких доказательств, – возразил Жуан. – И не может быть. – Он посмотрел на Тома и приказал: – Не спускай глаз с этих ненормальных. Нельзя, чтобы они нам помешали.

Взяв эжектор и запасные зарядные контейнеры, Жуан кивнул троим своим людям:

– Вы идете со мной.

– Шеф! Что вы собираетесь делать? – спросил Виеро.

– Забрать из их грузовика то, что еще можно спасти, – ответил Жуан.

Виеро вздохнул, взял у одного из своих братьев по оружию эжектор и заряды и велел оставаться с Томом.

– Ну что ж, если вы собираетесь покончить с собой, мы вам мешать не станем, – усмехнулась Рин.

Жуану немалого труда стоило не развернуться к ней и не обрушиться на нее с каскадом ругательств. Голова его раскалывалась от злости и тягостной необходимости сдерживаться. Он подошел к траншее недалеко от лежавшего на боку аэрокара, выпустил на ее противоположный берег мощную струю спрея и, кивнув своим спутникам, перепрыгнул на ту сторону.

Потом Жуан будет неохотно вспоминать это время, проведенное в саванне.

Спасти им удалось лишь восьмую часть того, что было в грузовике МЭО – настолько быстро пришлось возвращаться к палаткам. Сам Жуан и трое из его команды были обожжены кислотой, причем Виеро и Лон – серьезно. Забрали они, в основном, еду. Передатчика же так и не нашли.

Атаковали их со всех сторон, из густой травы. Они отбивались, но используемые ими средства лишь на время обездвиживали врагов, сдерживая их наступление. Атаки прекратились лишь после того, как Жуан и его спутники оказались внутри спасительного периметра.

– Первым делом эти твари решили лишить нас связи, – прохрипел Виеро. – Но как они до этого дошли?

– Не хочу даже думать об этом, – отозвался Жуан и принялся обрабатывать ожоги на теле Падре, у которого были обожжены щека и плечи, а одежда свисала дымящимися лохмотьями.

Сбрызнув ожоги нейтрализатором, Жуан повернулся к Лону. Кожа у того буквально свисала со спины, и он тяжело дышал. Подошла Рин и принялась помогать с обработкой ран. Но говорить она отказывалась, даже отвечать на самые простые вопросы.

– У вас есть еще такой же нейтрализатор?

Молчание.

– Вы брали образцы кислоты?

Молчание.

– Как был ранен Чен-Лу?

Молчание.

Наконец Жуан добрался и до ожогов на собственной левой руке. Нейтрализовав кислоту, он наложил на ожоги пластырь. Затем, сжав зубы, чтобы превозмочь боль, обратился к Рин:

– Где клещи, которых вы убили?

Молчание.

Ярость в душе Жуана готова была выплеснуться наружу.

– Вами владеет слепая мегаломания, – сухо произнес он. – Но не нужно слишком долго испытывать мое терпение.

Лицо Рин побледнело; сверкнув глазами, она сжала губы, но промолчала.

Рука у Жуана пульсировала болью, и он чувствовал, что с его глазами, особенно с восприятием цвета, что-то не так. Было еще кое-что: Жуан был разгневан на эту женщину, однако впечатление складывалось такое, будто злился не он, а кто-то другой. И ощущение дистанцированности от собственной личности сохранялось, хотя он это и сознавал.

– Вы нас провоцируете, – заявил он. – Хотите, чтобы я попросил своих людей разобраться с вами? Мы от вас устали.

Эти фразы, казалось, исходят не от него. Или, наоборот, Жуан говорил совсем не то, что хотел, словно слова сами слетали с уст, помимо его воли.

– Вы не посмеете! – воскликнула Рин, вспыхнув.

– Ну что ж, тогда побеседуем? Только не нужно мелодрамы. Подобного удовольствия я вам не предоставлю.

Жуан потряс головой – он совсем не это хотел сказать.

Рин зло посмотрела на него:

– Вы... наглый...

Жуан, будто глядя на себя со стороны, отметил, что физиономия его скривилась в иронической усмешке, а голос произнес:

– Ничто из того, о чем вы говорите, не заставит меня выйти из себя.

Вскоре ощущение разлада с самим собой усилилось. Жуан увидел, как Рин размерами становится все меньше и меньше, пока не превращается в малоприметную точку. Он уловил далекий гул и задал себе вопрос: а не в ушах ли у него шумит?

– Что это за звук? – спросил он.

– Какой звук, шеф? – уточнил Виеро, стоявший у него за спиной.

– Вот этот гул.

– Река, шеф. Там резкое сужение в скалах и пороги. – Виеро показал на высокие черные утесы, поднимающиеся над джунглями. – Реку хорошо слышно, когда от нее дует ветер, – объяснил он. – И, посмотрев по сторонам, сказал: – Шеф!

– В чем дело? – Жуан начинал злиться на Падре.

– На пару слов, шеф!

Виеро повел его прочь от Рин, в сторону палаток, возле которых находился блондин с нордической внешностью. Лицо у него было серым, за исключением красной каймы вокруг ожогов.

Жуан посмотрел на Рин. Она отвернулась и стояла со сложенными на груди руками. Напряженная неподвижность ее фигуры, сама ее поза показались Жуану нелепыми, и он с трудом подавил смех. Приблизившись к блондину, Жуан попытался вспомнить его имя. Как Рин его звала? Хогар? Да, Хогар.

– Этот человек, – сказал Виеро, показывая на Хогара, – говорит, что женщина-доктор была укушена насекомыми, которые проникли через их барьеры.

– Да, в самый первый вечер, – прошептал Хогар.

– И с тех пор она на себя не похожа, шеф, – заметил Виеро. – И нам приходится всячески потакать ей, шеф.

Жуан облизал губы. Ему было жарко, а голова слегка кружилась.

– Насекомые, которые ее укусили, были точь-в-точь как те, что мы сняли с вас, – сообщил Хогар.

Он что, смеется надо мной?

– Я хотел бы видеть Чен-Лу, – сказал Жуан. – Причем немедленно.

– Он отравлен и сильно обожжен, – объяснил Хогар. – По-моему, он умирает.

– Где же он?

– В этой палатке, но я...

– Он в сознании?

– Синьор Мартино! Чен-Лу в сознании, однако его состояние не позволяет ему вести долгие...

– Здесь приказываю я!

Хогар и Виеро обменялись взглядами.

– Шеф! Может... – начал Виеро.

– Я хочу увидеться с доктором Чен-Лу прямо сейчас! – заявил Жуан и шагнул в палатку.

Внутри палатки было темно и мрачно, особенно по сравнению с залитой утренним солнечным светом саванной, оставшейся за пологом, и Жуану потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться к полумраку. Следом за ним вошли Виеро и Хогар.

– Прошу вас, синьор Мартино, – проговорил блондин.

– Шеф, может, позднее? – произнес Падре.

– Кто здесь? – раздался тихий голос.

Жуан увидел лежащего на койке человека в бинтах и узнал Чен-Лу.

– Это Жуан Мартино, – сказал он.

– О, Джонни! – Голос доктора окреп.

Хогар протиснулся к койке и, встав около нее на колени, попросил:

– Доктор, не волнуйтесь. Вам нельзя!

В тоне Хогарта Жуан уловил фамильярность. Он подошел к койке и посмотрел на Чен-Лу. Лицо доктора осунулось, словно после длительного голодания, а глаза запали.

– Джонни, – прошептал Чен-Лу, – мы спасены?

– Увы, – ответил Мартино. – К сожалению, нет.

И удивился – зачем он это сказал? Какая глупость!

– Да, это плохо, – вздохнул Чен-Лу. – Значит, все уйдем вместе?

И подумал: *Какая ирония – на одном жертвенном костре сгорим и я сам, и жертва, которую я собирался принести. Абсурд и бессмыслица!*

– Надежда еще есть, – проговорил Хогар.

Жуан заметил, как Падре перекрестился.

– Пока живу, надеюсь? – усмехнулся доктор. – Так, что ли? – Он посмотрел на Жуана и сказал: – Джонни! Я умираю.

И подумал: *Мы все здесь умрем. И там, на родине, в Китае, тоже все умрут. Какая разница, от чего умирать, от яда или от голода?*

Хогар, взглянув на Мартино, произнес:

– Синьор! Прошу вас, уходите!

– Нет! – возразил Чен-Лу, – пусть он останется. У меня есть кое-что ему сказать.

– Вам нельзя утомляться, синьор!

– Да какая разница? – сказал доктор. – И, обратившись к Мартино, проговорил: – Ну что, маршируем на запад? Так, Джонни? Жаль, что мне трудно смеяться!

Жуан покачал головой. У него болела спина, а кожу на руках словно кололи иголками. Внутри палатки вдруг стало необычайно светло.

– Смеяться? – шепотом переспросил Виеро. – О, Матерь Божия!

Чен-Лу немного помолчал, а потом спросил:

– Знаете, почему мое правительство не допускает ваших наблюдателей? Ирония судьбы! Наш великий поход вышел Китаю боком. Земля умерла и больше не родит. Ничто не помогает – ни удобрения, ни химикаты. Ничто!

Жуан вдруг поймал себя на том, что с трудом понимает смысл фраз Чен-Лу. Земля умерла? Земля умерла! Что это такое?

– Нас ждет голод, какого еще не знало человечество, – хрипло продолжил доктор.

– Это из-за отсутствия насекомых? – уточнил Виеро.

– А из-за чего же еще? – отозвался китаец. – Больше ничего не менялось. Но мы сломили ключевые звенья в экологической цепи. Мы даже знаем, какие звенья. А что толку? Уже слишком поздно.

Мертвая, бесплодная земля, подумал Жуан. *Интересная идея!* Виеро, встревоженный молчанием своего шефа, склонился к Чен-Лу и спросил:

– Почему же вы не предупредите остальных, пока и у них не стало слишком поздно?

– Не говорите глупостей! – воскликнул доктор, и в его голосе прозвучали прежние жесткие командные нотки. – Лучше мы лишимся всего, чем потеряем лицо. Я объясняю это вам потому, что умираю, да и вам суждено пережить меня ненадолго.

Хогар выпрямился и отошел от койки, словно боялся испачкаться.

– Нам нужен козел отпущения, вы же понимаете, – продолжил Чен-Лу. – Поэтому меня сюда и послали – найти такого. У нас более высокие цели, чем просто спасти жизни наших людей.

– Вы же в любой момент могли взвалить всю вину на североамериканцев! – заметил Хогар.

– Боюсь, что данный ресурс мы уже исчерпали, и наши люди сыты подобными объяснениями по горло. Мы сами устроили катастрофу, и тут не скроешься. И все-таки мы надеялись найти кого-нибудь, кого можно было бы обвинить в наших бедах. Яды нам поставляли англичане и французы. Этот вариант мы использовали, однако без видимых результатов. Нам помогали русские. Но ведь сами русские не рискнули вычищать всю свою страну и сделали это лишь до Урала. И они вполне могли показать нам, что в своих бедах мы виноваты сами. Сами дураки, чего ж других винить?

– Так почему же русские ничего не сказали? – спросил Хогар.

Жуан посмотрел на него. Бессмысленные слова. Бессмысленные слова...

– Русские тихо и спокойно выводят свое Предуралье из Зеленой зоны, – ответил Чен-Лу. – Вновь заселяют насекомыми... Последний приказ, какой я получил от своего правительства – найти какое-нибудь новое, типично бразильское насекомое, которое было бы способно уничтожать наши посевы. И тогда мы могли бы обвинить в наших бедах... Кого, как вы думаете? Ваших бандейрантов.

Обвинять бандейрантов, подумал Жуан. *Да, все нынче обвиняют их.*

– Самое необычное, что я увидел в вашей Зеленой зоне, – сказал доктор после минутного размышления, – это... Знаете, что я увидел?

– Вы – настоящий дьявол, – проворчал Виеро.

– Нет, я просто патриот, – возразил Чен-Лу. – А вам не любопытно узнать, что я увидел в вашей Зеленой зоне?

– Говорите, и пусть вас в аду припекут черти! – воскликнул Виеро.

Лучше не скажешь, подумал Жуан.

– Я увидел симптомы той же беды, что поразила мою бедную страну. Плоды стали меньше, урожаи падают, листва жухнет, растения бледнеют. Сейчас все это происходит медленно, но скоро это заметят все.

– Так, может, они остановятся, пока не поздно? – предположил Виеро.

Какая глупость, подумал Жуан. *Кто из нас способен остановиться, пока не поздно?*

– Наивный вы человек! – вздохнул Чен-Лу. – Ваши правители ничем не отличаются от наших. Они озабочены только своим выживанием. И ничего не увидят, пока их не стукнет по макушке. Обычное дело со всеми правительствами.

Жуан вдруг почувствовал, что в палатке стало темно, хотя несколько мгновений назад ее заливал яркий свет. Ему стало жарко, а голова закружилась так, словно он выпил. Чья-то ладонь легла на его плечо. Он посмотрел на нее, потом скользнул взглядом по предплечью, плечу, лицу и встретился глазами с... Рин. Она стояла перед ним, в ее глазах мелькали слезы.

– Жуан, – произнесла Рин. – Синьор Мартино. Я вела себя так глупо!

– Вы слышали? – спросил ее Чен-Лу.

– Да, – кивнула она.

– Жаль, – сказал китаец. – Я хотел сохранить в вашей душе хоть какие-то иллюзии.

Странный разговор, подумал Жуан. *Какая странная личность эта Рин.* Какое странное место эта палатка, у которой потолок вдруг становится стеной.

Что-то ударило его в спину и по голове.

Я упал, подумал он. *Разве это не странно?*

Последнее, что Жуан услышал перед тем, как потерять сознание, был крик Виеро:

– Шеф!

Потом ему приснилась Рин, она парила над ним и говорила:

– Какая разница, кто отдает приказы?

И единственное, на что он был способен в этом своем сне, так это зловеще смотреть на нее и думать – как же он ненавидит эту женщину, несмотря на ее красоту.

– Да какая разница? – раздался чей-то голос. – Все мы в ближайшее время умрем.

А другой голос произнес:

– Смотри-ка. Здесь еще один. И выглядит как Габриэль Мартино, префект.

Жуан чувствовал, как проваливается в пустоту, голова его зажата фиксаторами, и он неотрывно смотрит на монитор, расположенный на приборной доске аэрокара. На экране он видит огромного жука-олень с лицом отца, префекта Мартино. И голос, напоминающий звон цикады, постоянно повторяет:

– Не волнуйся, не волнуйся, тебе вредно...

Жуан очнулся с криком, рвущимся из горла, и, одновременно осознавая, что это – не крик, а лишь воспоминание о нем. Тело его купалось в струях пота. Рядом сидела Рин и отирала его лоб. Выглядела она бледной и изможденной, с ввалившимися глазами. Интересно, а эта вполне эмансипированная Рин Келли действительно сидит над ним или же это – продолжение забытья? Если она реальна, то почему никак не реагирует на то, что он открыл глаза?

Жуан попытался что-то сказать, но в горле пересохло. Движение его губ, однако, привлекло внимание Рин. Она склонилась над ним и заглянула в лицо. Потом отвела руку назад, извлекла из-за спины фляжку и вылила несколько капель Жуану в рот.

– Что это? – прохрипел он.

– То же самое, что было у меня, – ответила Рин, – только в более тяжелой форме. Нейротоксин, который находился в укусах насекомых. Постарайтесь не напрягаться.

– Где мы?

Она внимательно посмотрела на него, понимая, что он ждет более развернутого ответа, чем тот, который она может дать.

– Мы в той же самой ловушке, где и были. Но теперь у нас есть шанс выбраться отсюда.

В глазах Жуана стоял вопрос, который он был не в состоянии произнести.

– Ваш аэрокар можно было отремонтировать, – добавила Рин. – Контуры управления были повреждены, но Виеро, похоже, удалось их восстановить.

Она проверила у него пульс, приложила к шее термометр.

– Температура упала, – сообщила она. – А проблемы с сердцем у вас возникали?

Жуан сразу подумал об отце, но этот вопрос был обращен не к старшему Мартино.

– Нет, – прошептал он.

– У меня есть несколько энергетических пакетов. Прямое питание. Если у вас особых проблем с сердцем нет, могу предложить вам один.

– Спасибо.

– Я использую вену на вашей левой ноге. Мне ставили это на левую руку, так я в течение часа видела голубые и красные огни.

Рин наклонилась к контейнеру, который стоял около койки, и вытащила из него плоский черный картридж. Затем стянула одеяло с левой ноги Жуана и принялась прилаживать пакет. Жуан чувствовал, как Рин манипулирует с его ногой, но он по-прежнему был как в тумане, и ему казалось, будто она делает это где-то очень далеко, почти за горизонтом.

– Таким образом мы вытащили и доктора Чен-Лу, – сообщила Рин, натягивая одеяло на его ногу.

Значит, Трэвис не умер! Жуан понимал всю важность этой информации, но не мог ее оценить.

– Там, конечно, был не только нейротоксин. – добавила она. – То есть у меня и у доктора Чен-Лу. Виеро нашел кое-что еще и в воде.

– Воде?

Рин восприняла это слово как просьбу, а потому вылила Жуану в рот несколько капель воды из фляжки.

– На вторую ночь мы выкопали колодец, – принялась рассказывать она. – Рядом река, и, ясно, грунтовых вод предостаточно. Но вода была отравлена ядами, частично нашими. Виеро попробовал первым, оказалось – горько. Мои тесты показали, что там есть еще кое-что – галлюциноген, производящий эффекты, напоминающие шизофрению. И он – не человеческого происхождения.

Жуан чувствовал, как энергия вливается в него из картриджа, присоединенного к ноге. Неожиданно он ощутил голод – хороший симптом.

– Это совершили... они?

– Вероятно, – кивнула Рин. – Мы сделали фильтры. И у всех нас разная степень сопротивляемости. Хогара, например, этот галлюциноген совсем не берет. Хотя его и не кусали. А вас кусали, и, наверное, это было отягчающим фактором.

Она вновь пощупала пульс Жуана и спросила:

– Вам лучше?

– Да.

Судороги, которые сводили его бедренные мускулы, ослабевали.

– Мы изучили скелет, найденный в вашем аэрокаре, – продолжила Рин. – Интересная вещь! Один в один – человеческий, за исключением системы скоб и отверстий. За них и цеплялись насекомые, чтобы управлять скелетом. Он очень легкий и в то же время прочный. Материал похож на хитин.

Жуан размышлял над ее словами, чувствуя, как энергия вливается в его тело. С каждой секундой он становился сильнее. Сколько же времени прошло с тех пор, как он отключился? А у них уже и аэрокар исправлен, и скелет изучен.

– Как долго я был без сознания? – спросил он.

– Четыре дня, – ответила Рин, посмотрев на часы. – Почти минута в минуту. Сейчас еще очень рано.

Жуан сообразил, что ее веселость наигранная. Что Рин скрывает? Не успел он сформулировать вопрос, как зашуршал полог палатки и внутрь ворвался луч солнца. Кто-то вошел.

Из-за спины Рин показался Чен-Лу. Он словно состарился на пятьдесят лет с тех пор, когда Жуан видел его в последний раз. Кожа лица обвисла и покрылась морщинами, щеки впали. Двигался китаец осторожно, словно был из хрусталя и боялся разбиться.

– Вижу, что пациент проснулся, – произнес он.

Голос доктора удивил Жуана своей силой – будто вся физическая энергия этого человека была сконцентрирована в его голосовых связках.

– У него стоит энергопакет, – пояснила Рин.

– Мудро, – кивнул Чен-Лу. – Впрочем, у нас не так много времени. Вы объяснили ему, что и как?

– Сказала только, что мы починили его аэрокар.

Такие фразы нужно формулировать весьма осторожно, подумал Чен-Лу. Эти латиноамериканцы – чувствительный народ, когда речь заходит об их чести.

– Мы хотим использовать ваш аэрокар, чтобы спастись, – произнес Чен-Лу.

– Но это невозможно! – воскликнул Жуан. – Аэрокар способен поднять только троих.

– Трое и будет, все верно. Только их не нужно будет поднимать. Да он и не сможет.

– Что вы имеете в виду?

– Ваше приземление было довольно жестким: поврежден правый поплавков ползкового шасси, а еще пробит нижний бак, и большая часть горячего вытекла, прежде чем мы смогли

это заметить. Да и приборы не в лучшем состоянии, даже после того, как над ними поколдовал Падре.

– Тем не менее больше трех человек он не возьмет, – настаивал Жуан.

– Если мы не можем передать сообщение по радио, мы его отвезем, – сказала Рин.

Хорошая девочка, подумал Чен-Лу. Он ждал, пока Жуан осмыслит ее слова.

– Кто отвезет? – наконец спросил Жуан.

– Я, – ответил Чен-Лу. – Я единственный здесь знаю, что произошло у меня в стране, и должен предупредить ваших людей, пока не поздно.

Жуан вдруг вспомнил то, о чем они говорили несколько дней назад, в палатке у кровати умирающего доктора. Там были Хогар, Виеро... И Чен-Лу упоминал...

– Земля умерла, – произнес он.

– Ваши люди должны узнать об этом, пока не поздно, – сказал Чен-Лу. – Поэтому одним из пассажиров буду я. А вторым – Рин... – Он пожал плечами и продолжил: – Разве мы с вами не рыцари? К тому же она весьма толковая и энергичная.

– Итого – два, – подсчитал Жуан.

– А третьим будете вы, – сообщил доктор, явно ожидая бурной реакции.

Но Жуан лишь тихо заметил:

– В этом нет никакого смысла. – Приподнявшись на койке, он оглядел себя. – Я провел здесь четыре дня, и...

– Но у вас есть то, чего нет ни у кого другого, – вмешалась Рин. – Связи в политических кругах. И вы сумеете заставить людей слушать себя.

Жуан уронил голову на подушку.

– Даже мой отец не хочет слушать меня, – вздохнул он.

Рин посмотрела на Чен-Лу, а потом на Жуана.

– У вас же есть собственные связи среди политиков, Трэвис, – сказал Жуан. – И не хуже, чем у меня.

– Может, и хуже, – возразил доктор. – Но вы вблизи видели этих существ. Вы – свидетель. А мы еще и скелет прихватим.

– Мы все всё видели.

– Мы поставили вопрос на голосование, – заявила Рин. – И ваши люди настаивают, чтобы вы отправились с нами.

Жуан переводил взгляд с Рин на Чен-Лу и обратно.

– Здесь останется двенадцать человек! Что с ними будет?

– Теперь только восемь, – прошептала Рин.

– Вот как? И кто погиб? – спросил Жуан, едва справившись со спазмом, подступившим к горлу.

– Хогар и Том из вашей команды, и двое из моей – Кардин и Льюис.

– Как это произошло?

– У них есть вещица, которая напоминает флейту, – объяснил Чен-Лу. – Такая была у создания, которое сидело в вашем аэрокаре.

– Это пневматическая трубка для стрельбы отравленными дротиками, – произнес Жуан.

– Ничего похожего, – покачал головой доктор. – Они развиваются гораздо быстрее нас. Это – акустический дезинтегратор. Он разрушает красные кровяные тельца. Чтобы достать нас, им требуется подойти достаточно близко, но мы их не подпускаем с тех пор, как все это поняли.

– Мы просто обязаны вывезти эту информацию, – сказала Рин.

Естественно, подумал Жуан.

– Но лучше бы вам взять с собою кого-нибудь посильнее, чтобы не провалить дело, – заметил он.

– Через пару часов вы будете сильнее любого из нас. Все мы в весьма плохом состоянии.

Жуан уставился на серый потолок палатки, сквозь который пробивался солнечный свет. Горючего мало, инструменты управления ненадежны. Конечно, они хотят пробиться к реке и уплыть по ней в кабине его аэрокара. Аэрокар защитит их от насекомых.

Рин встала.

– Отдыхайте и восстанавливайте силы, – сказала она. – Вскоре я принесу вам еды. У нас только полевой рацион, но хорошо уже то, что он насыщен энергией.

А что это за река? Жуан попытался вспомнить название. Наверное, это Итапура. Он принялся за расчеты времени и расстояния. Получалось, что по реке им придется плыть от семисот до восьмисот километров. А сезон дождей – на самом пике.

Нет, у нас нет никаких шансов.

VI

Рисунок танца, исполняемого насекомыми на потолке пещеры, показался мозгу восхитительным. Игра цвета и движения была безупречной, и он легко прочитал сообщение: «Доклад от наблюдателей в саванне. Подтвердите полномочия».

Мозг дал сигнал продолжить, и насекомые вновь затанцевали: «Три человека собираются бежать в маленьком аэрокаре. Аэрокар не летает, но они намерены уплыть по реке. Что мы должны сделать?»

Мозг начал обрабатывать полученные данные. За попавшими в ловушку человеческими существами наблюдение ведется уже двенадцать дней. Есть много информации относительно того, как ведут себя люди в состоянии стресса. Эта информация расширила и уточнила данные, которые были получены от пленников, находящихся под прямым контролем. Более эффективными стали средства обездвиживания и уничтожения людей. Однако проблема была не в том, как убивать их. Важно было научиться общаться с ними в отсутствие страха и агрессии с обеих сторон.

Многие люди, как, например, этот старик с манерами гранда, высказывали предложения, в них был явный смысл. Но можно ли им доверять? Вот он, главный вопрос!

Мозгу отчаянно не хватало информации, как повели бы себя люди в условиях, которые он бы контролировал, но без того, чтобы они осознавали и замечали этот контроль.

Обнаружив наблюдателей в Зеленой зоне, люди начали проявлять непомерную активность. Использовали сонотоксины, углубили барьеры, возобновили атаки на Красную зону.

Заботило мозг еще одно обстоятельство – неизвестная судьба четырех симулякров, проникших за барьеры непосредственно перед катастрофой в Байи. Лишь один из них вернулся. Его доклад звучал так: «Нас стало двенадцать. Шесть симулякров рассредоточились, чтобы покрыть зону, где были захвачены двое людей высокого положения. Один симулякр был уничтожен. Четыре деструктурировались и занялись воспроизводством».

Обнаружение и разоблачение этих четырех симулякров в тот момент стало бы настоящей катастрофой – для мозга это было очевидно.

Когда и где они объявятся? Это зависело от местных условий – температуры, наличия и качества еды, химического состава почвы и атмосферы, уровня влажности. Тот, одинокий, симулякр, которому удалось вернуться, сообщил, что не знает, куда направилась четверка. *Мы должны их найти*, думал мозг. *Самостоятельность в действиях индивидуальных симулякров недопустима!* И вообще, создание симулякров было ошибкой. Большое количество идентичных особей могло привлечь ненужное внимание и обернуться новыми катастрофами.

То, что симулякры не представляли особой угрозы, а их способности наносить людям вред были весьма ограниченными, не имело в современных условиях никакого значения. С другой стороны, лишь ироническую улыбку сейчас могли вызвать претензии симулякров на роль переговорщиков с лидерами человеческого общества, как будто с людьми можно вести беседу, опираясь на логику и разум!

Мозг вспомнил слова человека по имени Чен-Лу. «Земля умерла...» Этот Чен-Лу предложил способ решения их общей с людьми проблемы. Но какими были его истинные намерения? Можно ли доверять этому китайцу?

Мозг отложил момент принятия решения и обратился к своим подданным:

– Кто из человеческих существ намерен бежать?

К подобного рода деталям следует подходить предельно тщательно, и мозг теперь это отлично понимал. Роевое сознание, в тенденции, пренебрегало индивидуальностью. Симулякр как реализация этой тенденции стал явной ошибкой.

На первый взгляд, проблема представлялась достаточно простой, но это была обманчивая простота – под поверхностным слоем рациональности лежали темные глубины, где правили бал эмоциональные триггеры. Ох уж эти эмоции! Да, разуму в его поступательном движении к истине, добру и красоте приходится преодолевать слишком много барьеров.

Курьеры продолжали передавать данные с постов наблюдения. Теперь из их па складывались имена: «латентная королева, Рин Келли, а также мужские особи, Чен-Лу и Жуан Мартино».

Мартино, подумал мозг. Тот самый человек, летевший в переднем отсеке аэрокара. То, что произошло между ним и стариком – прекрасный материал для изучения квази-роевых отношений, которые связывают человеческие существа. Ценные отношения, нужно заметить! А еще в аэрокаре будет Чен-Лу.

В сознание насекомых, танцующих на потолке, была в свое время встроена функция обязательного повторения информации – избыточность способствовала стопроцентному прохождению данных по каналу коммуникации. А потому они повторили вопрос: «Какие действия необходимо осуществить?»

– Передать всем подразделениям, – сказал мозг. – Троим людям в аэрокаре разрешаю спастись по реке. Организуйте минимальное сопротивление, чтобы не сложилось впечатления, будто мы потворствуем их побегу. Пусть аэрокар сопровождают боевые группы, готовые обезвредить его пассажиров в случае необходимости. Как только машина достигнет реки, ликвидируйте всех, кто останется в лагере.

Курьеры на потолке принялись складывать сообщение в элементы танца, после чего малыми группами вылетели из пещеры.

Мозг полюбовался цветом и красотой движения своих подданных, после чего снизил уровень чувствительности сенсоров и, погрузившись в себя, принялся размышлять над проблемой белковой несовместимости.

Мы должны продемонстрировать свою несомненную полезность для человечества, думал мозг, и быть в этом абсолютно убедительными. Если нам удастся это сделать, к людям может прийти понимание того, что взаимозависимость различных биосистем есть основа самой жизни.

Мы нужны им, а они нужны нам. Это очевидно, но не для них, и груз доказательства этой аксиомы лежит на наших плечах. Если нам не удастся этого сделать, Земля действительно умрет.

– Скоро стемнеет, шеф, – сказал Виеро. – Тогда и отправитесь.

Открыв фонарь кабины, он заглянул внутрь.

Жуан стоял в стороне, все еще ощущая слабость и морщась от периодических судорог, которые схватывали его левую ногу над тем местом, где находился энергетический пакет. Прямое питание и специализированные гормоны, поставляемые из пакета, были лишь приблизительно ориентированы на нужды конкретного человека, и организм Жуана довольно напряженно реагировал на эту интервенцию.

– Под кресло я положил еду и то, что может понадобиться в экстренных случаях, – сообщил Виеро. – Еще еда будет находиться в ящике лебедки. У вас будет два эжектора с двадцатью зарядными цилиндрами и один карабин с разрывными пулями. Простите уж, что боеприпасов маловато. Под вторым сиденьем лежит дюжина пенных бомб, а здесь, в углу, я закрепил ручной эжектор. Заряжен полностью.

Виеро выпрямился и посмотрел на палатки, после чего шепотом обратился к Мартино:

– Шеф! Я не верю Чен-Лу. Я слышал, что он говорил, когда думал, будто умирает. Не может же человек так сильно измениться!

– Мы должны воспользоваться этим шансом, – сказал Жуан. – Только вместо меня должен отправиться кто-либо из вас – тот, кто посильнее.

– Прекратим эти разговоры, шеф! – И вновь Падре перешел на шепот: – Подойдите поближе, словно мы прощаемся.

Жуан, поколебавшись мгновение, исполнил просьбу Падре и сразу почувствовал, как нечто тяжелое и металлическое опустилось в висевший на ремне подсумок, оттянув его. Жуан запахнул полевую куртку, чтобы скрыть подсумок, и спросил:

– Что это?

– Эта штука принадлежала моему деду. Пистолет «Магнум» калибра.475. Там пять патронов, и здесь – еще пара дюжин.

Виеро опустил коробку с патронами в боковой карман куртки Жуана.

– В вашей ситуации особой пользы от него не будет, – заметил он, – но против людей работает эффективно.

Почувствовав, как слезы подступают к его глазам, Жуан проглотил горький комок, вставший в горле. Все в команде Мартино знали, что Падре постоянно таскает с собой этот старый пугач и никогда с ним не расстается. То, что Виеро решился на это сейчас, свидетельствует о том, что он, вероятно, собирается умереть.

– Да пребудет с вами Бог! – сказал Виеро.

Жуан повернулся и посмотрел на реку, чья гладкая поверхность была в пятистах метрах от лагеря. С места, где он стоял, виден был и противоположный берег, покрытый дикой растительностью, освещенной послеполуденным солнцем. Джунгли поднимались там вверх волнами, в лучах солнца четко отделенные друг от друга. Снизу растительность была темно-зеленой, а выше – полынно-белесой, с желтыми, красными и охряными пятнами. Над пальмами и кустарником возвышалась огромная гирантера, на ней свили себе гнезда местные соколы, а слева от нее нагромождение лиан закрывало заросли деревьев пониже.

– Горючего там на пятнадцать минут? – спросил Жуан.

– Да. Может, плюс минута, – отозвался Виеро.

Если, кроме течения реки, у нас ничего больше не будет, нам не справиться.

– Шеф! На реке иногда дует ветер, – сказал Виеро.

Господи! Неужели он думает, что мы поплывем под парусом? Жуан посмотрел на Виеро, на его изможденное лицо, похожее скорее на маску.

– Ветер – вещь опасная, – продолжил Падре. – Поэтому я использовал один из грейферных якорей, чтобы сделать подводный парус. Он будет плыть под водой, выравнивает аэрокар по течению и обеспечит хоть какую-то тягу.

– Отлично, Падре! – одобрительно кивнул Жуан.

И подумал: *Кому нужен этот фарс? Все равно мы умрем, рано или поздно, здесь или где-нибудь вниз по течению. Там же семьсот километров, а то и восемьсот! И столько препятствий – быстрины, пороги, водопады. А тут еще и сезон дождей начинается, и река превратится в крошечный ад водоворотов и плавника. Даже если они не утонут, их запросто достанут насекомые с их кислотой и хитрыми ядами.*

– Проверьте все хорошенько, шеф, – произнес Виеро и указал в сторону аэрокара.

Да, заняться делом, чтобы не думать... Он уже осмотрел машину, но еще одна проверка не помешает. В конце концов, их жизни будут зависеть от этого железа... По крайней мере, некоторое время. Их жизни...

А возможно ли все-таки спасение? Есть ли хотя бы малая надежда? Этот аэрокар предназначен для работы в джунглях. Для насекомых он непроницаем и вообще построен с расчетом противостояния внешней агрессии. Нет, нельзя тешить себя пустыми надеждами, подумал Жуан. Однако он принялся осматривать машину – в который раз и просто на всякий случай!

Белая краска на поверхности аэрокара была почти полностью смыта кислотой. Сплюснутый при посадке поплавков полозкового шасси, которое представляло собой продолжение

изгиба днища аэрокара, был вручную выпрямлен и приведен в рабочее состояние. Теперь по нему можно было забраться на крыло, и оттуда – в кабину. Весь аэрокар без лабораторного отсека был длиной около пяти метров, причем последние два метра занимали ракетные двигатели, которые обычно прятались в специальном отсеке между лабораторией и кабиной, теперь же были открыты со всех сторон. В разрезе кабина аэрокара представляла собой овал. Его полуовальные секции завершались переборкой, на ее левой части располагалось переплетение гнездовых и вилочных коннекторов, когда-то соединявших кабину с лабораторным отсеком, а справа был люк, выходивший на крыло, с которого можно было спуститься на шасси.

Жуан осмотрел люк, удостоверился, что все коннекторы должным образом заизолированы, после чего взглянул на правый поплавок шасси. Рваная дыра на нем была заделана тканью и бутиловым герметиком.

Ощущался запах ракетного топлива, а потому Жуан опустился на колени и заглянул под аэрокар, где находилось днище нижнего бака. Виеро выкачал горючее, навел пластырь на пробоину, после чего вновь залил топливо.

– Будет держать, если вы во что-нибудь не врежетесь, – сказал он.

Жуан кивнул, обошел машину, забрался на левое крыло и посмотрел в кабину. В носу кабины – два кресла для пилотов, а сзади, у переборки – ящик для инструментов, который также можно использовать в качестве сиденья. По всему интерьеру – пятна ядовитого спрея. Размером же интерьер был всего два на два с половиной метра. Ветровое стекло выходило на закругленный нос аэрокара. Боковые окна заканчивались у крыльев, а поверху, от носа к задней переборке тянулась полоса прозрачного поляризованного пластика.

Жуан сел в левое кресло, проверил ручки управления. Ручки болтались. На новых датчиках уровня горючего и тяги цифры были выведены от руки. Сзади Жуан услышал голос Виеро.

– Пришлось использовать то, что было под рукой, шеф, – сказал тот. – А было мало чего. Я рад, что люди из МЭО оказались такими дураками.

– Неужели? – усмехнулся Жуан, продолжая осматривать аэрокар.

– Когда они бежали от своего грузовика, то забрали прежде всего палатки. Я бы, кстати, взял побольше оружия. Но из их палаток я смог позаимствовать растяжки и материал для пластыря и заплат.

Жуан закончил с осмотром машины.

– На трубопроводах нет автоматических клапанов, так? – спросил он.

– Починить их было нельзя, шеф, – ответил Виеро. – Но у вас все равно горючего мало.

– Достаточно, чтобы разорвать нас в куски или унести черт знает куда, если полетит управление.

– Для этого я поставил здесь эту большую ручку, шеф. Я вам говорил. Включаете и выключаете – так и пойдет, толчками.

– Если, конечно, я не дам двигателям слишком много горючего, – покачал головой Жуан.

– Здесь, под ручкой, я положил полено. Это будет ограничитель. Я протестировал его, он работает. У вас будет, конечно, не самый быстрый корабль, но скорости ему хватит.

– На пятнадцать минут, – усмехнулся Жуан.

– Ну, это лишь предположение, шеф.

– Если все будет в порядке, можно успеть пройти сто пятьдесят километров. А если нет, то наши останки размажет на сто пятьдесят метров.

– Сто пятьдесят километров – это менее половины пути до ближайшего населенного пункта.

– Я не спорю. Просто размышляю.

– Ну как? Все готово? – раздался полный фальшивой жизнерадостности голос Чен-Лу.

Жуан посмотрел в сторону китайца – тот стоял у края левого крыла, ссутулившись и всей позой выражая крайнюю степень слабости. Однако Жуан уже знал – все это притворство.

Китаец первым поправился, и у него было больше времени для восстановления. Правда, он был ближе всех к смерти! Жуан нахмурился, решив, что просто поддается своему воображению.

– Готова машина или нет? – поинтересовался Чен-Лу.

– Будем надеяться, – отозвался Жуан.

– Поездка предстоит опасная?

– Не более опасная, чем воскресная прогулка в парке.

– Садимся? – спросил китаец.

Жуан посмотрел на тени, протянувшиеся от палаток, на оранжевый тон уходящего солнца. Неожиданно он почувствовал, что ему трудно дышать. Наверное, это от напряжения. Жуан глубоко вдохнул, и это помогло ему если не успокоиться, то хотя бы умерить страх.

Виеро ответил за командира:

– Минут через двадцать, синьор доктор. – И, тронув Жуана за плечо, сказал: – Мои молитвы будут с вами, шеф.

Жуан внимательно посмотрел на него и спросил:

– Ты точно не хочешь плыть вместо меня?

– Не будем это обсуждать, шеф, – отозвался Виеро и сошел с поплавка.

Из лабораторной палатки появилась Рин Келли с небольшим саквояжем. Она подошла и встала рядом с Чен-Лу.

– Еще минут двадцать, дорогая, – произнес китаец.

– Я не уверена, что должна ехать с вами, – сказала Рин. – Вероятно, кто-нибудь другой смог бы...

– Все решено, – резко и даже зло проговорил Чен-Лу. – Никто не позволит вам остаться. Кроме того, вы нужны мне, чтобы держать под контролем этого бразильца. У женщин лучше получается управлять мужчинами.

– Все-таки я не уверена, что это лучший вариант.

Чен-Лу посмотрел на Жуана:

– Может, вы поговорите с ней, Джонни? Наверняка вы не хотели бы, чтобы она осталась тут.

Здесь или там – никакой разницы, подумал Жуан. Вслух же произнес:

– Как вы и сказали, решение принято. А потому садитесь и пристегивайтесь.

– Как нам сесть? – уточнил Чен-Лу.

– Вы тяжелее, – объяснил Жуан, – а потому садитесь сзади. Вряд ли мы оторвемся от земли до того, как достигнем реки, но все возможно. Поэтому нужен небольшой крен назад.

– Нам обоим сесть сзади? – спросила Рин.

И она поняла, что согласна с общим решением. А почему бы и нет? Хотя она разделяла пессимизм Жуана.

– Шеф!

Жуан посмотрел на Виеро, который только что закончил последний осмотр шасси.

Чен-Лу и Рин перешли к правому борту и стали забираться внутрь аэрокара.

– Как там, внизу? – поинтересовался Жуан.

– Постарайтесь основной вес перенести на левый полоз, шеф, – попросил Виеро. – Так будет надежнее.

– Хорошо.

Устроившись в правом переднем кресле, Рин принялась осматривать ремни безопасности.

– Мы придем подмогу, как только сможем, – сказал Жуан, понимая, насколько пусты и лишены смысла его слова.

– Конечно, шеф.

Отойдя от аэрокара, Виеро приготовил бомбомет.

Из палаток вышли остальные. Все они были вооружены.

«Никаких прощальных объятий, – подумал Жуан. – Правильно. Обычная работа».

– Рин, а что у вас в саквояже? – спросил Чен-Лу.

– Кое-что из личных вещей, – отозвалась она. – И письма. Попросили передать близким. Рин нервно сглотнула.

– Ясно, – усмехнулся Чен-Лу. – Без соплей не обошлось.

– Что в этом плохого? – буркнул Жуан.

– Ничего.

Виеро вновь появился у крыла и произнес:

– Как и договаривались, шеф! Вы даете сигнал, что готовы, а мы работаем пенными бомбами вдоль вашей дорожки. Это их задержит, и вы успеете добраться до реки. Да и трава будет скользкой.

Жуан кивнул и в очередной раз принялся обдумывать бросок к реке. Ни одна из ручек управления не была теперь на своем месте. Ключ зажигания – слева, переключатель скоростей торчал из приборной доски, а не из пола между креслами, как положено. Он установил триммер руля и поработал элеронами.

Ночь опускалась на саванну. Густая трава лежала, как зеленое море. Река, находившаяся перед ними в пятистах метрах, шириной была всего метров пятьдесят – непростая мишень, если они наберут слишком высокую скорость. На этой широте не бывает сумерек. Он должен рассчитать все по секундам и воспользоваться последними лучами солнца, чтобы промчаться по саванне и достичь реки в тот самый момент, когда ее накроет спасительная темнота.

Эти твари стреляют кислотой на пятнадцать метров. Значит, подумал Жуан, у них есть только узкая полоса фарватера, чтобы избежать нападения, если бить по ним будут с обоих берегов. Неизвестно, какие чудища у них имеются в запасе. Может, летающие. Или бегущие по воде!

Жуан повернулся к Чен-Лу и Рин:

– Приготовьте эжекторы. Как только мы окажемся на воде, они могут начать атаку, чтобы не позволить нам уйти.

– Мы готовы, – отозвался китаец. – Оружие в ящике подо мной?

– Да.

Жуан опустил фонарь кабины и щелкнул затвором.

– У этой модели аэрокара по бокам есть бойницы, – произнес он. – Видите?

– Умный дизайн, – кивнул Чен-Лу.

– Это была идея Виеро. Такие есть во всех наших машинах. – И он помахал Виеро, который кивнул и взялся за оружие.

Жуан включил огни на крыльях.

Все заметили сигнал, и потоки спрея обрушились на пространство саванны, отделяющее лагерь от реки. Пенные бомбы начали ложиться по всему маршруту следования аэрокара. Жуан нажал кнопку зажигания, увидел предупредительный сигнал, выждал, пока огонек, замигав, погаснет, и, одобрительно кивнув, дал скорость.

Ракетные двигатели взревели и вынесли аэрокар за пределы периметра. Не успел Жуан ослабить тягу, как осознал, что машина поднялась в воздух и летит по направлению к реке, причем собирается клюнуть носом из-за сопротивления поплавков полозкового шасси, которое при нормальном полете обычно убирается.

Времени разбираться с шасси не было, и Жуан резко вывернул нос туда, где саванна спускалась к реке между двумя полосами джунглей. Здесь река разливалась широким плесом, а за ней, на горизонте, возвышались голубые холмы. Аэрокар перешел в режим глиссады,

поплавки коснулись воды, машина несколько раз подпрыгнула и, замедляя ход, поплыла к середине плеса.

Нос ее опустился.

И только теперь Жуан вспомнил, что должен был побережь правый поплавок.

Аэрокар плыл вперед, теряя скорость. Затаив дыхание, Жуан ждал – если заплата на поплавке оторвалась, аэрокар начнет крениться направо. Но тот спокойно и ровно плыл по речной глади.

– Неужели нам это удалось? – спросила Рин. – Мы вырвались?

– Похоже на то, – отозвался Жуан и одернул себя – на что-то надеяться пока рано.

Чен-Лу, передавая вперед эжекторы, сказал:

– Мы застали их врасплох. – И вдруг воскликнул: – Смотрите! Смотрите!

Жуан развернулся, насколько позволили ему его ремни безопасности, и взглянул назад, на оставленную за кормой саванну и лагерь. Место, где стояли палатки, представляло собой серый холм, который вздымался странными протуберанцами, сразу рассыпавшимися и обрушивающимися вниз. Жуан понял, что этот холм состоит из миллионов насекомых, напавших на лагерь, и содрогнулся.

Водоворот подхватил аэрокар и развернул так, что бывший лагерь скрылся из виду – словно некий инстинкт, живущий внутри Жуана, заблокировал от него сцену, которую он не смог бы вынести. Гладь реки перед ним отражала последние лучи солнца, а потом стемнело, и лишь тонкий серп луны на мрачающем небосклоне сиял во всем своем великолепии.

Виеро... Том... Рамон...

Слезы застили глаза Жуана.

– Мой Бог! – прошептала Рин.

– Бог! – усмехнулся Чен-Лу. – Еще одно имя для непреодолимых сил судьбы!

Рин закрыла лицо ладонями. Она чувствовала, что играет роль в некоей космической драме, но не знает ни сценария, ни своих слов, ни того, что произойдет с ней в следующем акте.

Бог – бразилец, думал Жуан, вспоминая поговорки, которые были в ходу среди его соотечественников. Ночью Бог исправляет ошибки, которые бразильцы совершают днем. Бог и внушает страх, и придает уверенности человеку.

Как любил говорить Виеро, верь в Святую Богоматерь, но и сам не плошай.

Жуан почувствовал на коленях холод металла. Это был эжектор. *Я все равно не смог бы ничего сделать, подумал он. Слишком велико расстояние.*

VII

– Вы же говорили, что аэрокар не полетит! – сказал мозг с упреком.

Его сенсоры считывали с потолка схему танца курьеров, в поисках дополнительной информации вслушивались в издаваемый ими легкий гул. Но конфигурация танцевальных па, исполняемых светящимися фосфористым блеском насекомыми, была ясной и однозначной, как картина звездного неба за входом в пещеру.

Мозг пульсировал, требуя химической подпитки, и слуги оживленно суетились, исполняя его желания. Таких ощущений, столь близких к ужасу, мозг еще не испытывал. Опираясь на сложную систему логических умозаключений, он определил это ощущение как эмоцию и принялся анализировать поступающие от курьеров сведения, искать ему параллели.

Аэрокар пролетел совсем небольшое расстояние и приземлился на водную гладь, где его двигатели стихли.

Но он летел! Он может летать!

Система обработки информации, которой пользовался мозг, впервые была поражена сомнениями в собственных возможностях. Опыт, оказывается, может существовать отдельно от сознания.

«Предположение, что аэрокар не сможет оторваться от земли, исходило от самих людей, – выводили курьеры на потолке. – Мы использовали их результаты оценки состояния машины».

Неплохая формулировка. Мозгу трудно будет в чем-то обвинить курьеров, и так они смогут избежать наказания.

Этот факт нужно было внести в исходное сообщение. И вообще, следует сделать кое-какие изменения в программе подготовки курьеров, подумал мозг. Необходимо, чтобы они, не вмешиваясь в содержание самого сообщения, указывали и источник информации, и степень его надежности. Как этого достичь? Его нынешние курьеры руководствуются четкими рефлексами и привязаны к системе, основанной на принципе самоограничения. Вероятно, нужно выводить и воспитывать новых курьеров.

Следуя за этой мыслью, мозг ушел еще дальше от созданий, спровоцировавших ее появление. Теперь он понимал, как сам был порожден актом мимикрии, который по природе своей являлся чистым рефлексом. Но, будучи продуктом рефлекса, мозг овладел инструментами обратной связи, что и изменило суть рефлексов, его породивших.

«Что мы должны сделать с машиной, плывущей по реке?» – спросили курьеры.

Обретя это новое, глубинное понимание своей сути, мозг увидел, что лежало в основе этого вопроса – рефлекс выживания.

А выживание нужно обеспечивать.

– Машине разрешено некоторое время плыть беспрепятственно, – заявил мозг. – Запрещаю любые формы агрессии. Вместе с тем нужно быть готовым к любому развитию событий, а потому на аэрокар, под покровом ночи, приказываю доставить наших новых микро-киллеров, несущих смертельные для человеческих существ яды. Им предписывается инфильтрироваться во все, самые мельчайшие отверстия и щели машины и ждать, не предпринимая без моего приказа никаких действий, но быть готовым уничтожить пассажиров аэрокара при первой необходимости.

Мозг замолчал, уверенный в том, что все его приказы будут выполнены. И, исполненный нового понимания своей сущности, принялся исследовать свое сознание так, словно это был совершенно автономный, отдельный от него самого феномен. Начатый им исследовательский эксперимент был одновременно и неимоверно привлекательным, и пугающим, поскольку теперь в мозге как единой сущности появилось второе «я», способное спорить с первым и совершать независимые поступки.

Бремя решений – обдуманных решений – вот наказание, которое сознание налагает на наше единое существо. Обдуманные решения могут разрушить это единство, раздробить его на фрагменты. И как только люди способны нести этот груз – груз необходимости ежесекундно и ежечасно принимать решения?

Откинув голову назад, к переборке, Чен-Лу смотрел на пористый бок луны цвета расплавленной меди, висевшей над горизонтом.

Вытравленная кислотой полоса по диагонали пересекала стекло окна и по внешней обшивке тянулась куда-то вниз, к нижним изгибам корпуса. Китаец проследил направление полосы и вдруг в том самом месте, где заканчивалось окно, увидел цепочку крохотных черных точек, словно маленькие букашки маршировали по стеклу.

Он моргнул, и они исчезли. Неужели они были плодом его воображения? Чен-Лу подумал, а не предупредить ли остальных? Но Жуан был занят своей боевой колесницей, а Рин, шокированная гибелью лагеря, уже более часа пребывала в состоянии, близком к истерике, и ее нужно будет как-то возвращать в рабочее состояние.

Наверное, мне это просто привиделось, решил Чен-Лу. *Пятна перед глазами – такое бывает, если из источников света – одна луна.*

Река сузилась до размеров лишь раз в пять или шесть больших, чем размах крыльев аэрокара. Кроны высоченных деревьев свисали над потоком.

– Джонни! Зажгите на минуту фонари на крыльях, – попросил Чен-Лу.

– Зачем?

– Не нужно! Они нас увидят! – возразила Рин.

Она вслушалась в собственный голос и испытала недоумение – как я могла дойти до такого? Я же энтомолог. И, с чем бы мы ни столкнулись, это нечто есть вариация уже существующего. Однако рассудок был неспособен успокоить ее. В глубине души Рин поселился некий первобытный страх, с которым не могли справиться ни факты, ни логика.

– Включите рассудок, – сказал Чен-Лу, стараясь говорить помягче. – Что бы ни напало на наш лагерь, это «нечто» знает, где мы находимся. А мне нужно просто проверить, насколько основательны мои подозрения.

– Вы думаете, за нами следят? – спросил Жуан.

Он включил огни, и в их ярких лучах заплясали, за клубились крохотные точки – целая толпа белокрылых существ.

Течение вынесло аэрокар к изгибу реки. Свет от его крыльев коснулся берега, и в поле обзора выползли переплетающиеся корни, цепляющиеся за глинистый откос. Вскоре из темноты явился узкий остров, по его берегам рос тростник, сгибающийся под напором воды, а выше, над тростником и травой, горели отраженным светом чьи-то налитые кровью глаза.

Жуан выключил свет.

В наступившей темноте пассажиры аэрокара слышали лишь жалобное жужжание насекомых, да металлическое кваканье тропических лягушек, на которое, пусть и с небольшим запозданием, своим комментарием ответили толпы красных обезьян, оглашающих джунгли кашляющим лаем.

Присутствие лягушек и обезьян было фактом значимым. Правда, этот факт следовало оценить, подумал Жуан. Перед аэрокаром мельтешили стаи летучих мышей, проносясь над поверхностью реки, они на лету пили из нее воду.

– Они следуют за нами, – бормотала Рин. – И следят, следят...

Летучие мыши, обезьяны, лягушки – все они живут на реке и от нее зависят. Но ведь Рин сказала, что вода в реке отравлена, подумал Жуан. *Зачем лгать по такому поводу?* Он попытался рассмотреть в темноте ее лицо, но увидел лишь изможденную, отрешенную от всего и всех тень.

– Надеюсь, мы в безопасности, – произнес Чен-Лу, – пока кабина закрыта, а воздух поступает через фильтры.

– А открывать будем лишь днем, – кивнул Жуан, – когда все видно, и, если нужно, можно использовать эжекторы.

Рин крепко сжала зубы, чтобы унять дрожь. Откинувшись на спинку кресла, она посмотрела на небо сквозь прозрачную полосу, тянущуюся вдоль крыши кабины. Мириады звезд наполняли небосклон, и, когда Рин опустила голову, она увидела их мерцающее отражение на маслянистой глади воды. Внезапно на нее нахлынуло чувство полного одиночества, тягостное, стократ усиленное ощущением тесноты, в которую загнали их аэрокар стены джунглей, зажавшие реку с обеих сторон.

Ночь была напоена тяжелыми дразнящими запахами, с которыми не справились бы никакие фильтры. И Рин показалось, будто джунгли живут вполне осознанной жизнью, она распознала в ночи некую враждебную мыслящую субстанцию, которая могла запросто поглотить ее без каких бы то ни было колебаний. Ощущение реальности этой субстанции, созданной ее воображением, наполнило ее. Единственным атрибутом, который Рин была способна ей приписать, была ее безмерность – и больше ничего... Но она была, реально существовала.

– Джонни, какова здесь скорость течения? – спросил китаец.

Хороший вопрос, подумал Жуан.

Он склонился, чтобы взглянуть на высотомер.

– Высота здесь восемьсот тридцать метров, – произнес он. – Если я произвел локацию корректно, то уровень реки на расстоянии в триста километров опустится на семьдесят метров.

Он мысленно построил уравнение и добавил:

– Конечно, я могу утверждать только приблизительно, но скорость течения здесь – от шести до восьми узлов.

– А нас не могут искать? – спросила Рин. – Я просто подумала...

– А вы не думайте, – отозвался Чен-Лу. – Единственное, кого могут искать, так это меня. Я знал, где искать вас... – Он колебался, боясь сказать слишком много. – Только несколько моих помощников знали, куда я еду и зачем, – закончил он.

Китаец надеялся, что, услышав нотку предостережения в его голосе, Рин не будет настаивать на продолжении разговора; этому бразильцу совсем не обязательно знать все.

– Вам же известно, как я сюда попал, – произнес Жуан. – Если кто-нибудь захочет найти меня, где он станет искать?

– Но все равно есть шанс, верно? – спросила Рин, и по ее тону можно было понять, как отчаянно она верит в это.

– Шансы всегда есть, – усмехнулся Чен-Лу.

И подумал: *Вы должны успокоиться, красотка Рин. Когда мне понадобится ваша помощь, времени для страхов и истерики не будет.*

И он принялся размышлять, что нужно будет сделать, если они все-таки доберутся до цивилизации, чтобы дискредитировать Жуана Мартино, возглавляющего команду бразильских бандейрантов. Рин придется ему помочь, естественно. Жуан – отличный кандидат на роль козла отпущения, если, конечно, Рин согласится помочь. Разумеется, если она начнет упрямиться, придется ее уничтожить.

В пещеру над речной тесниной уже пришла ночь, когда мозг получил очередное сообщение о людях, плывущих на аэрокаре. Большинство из тех разговоров, что вели человеческие существа, касались их собственных напряженных отношений, а также ситуации, в какой они оказались. Им было ясно, что они находятся в капкане, а он, по неведомым им причинам, пока не захлопывается. Большинство этих разговоров можно было проанализировать позднее, но один пункт в них требовал немедленной реакции. Мозг почувствовал нечто, напоминающее

огорчение, оттого, что, основываясь исключительно на собственной логике, не предусмотрел надвигающуюся проблему.

– Необходимо отправить достаточное количество боевых групп, – приказал мозг. – Они должны сопровождать аэрокар, пребывая в невидимости и прячась в прибрежной растительности, но обязаны быть готовы вылететь над рекой и спрятать аэрокар от любого специального поискового или случайно пролетающего воздушного средства.

Одно из крыльев аэрокара стало тереться о свисающие в воду корни мангровых зарослей, и этот звук вывел Жуана из состояния дремоты. Он оглянулся и сквозь темноту увидел Чен-Лу. Тот не спал.

– Пора вам вставать, Джонни, и заступать на пост, – произнес китаец. – Рин спит.

– Мы часто таким образом касались берега? – прошептал Жуан.

– Не очень, – отозвался Чен-Лу.

– Мне следует установить подводный парус, который сделал Виеро.

– Парус не предотвратит касаний берега, – возразил китаец. – К тому же он зацепится за что-нибудь в воде и нас затормозит.

– Падре заизолировал крюки на грейферах, – объяснил Жуан. – Вряд ли зацепятся. А сейчас ветер дует против течения и будет дуть так до утра. Парус прибавил бы нам скорости.

– Но как вы его установите?

Жуан посмотрел в окно, подумал и кивнул:

– Вы правы. Нужно подождать до утра.

Рин беспокойно зашевелилась.

Жуан включил огни на крыльях. Лучи света ударили в плывущие по бокам аэрокара стены джунглей, выхватив из темноты стволы пальм саго, белеющие на фоне зарослей бамбука. Одновременно в лучах света проявились и два клубившихся столба мелких крылатых тварей.

– Наши маленькие друзья по-прежнему с нами, – вздохнул Чен-Лу.

Жуан выключил фонари.

Дыхание Рин вдруг стало прерывистым, словно ей не хватало воздуха. Жуан взял ее за руку и тихо спросил:

– С вами все в порядке?

Рин почувствовала его присутствие и испытала древнее как мир желание женщины ощущать рядом мужское плечо. Она устроилась поудобнее рядом с Жуаном и пробормотала в полусне:

– Как жарко! Здесь когда-нибудь бывает прохладнее?

– Она спит и видит сны, – прошептал Чен-Лу.

– Но тут действительно жарко, – произнес Жуан.

Его смутило, что Рин показала, что он ей нужен. Жуан понимал: Чен-Лу это изрядно позабавило.

– Ближе к утру мы сможем немного отдохнуть от жары, – проговорил Жуан. – Почему бы вам не поспать, Трэвис?

– Так я и поступлю, – кивнул китаец и вытянулся на узком ящике для инструментов, думая: *Неужели мне придется убить их обоих? Какие идиоты, эти Рин и Джонни! Их тянет друг к другу, и они отчаянно борются с этим!*

Ночной бриз раскачивал аэрокар. Рин, дыша глубоко и мирно, устроилась поближе к Жуану. Тот смотрел в окно.

Луна спряталась за холмами, и теперь только звезды высвечивали темные тени деревьев по краям потока. Гипнотическое движение неясных силуэтов убаюкивало Жуана, но он, напрягаясь изо всех сил, вглядывался в темноту за бортом. И лишь неспешное течение реки и ленивые дуновения ночного ветра нарушали вселенский покой, окружавший аэрокар с тремя пассажирами.

Ночь пробудила в душе Жуана мистическое ощущение тайны. Эта река была населена призраками людей, когда-то пльвших по ней. Но жили в ней и другие, новые призраки, и их присутствие Жуан так явственно ощущал! Сама ночь была наполнена ими, и даже лягушки, чувствуя их, молчали в поросших водорослями плавнях.

Слева от них, в джунглях, какое-то существо издало лающий звук. И Жуану неожиданно почудилось, будто он слышит бой барабана. Далеко... очень далеко – вибрация, которую скорее ощущаешь кончиками нервов, чем слышишь ушами. Прозвучала – и затихла.

Индейцев вывели из Красной зоны, и он это знал хорошо. А кто тогда бил в барабан? Наверное, это игра воображения или просто биение пульса. Жуан замер, вслушиваясь, но уловил лишь мерное дыхание Чен-Лу и легкие вздохи Рин.

Река расширилась, а течение ее стало спокойным.

Прошел час, потом другой. Время будто замедлило свой ход, подчинившись плавному течению реки. Одиночество заполнило душу Жуана. Аэрокар, в котором они нашли убежище, казался ему хрупким и ненадежным. Как он ухитрился доверять свою жизнь этой уязвимой игрушке, когда летал в ней над джунглями?

Нет, у нас не получится то, что мы задумали, подумал Жуан.

Тишину прервал низкий рокошущий голос Чен-Лу:

– А это точно Итакоаса? Вы уверены, Джонни?

– Да, – шепотом отозвался Жуан. И, в свою очередь, спросил: – Где здесь ближайший пункт цивилизации?

– Форпост бандейрантов в Санта-Мария де Грао-Куяба.

– Километров семьсот-восемьсот?

– Примерно.

Рин потянулась во сне, и Жуан почувствовал, что его мужское начало реагирует на ее женственность. Он заставил себя отвлечься от этих ощущений и сосредоточился на реке, извилистом коварном потоке с множеством порогов и глухих рукавов. На этой водной дороге их подстерегают опасности, и среди них существует еще одна, о которой он не сообщил своим спутникам – эти воды населены кровожадными пираньями.

– Сколько порогов впереди нас? – спросил Чен-Лу.

– Восемь или девять, – ответил Жуан. – Это зависит от сезона и уровня воды.

– Нам придется использовать ракетные двигатели, чтобы перелететь пороги?

– Боюсь, машина не выдержит столько взлетов и приземлений. Правый поплавок шасси...

– Виеро отлично поработал. Он выдержит.

– Будем надеяться.

– У вас слишком печальные мысли. С такими нельзя отправляться в столь рискованное путешествие, – заметил китаец. – Сколько нам плыть до Санта-Мария?

– Если повезет, то недель шесть. Вы хотите пить?

– Да. А сколько там у нас воды?

– Литров десять. И у нас еще есть ведро, чтобы черпать из реки.

Китаец протянул Жуану фляжку, и тот глотнул из нее. Вода была теплая и отдавала затхлостью. Он вернул фляжку.

Вдалеке прокричала птица: «Тута... тута».

– Что это? – удивился Чен-Лу.

– Всего лишь птица.

Жуан вздохнул. Птичий крик наполнил его душу дурными предчувствиями – он был подобен знамениям, которым так верили в прошлом, когда еще были живы языческие предрассудки. Виски его пульсировали, словно реагируя на ночные звуки. Жуан пристально вглядывался в темноту; в игре светляков, скрывающихся в прибрежной растительности, он видел глаза дьявола, а в густом воздухе джунглей ощущал его дыхание.

Почти полная безнадежность их положения тяжелым грузом давила на Жуана. Наступал сезон дождей, и от них до ближайшего убежища было несколько сотен километров, на которых их подстерегали водовороты и водопады. Кроме того, их преследовал чей-то враждебный интеллект, чьим оружием являлись сами джунгли.

Жуан потянул носом воздух, уловив легкий аромат мускуса, исходящий от Рин, и вдруг осознал, насколько желанной для него была эта женщина.

Река негромко билась в днище аэрокара. Жуан почувствовал тайную связь с этим черным потоком, который, извиваясь, нес их на себе к океану.

Прошел час... И еще один.

Вскоре на небе справа Жуан увидел бордовые тона приближающегося рассвета. Обезьяны-ревуны приветствовали наступающее утро радостным уханьем и воем. Производимый ими шум разбудил птиц, они начали галдеть в тенистых джунглях – трещать, чирикать и пищать во всех тональностях и на все лады.

Жемчужный блеск окрасил небо и превратился в молочно-серебряный свет, придавший определенности очертаниям мира, окружающего мирно плывущий по фарватеру аэрокар. Жуан посмотрел на запад, увидел холмы, которые волнами громоздились друг на друга и тянулись вверх, к нижним отрогам Анд, и понял, что они вышли на высокое плато в среднем течении реки.

Аэрокар, словно гигантский водяной жук, плыл по большой воде на фоне плотного ряда деревьев, украшенных яркими пятнами тропических цветов. По берегам медленное течение, наталкиваясь на препятствия, нехотя свивалось в ленивые водовороты. Клубы тумана свисали над поверхностью воды, как складки кисеи.

Рин проснулась, выпрямилась и взглянула в окно. Река, обрамленная двумя рядами склонившихся друг к другу деревьев, была похожа на неф готического собора.

Жуан потерял плечо, на котором лежала голова Рин, и внимательно посмотрел на женщину. На лице ее застыло детское, вполне невинное выражение, а рыжие волосы растрепались. Она зевнула, улыбнулась Жуану и сразу нахмурилась, вспомнив, где и с кем находится. Покачав головой, Рин повернулась к Чен-Лу.

Китаец спал, отвернувшись к задней переборке, головой в угол. Неожиданно Рин осознала, что Чен-Лу являет собой воплощенное былое величие, словно он был древним идиолом из прошлого своей страны. Он дышал с легкими, едва слышными хрипами. Кожа его была усеяна глубокими порами, а черты лица обрели жесткость, которой Рин раньше не замечала. Седая щетина выросла вдоль верхней губы, и Рин поняла, что китаец красит свои волосы – признак тщеславия

– Жарко? – произнес Жуан.

– Нет. Стало прохладнее, – отозвалась Рин.

Она взглянула в боковое окно и увидела плети водных растений, извивавшихся в толще воды. Аэрокар, испытывая давление разнонаправленных струй потока, словно танцевал, подчиняясь ритмам реки, и было в этом танце некое скрытое изящество.

– Чем это пахнет? – спросила Рин.

Жуан втянул воздух. Слабо пахло ракетным топливом, немного – по́том, плесенью. Именно последнее, как понял Жуан, заинтересовало Рин.

– Это плесень, – ответил он.

Она осмотрела интерьер кабины, увидела коричневые тона потолочного покрытия, хром приборной доски, после чего положила ладонь на ручку управления и слегка подвигала ею.

Плесень, подумала она.

Итак, джунгли проникли к ним внутрь и основали здесь свой плацдарм.

– Скоро начнется сезон дождей, – произнесла она. – Чем это грозит?

– Проблемами. Высокой водой, порогами.

В разговор вмешался проснувшийся Чен-Лу:

– Зачем все видеть в дурном свете?

– Лучше уж так, – усмехнулась Рин.

Неожиданно Жуан ощутил голод. Его руки задрожали, а рот пересох от жажды.

– Дайте воды, – попросил он китайца.

Чен-Лу протянул ему фляжку. Вода булькала в ее глубине. Жуан предложил воды Рин, но та покачала головой, почувствовав странный приступ тошноты.

Яд, который был в воде, заставляет меня отказываться от еды и питья, подумала она. От звука, с каким Жуан поглощал воду, ей едва не стало плохо. *Как жадно он это делает*, подумала Рин и отвернулась.

Жуан вернул фляжку Чен-Лу. А этот китаец умеет притворяться! Сначала вы слышите его голос, ясный и трезвый. Он наверняка лишь притворялся, будто спит, а сам лежал и подслушивал.

– Я хочу есть, – сказала Рин.

Чен-Лу достал еду, и они принялись молча жевать. Рин захотелось пить, и, не успевшая объявить об этом, как Чен-Лу протянул ей фляжку. Он заранее предугадал ее желание! Следил за Рин, анализировал ее эмоции и мысли. Это было не очень приятное открытие. Она отпила из фляжки и молча вернула ее китайцу.

Тот улыбнулся.

– Похоже, наши маленькие друзья нас оставили, – произнес Жуан. – Если, конечно, они не спрятались на крыше или под крыльями.

– Я тоже заметил, – кивнул Чен-Лу.

Жуан принялся изучать берега – насколько позволяла линия обзора. Никакого проявления жизни! Ни звука! Солнце поднялось достаточно высоко, чтобы прогнать с реки остатки тумана.

– Будет чертовски жарко, – предположила Рин.

Жуан кивнул.

Жара буквально падает на вас, подумал он. *Только сейчас было прохладно, а в следующий момент зной бьет вас по голове, как горячая сковородка*. Жуан расстегнул ремни безопасности, отодвинул кресло вбок и соскользнул в узкий проход между передними креслами, после чего добрался до задней переборки и, взявшись за задрайки, открыл задний люк.

– Вы куда? – спросила Рин и тут же вспыхнула, услышав собственный вопрос.

Чен-Лу ухмыльнулся.

Как ее возмутило бессердечие Чен-Лу – несмотря на то, что он попытался смягчить эффект от ее реакции фразой:

– Нам придется заполнить слепые зоны системы западных условностей, Рин.

Издевка по-прежнему звучала в его словах, и она отвернулась.

Открыв люк, Жуан внимательно исследовал его края: никаких следов насекомых. Осмотрел поплавки, двигатели и поверхность крыльев. Насекомых не было. Жуан закрыл люк снаружи.

Как только они остались одни, Рин повернулась к Чен-Лу.

– Вы невыносимы! – воскликнула она.

– Ну, прошу вас, доктор Келли!

– Не пудрите мне мозги этими разговорами – дескать, мы профессионалы, и это превыше всего! Вы по-прежнему невыносимы!

Китаец понизил голос и произнес:

– Пока его нет, мы должны кое-что обсудить. Оставим в покое личности. Это проблема МЭО.

– Единственная проблема, которая касается МЭО, это как доставить в ее головную контору те сведения, что мы получили.

Китаец уставился на нее. Он предполагал именно такую реакцию, но нужно было найти способ сдвинуть Рин с этой точки зрения. *Есть у бразильцев одна пословица*, подумал он и произнес вслух:

- Говоришь об обязанностях, говори и об оплате.
- Я по своим счетам уже заплатила, – заявила Рин.
- Я и не предлагал вам платить.
- Значит, вы собираетесь меня купить?
- Другие собираются.

Рин внимательно посмотрела на китайца. Он намерен рассказать Жуану о ее прошлом в отделе расследований МЭО? Ну и пусть! Но она не зря подвизалась на шпионском поприще и кое-чему научилась. Что, интересно, на уме у этого китайца?

– Хотите услышать больше? – спросил Чен-Лу.

Рин молчала.

– Пока вы должны заловить Жуана Мартино в свои сети и сделать рабом любви. Пусть его единственным желанием станет служить вам и только вам. Вам это будет нетрудно.

Я делала это и раньше.

Рин отвернулась. Да, делала. Помнила о своих обязанностях, только и всего.

Сидя за ее спиной, Чен-Лу кивнул. Все в жизни осталось, как прежде, ничто не поменялось. Она выполнит все, как нужно, просто повинувшись отлаженному ритуалу. Люк открылся, и в кабине появился Жуан.

– Никого и ничего, – сообщил он и опустился в кресло. – Люк я захлопнул, но не запер, на тот случай, если кому-нибудь нужно выйти.

– Рин? – спросил Чен-Лу.

– Нет! – дрожащим тоном произнесла она.

– Тогда я сам воспользуюсь счастливой возможностью, – усмехнулся китаец. Он встал, открыл люк и спустился на поплавки.

Даже не оборачиваясь, Рин была уверена, что люк только выглядит закрытым. На самом деле Чен-Лу оставил узкую щель и приткнулся к ней ухом. Она принялась рассматривать напоминавшую ртуть поверхность реки. Аэрокар, казалось, завис в недвижном голубом воздухе, который медленно наполнялся жаром. Как только жар достигнет предельных величин, воздух запылает и взорвется.

Жуан посмотрел на нее:

– С вами все в порядке?

Странный человек, подумала Рин.

– Что-то у нас не так, – заметил Жуан. – Вы с Трэвисом шептались, пока меня не было. Не знаю, о чем вы говорили, но вы были явно не в себе.

Рин попыталась сглотнуть, но горло пересохло. Чен-Лу, естественно, стоит за люком и слушает.

– Да он... просто дразнил меня, – сказала она.

– Дразнил?

– Ну да!

– По поводу чего?

Рин отвернулась и стала изучать возвышавшиеся справа пушистые холмы, за которыми увидела белую вершину с тонзурой вулканического пепла на макушке. Безмятежность горного пейзажа вдруг передалась и ей.

– По поводу вас, – ответила она.

Жуан посмотрел на свои руки, недоумевая, с какой стати ее признание так озадачило его и смутило. Неожиданно Рин принялась напевать какую-то песенку. У нее был красивый голос – глубокий, с интимными обертонами.

Но Жуан узнал песню и удивился сделанному Рин выбору. Даже после того, как она замолчала, мелодия все еще буквально витала вокруг него, как туман. Это была грустная народная песня, обработанная Лоркой для исполнения в сопровождении гитары:

«Отложи свой топор, седовласая Смерть,
Рано мне в глубину твоих черных морей.
Рано мне покидать бытия круговерть,
Я – один из твоих самых верных друзей!
И пускай моя жизнь безмятежно течет
Как река, огибая утрат острова,
Я утратам своим потерял былой счет,
Ибо смерть, а не жизнь перед жизнью права».

Рин всего лишь напевала эту песню, но слова-то в песне были, и Жуан их знал!

Он взглянул на левый берег.

Берег зарос манговыми деревьями, чья густая темно-зеленая листва местами разнообразилась более светлыми листьями тропической омелы и пушистыми кронами пальм чонта. Прямо над кронами деревьев парили два черно-белых стервятника. Они медленно передвигались в выжженном, стального цвета небе, словно нарисованные.

Кажущаяся безмятежность сцены не могла обмануть Жуана. Не об этой ли обманчивой безмятежности поется в той песне?

Стайка райских танагр, сверкнув бирюзовым оперением, пролетела над рекой и, нырнув в джунгли, исчезла, будто их и не было.

Заросли манговых деревьев на левом берегу разошлись, и перед Жуаном открылась прогалина, поросшая травой, красно-бурая земля под которой была изрыта неширокими ямами.

Люк открылся, и Жуан услышал, как вошел Чен-Лу. Он захлопнул и задраил люк.

– Джонни! Там что-то движется в деревьях за этой полосой травы, – сказал он. – Видите?

Жуан посмотрел туда, куда указывал китаец. Да, действительно, нечто передвигалось в тени деревьев – множество фигур, которые поддерживали темп, чтобы не отставать от аэрокара.

Жуан поднял эжектор.

– Далековато будет, – заметила Рин.

– Да, – кивнул Жуан. – Я просто хочу, чтобы они держались на расстоянии.

Он принялся возиться с задвижкой оружейного порта, но не успел открыть порт, как фигуры вышли из тени на солнце.

Жуан замер.

– Матерь Божия, мать Божия, – шептала Рин.

Фигуры стояли группой на открытой местности, будто специально решили показать себя.

В большинстве своем они были антропоморфны, хотя среди них находились и гигантские копии насекомых – богомолы, жуки, а также некие незнакомые науке формы с хлыстоподобными хоботками. Антропоморфные существа были как две капли воды похожи на индейцев, похитивших Жуана и его отца.

Но среди этой толпы идентичных друг другу фигур стояли и существа, резко отличающиеся от всех прочих особой индивидуальной формой. Одно из них напоминало префекта, отца Жуана, а рядом с ним стоял... Виеро! А дальше – те, кто остался в лагере, и из группы Жуана, и люди из МЭО.

Жуан протолкнул жерло эжектора сквозь оружейный порт.

– Нет! – воскликнула Рин. – Подождите! Посмотрите на их глаза. У них остекленевший взгляд. Это могут быть наши друзья, только под наркотиком!

Или еще хуже, подумал Жуан.

– Не исключено, что они – заложники, – предположил Чен-Лу. – Есть верный способ проверить – кого-нибудь из них подстрелить.

Он встал и выдвинул инструментальный ящик.

– Вот, возьмите карабин...

– Заткнитесь! – рявкнул Жуан, вытащив из порта эжектор и закрыв порт.

Чен-Лу молча покусывал губы. Эти латиноамериканцы так далеки от реальности! Положив карабин обратно в ящик, китаец уселся на свое место. А что? Вполне можно было выбрать в качестве мишени какого-нибудь наименее важного субъекта. Сразу получили бы ценную информацию. А если сидеть сложа руки и ничего не делать, то не получишь ничего.

– Не знаю, как вас, – проговорила Рин, обращаясь сразу к обоим мужчинам, – но меня в школе учили по друзьям не стрелять.

– Понимаю, Рин, – кивнул китаец. – Но разве это наши друзья?

– Пока неизвестно наверняка.

– Вот именно! И как же нам выяснить это?

Он указал в сторону фигур, которые остались за спиной, на прогалине, а течение понесло аэрокар вдоль джунглей дальше.

– Здесь ведь тоже нечто вроде школы, Рин, – усмехнулся Чен-Лу. – Тут нам тоже преподают урок.

Опять двусмысленность, подумала она.

– Джунгли – школа прагматизма, – сказал китаец. – Она учит безальтернативности. Спросите у джунглей, что такое хорошо и что такое плохо? У них есть лишь один ответ: выжил – хорошо. А погиб – и говорить не о чем.

И он продолжает настаивать, чтобы я соблазнила синьора Джонни Мартино, в то время как тот еще не оправился от шока, подумала она. *И это действительно так – опасность, шок и ужас. А бесследно это не проходит.*

Рин вздохнула. Но что будет с ней?

– Если бы это были индейцы, – произнес Жуан, – я бы знал, зачем они затеяли подобное представление. Но это не индейцы. Мы даже не можем понять, как думают эти создания. Индейцы бы устроили спектакль, чтобы поиздеваться и сказать: «Ты будешь следующим». Но эти твари... – Он покачал головой.

Аэрокар погрузился в тишину, и в нем воцарилось давящее на нервы одиночество, сто- крат усиленное жарой и монотонным движением джунглей за бортом.

Чен-Лу задремал, думая: *Пусть жара и ничегонеделание выполнят за меня мою работу*. Жуан рассматривал свои руки.

Прежде он не попадал в ситуацию, где страх и отсутствие дела заставляли его заглянуть себе в душу. Этот новый опыт одновременно и испугал, и удивил его.

Страх – наказание, которое наше сознание налагает на самое себя за грех самонаблюдения, подумал он. *Я должен себя чем-то занять. Но чем? Сном?*

Жуан боялся спать, поскольку не хотел видеть плохие сны.

Пустота... Хороший будет приз...

Когда-то в прошлом он достиг сияющей вершины, где все, что он делал, было свободно от любых осложнений, как предшествующих, так и последующих. Никаких сомнений. Только действие, чистое, рефлекторное действие... Это и есть то, что называется жизнью. Теперь же все, что с ним когда-либо происходило, стало объектом интроспекции, изучения и переоценки. Одновременно с этим Жуан понимал, что интроспекция запросто даст слабину, потому что

есть в его душе воспоминания, которые могут легко вырваться из-под власти разума и поработить сознание.

Откинув голову на спинку кресла, Рин смотрела в небо. Кто-то должен начать нас искать. Должен... должен...

И Жуан, сидящий слева... Он тоже должен...

Рин сглотнула, удивившись, откуда вдруг явилась к ней эта мысль. Усилием воли она переключила свое внимание на небо, такое голубое – чистая поверхность, на которой может быть изображено что угодно.

Спасатели могут появиться с минуты на минуту. Рин перевела взгляд на горы, возвышавшиеся на западе. Они то вырастали, то уменьшались в размерах по мере того, как река влекла аэрокар вперед. Об этом нельзя думать, иначе эмоции захватят нас и лишат стойкости. Эмоции – непосильное бремя.

Рин потянулась и вложила свою руку в ладонь Жуана. Он даже не посмотрел на нее, но его пожатие было чем-то большим, чем просто дружеское. Чен-Лу заметил это и улыбнулся. Жуан внимательно изучал проплывающий мимо берег. Аэрокар медленно двигался между занавесами густых лиан, обрамляющих зачарованный поток реки, который выносил их за очередной поворот, где их взору предстали во всей своей красоте три высоченных дерева, чьи листья своим ярким красным тоном контрастировали с окружающей зеленью. Жуан перевел взгляд на поверхность воды, совершавшую свою привычную работу, подрывая корни, цепляющиеся за глинистый берег.

Ее рука в моей руке, думал он. *В моей руке*. Ладонь ее была слегка влажной, нежной, но властной. Жар пронизывал неподвижный воздух и волнами накатывал на аэрокар. Словно движущийся вход в ад, солнце медленно плыло над их головами, спускаясь к заснеженным вершинам гор.

Рука в моей руке...

Пора было готовиться к ночи.

Вечерние тени, легшие по берегам реки, вытянулись и направились к сияющим на горизонте горам, постепенно поднимаясь все выше по их склонам.

Как только солнце нырнуло за горный хребет, Чен-Лу сел на своем инструментальном ящике.

Рожденный закатом аметистовый туман окрасил реку впереди рубиновым цветом, будто не вода, а кровь текла вокруг аэрокара. В наступающей темноте замерло все. Мгновение – и все вокруг поглотила влажная ночь.

Ночь – время боязливых и кровожадных, подумал Чен-Лу. *Ночь – мое время, но я совсем не боязлив*. И он улыбнулся, увидев, как две тени на передних сиденьях слились в одну. *Зверь о двух спинах*, вспомнил китаец цитату и едва не рассмеялся – такой забавной она показалась сегодня ночью.

Вслух же он произнес:

– Сейчас я буду спать, Джонни, а в полночь вы меня разбудите. Наступит моя смена.

Негромкие ритмические звуки, доносившиеся с переднего кресла, приостановились, а затем возобновились вновь.

– Хорошо, – хрипло отозвался Жуан.

Ох уж эта Рин, подумал Чен-Лу. *Отличный инструмент, даже когда не хочет исполнять свои обязанности*.

VIII

Доклад, хотя и интересный деталями, мало что нового сообщил мозгу о человеческих существах. Демонстрация, устроенная на берегу реки, вызвала у них страх и смятение. Иного было трудно ожидать. Китаец показал практичность, которая остальным двоим была несвойственна. Этот факт следовало учитывать как значимый, так же, как и то, что китаец намерен любыми способами спарить бандейранта и рыжеволосую женщину.

Время покажет, что из всего этого получится.

Пока же мозг испытывал нечто, близкое по сути другой человеческой эмоции – обеспокоенности.

Троица в аэрокаре уплывала все дальше и дальше от пещеры над речным потоком, а потому в систему получения информации, ее обработки, формулирования ответа и передачи приказа исполнителям вкрадывался фактор задержки.

Сенсоры мозга воспринимали повтор сообщения, выведенного на потолке пещеры танцующими курьерами.

Аэрокар приближался к порогам, его пассажиры могли быть убиты и, таким образом, безвозвратно потеряны. Либо они повторили бы попытки улететь на этой своей машине. Здесь и крылась причина обеспокоенности мозга, затруднявшая процесс принятия решений.

Аэрокар уже продемонстрировал свою способность летать.

Оценка ситуации – принятие решения.

Мозг начал формулировать приказ для боевых групп:

– Боевым группам предписывается захватить аэрокар до того, как он достигнет первых порогов. Человеческие существа должны быть схвачены живыми, если будет такая возможность. Если возникнет необходимость кем-то из них пожертвовать, устанавливаю следующие приоритеты: наиболее ценным из людей для нас является китаец, затем – латентная королева и второй мужчина.

Насекомые на потолке пещеры станцевали полученное сообщение, добавили к нему фиксирующие модуляции и вылетели из пещеры навстречу начинающемуся дню.

Настала пора активных действий.

Вглядываясь поверх передних кресел в гладь воды, расстилающуюся перед аэрокаром, Чен-Лу наблюдал, как лунная дорожка заползает под его днище. Там, где гладь реки морщили водовороты, лунный свет ложился на воду тонкой паутиной, а потом тек к берегам широкими полосами цветного шелка.

С передних кресел до него доносилось ровное дыхание спящих.

Теперь, вероятно, мне не придется убивать этого олуха Джонни, подумал Чен-Лу.

Через боковое окно в кабину заглядывала бронзовеющая луна, собирающаяся скрыться за горизонтом. Темные пятна морей на ее поверхности напоминали чье-то лицо. Виеро?

Но он же мертв, этот приятель Джонни, подумал китаец. *То, что мы видели у реки, было симулякром, копией. Никто не сумел бы пережить ту атаку на лагерь. Наши друзья просто скопировали дорогого Падре. Интересно, как Виеро принял смерть? Как иллюзию или катастрофу?*

Бессмысленный вопрос.

Повернувшись во сне, Рин теснее прижалась к Жуану и что-то прошептала.

Да, наши друзья не станут надолго откладывать атаку, размышлял Чен-Лу. *Наверное, они просто ищут наиболее удобное место и время. Где это произойдет – в теснине, среди порогов, в самом узком месте реки? Где?*

Каждая тень за окнами аэрокара казалась источником опасности, и Чен-Лу удивился самому себе – как можно позволять собственному уму создавать причины для страха? И, тем

не менее, напрягая все органы чувств, он слушал ночь за бортом аэрокара. Там же царила тишина, тишина ожидания, выдающая чье-то присутствие в глубине джунглей.

Но это абсурд!

Китаец откашлялся.

Жуан повернулся и ощутил на своем плече голову Рин. Как спокойно она дышит!

– Трэвис, – прошептал он.

– Что?

– Не пора?

– Спите, Джонни! У вас еще есть пара часов.

Жуан закрыл глаза, поудобнее устроился в кресле, но сон не возвращался. Что-то было не так. Нечто требовало его внимания, и это нечто все дальше и дальше отодвигало сон.

Плесень. Запах плесени. Он стал значительно сильнее, чем был прежде, и в нем присутствовал дополнительный оттенок – запах ржавчины.

Глубокая печаль охватила Жуана. Он понял, что аэрокар медленно, но верно гибнет, а ведь эта машина была для него символом цивилизации. Что как не гибель и разрушение человека и человечества провозвещали эти запахи? Погладив Рин по голове, Жуан подумал: *Ну почему бы тогда нам не ухватить здесь свою порцию счастья? Ведь завтра мы будем уже мертвы! А может, случится и нечто худшее, чем смерть...*

И он вновь провалился в сон.

Шум и гам, издаваемые стаей длиннохвостых попугаев, сообщил о наступлении утра. Птицы галдели и сплетничали, сидя в кустах, обрамляющих реку. Вскоре к этой толпе присоединились и птицы помельче.

Жуан услышал птичий крик, и ему немалых усилий стоило подняться из глубин сна на поверхность. Он проснулся весь в поту, ощущая странную слабость.

Ночью Рин отодвинулась от него и теперь, свернувшись калачиком, спала в своем кресле.

Жуан медленно приходил в себя. Густой туман стелился над поверхностью реки перед аэрокаром и за его кормой. Сырость и нездоровое тепло наполнили за ночь закрытую кабину. Во рту у Жуана было горько и сухо.

Он выпрямился и, склонившись вперед, внимательно посмотрел наружу, на носовую часть аэрокара.

– Ищите соглядатаев? – услышал он голос Чен-Лу.

Откашлявшись, Жуан произнес:

– Смотрю, какая погода. Похоже, скоро начнется дождь.

– Не исключено.

Серое небо! Словно пустая грифельная доска, приготовленная в качестве декорации для одинокого стервятника, который медленно парил, не двигая крыльями, над вершинами деревьев. Вот он грациозно развернулся, два раза взмахнул крыльями и улетел вверх по течению.

Жуан опустил голову и заметил, что ночью аэрокар стал частью дрейфующего острова, состоящего из бревен и веток, переплетенных гибким плющом и заросших мхом. Судя по толщине и плотности мха, остров плавал по реке не первый год.

В это время аэрокар попал в водоворот, который разлучил его с плавучим островом.

– Где мы? – спросила Рин, проснувшись.

Она села и выпрямилась. Жуан посмотрел на нее, но она отвела взгляд. В чем дело? Она что, стыдится?

– Мы там, дорогая Рин, где и были, – отозвался Чен-Лу. – На реке. Вы голодны?

– Еще как! – воскликнула она.

Они ели быстро и молча, и Жуан все больше убеждался в том, что Рин избегает его. Она первой отправилась через люк наружу и пробыла там достаточно долго. Когда же вернулась, то вновь легла в свое кресло и притворилась, будто спит.

Ну и черт с ней, подумал Жуан. Он вышел наружу, с силой захлопнув за собой люк. Чен-Лу наклонился и прошептал Рин на ухо:

– Ночью вы вели себя превосходно, дорогая.

Она ответила, не открывая глаз:

– Горите в аду!

– Я не верю в ад.

– А я верю?

– Конечно.

– Каждый верит в свое, – произнесла Рин и вновь закрыла глаза.

По какой-то причине, которую китаец был не в состоянии понять, слова Рин разозлили его.

– Вы – настоящая дикарка. Общение с местными не идет вам на пользу, – язвительно усмехнулся он.

– Вы говорите как кардинал Ньюман. Вот и трахайтесь с ним.

– Вы не верите в первородный грех?

– Я верю только в то, что ад многолик, – ответила Рин и внимательно посмотрела на Чен-Лу.

– И каждому уготован его собственный?

– Ваши слова, не мои.

– Но вы это и сказали.

– Не может быть!

– Именно! Так и было.

– Что вы кричите? – спросила Рин.

Чен-Лу взял паузу, чтобы успокоиться, после чего прошептал:

– А как Джонни? Он действительно хорош?

– Гораздо лучше, чем могли бы быть вы.

Жуан открыл люк и вошел, не дав китайцу ответить, и первое, что он увидел, были устремленные на него глаза Рин.

– Привет, шеф! – тепло улыбнулась она.

Жуан кивнул и сел на свое кресло.

– Приближаемся к порогам, – сообщил он. – Есть такое ощущение. Кстати, о чем это вы тут кричали, Трэвис?

– Да ни о чем, – отозвался Чен-Лу, сдерживая ярость.

– Разбирали идеологический вопрос, – усмехнулась Рин. – Трэвис все еще остается воинствующим атеистом. Я же верю в небеса. – И она погладила Жуана по щеке.

– Почему вы решили, что мы приближаемся к порогам? – спросил Чен-Лу, решивший сменить тему разговора. Ему не нравилась опасная игра, в которую с ним играла Рин.

– Течение ускорилося, – объяснил Жуан.

Он посмотрел на реку через лобовое стекло. Она изменила свой облик – поток стал быстрее и интенсивнее. Холмы подступали к берегу, сделав русло уже. Возникло больше и водоворотов.

Компания длиннохвостых обезьян принялась преследовать аэрокар по берегу. Они трещали и орали, ловко перескакивая с ветки на ветку, и прекратили свою игру, когда аэрокар ушел за поворот реки.

– Когда я вижу на берегу какое-нибудь существо, то обязательно задаю себе вопрос: это действительно то, что я вижу? – произнесла Рин.

– Это действительно обезьяны, – отозвался Жуан. – Думаю, есть вещи, которые наши маленькие друзья пока не научились имитировать.

Русло реки выпрямилось, а холмы приблизились. Густые заросли железного дерева уступили место рядам пальм саго, на которые сзади наваливались мощные волны тропической зелени. Лишь иногда плотный слой листвы прерывался гладкими красными стволами гау-явийи, склонившей свои ветви к потоку.

За следующим поворотом на глаза им попала длинноногая розовая птица, она кормилась на мелководе. Тяжело поднявшись над водой, птица полетела вниз по течению.

– Пристегните ремни, – сказал Жуан.

– Это обязательно? – спросил Чен-Лу.

– Да.

Услышав щелчки сзади и справа, он пристегнулся сам и проверил панель управления, которую переоборудовал Виеро. Зажигание, свет, газ... Потрогал ручку управления, почувствовал, что она болтается. Короткая молитва о заплатке на правом поплавке. Готовность номер один!

Рев порогов докатился до них из-за деревьев лишь слабым рокотом. Жуан почувствовал, как течение резко ускорилося. Оно вынесло аэрокар за очередной поворот и развернуло, после чего они оказались в начале примерно километровой прямой, в конце которой явственно различили кипение белой воды. Пена и плотный туман поднимались над водой. С каждой секундой рев порогов усиливался, пока не превратился в барабанный бой.

Жуан оценил ситуацию: по обеим сторонам потока росли высокие деревья, русло сузилось до минимума, пороги обрамлены высокими мокрыми черными скалами. Путь оставался лишь один – вперед и только вперед.

Необходимо четко рассчитать соотношение расстояний и структуры потока. Поплавки аэрокара должны в нужный момент попасть в продольную волну, которая перенесет машину через каменную гряду и выбросит на гладкую воду.

Это произойдет именно здесь, думал Чен-Лу. Наши друзья все точно рассчитали. Сжимая в руках эжектор, китаец старался держать в поле своего внимания сразу оба берега.

Рин крепко вцепилась в ручки кресла и вжалась в его спинку. Они неслись в самый центр мальстрёма без всякой надежды выжить.

– Там что-то в деревьях, справа! – воскликнул Чен-Лу. – И что-то над нами!

Густая тень накрыла аэрокар и воду, по которой он мчался навстречу порогам. Трепещущие белые формы заслонили обзор.

Жуан нажал кнопку зажигания. Сосчитал – раз, два, три. Рука вцепилась в сектор газа.

Моторы взревели, заглушив рокот приближающихся порогов. Пробив тучу насекомых, аэрокар вылетел из тени на свободный участок воды. Работая попеременно тягой обоих моторов, Жуан отвернул в сторону, чтобы избежать первой гряды камней. Спидометр на приборной доске не функционировал, и скорость Жуан контролировал визуально еще и по тому, насколько сильно его спину вдавливало в спинку кресла.

Только не взорвись! Только не взорвись, молил он.

– Сеть! – вдруг закричала Рин. – Они поставили сеть поперек реки!

Металлическая сеть поднималась над порогами подобно змее. Жуан машинально надавил на ручку газа. Аэрокар подпрыгнул, перелетев через лоснящийся черной водой омут, после чего попал в новую струю, понесшую их к черным скалам. Сеть выросла прямо перед ними, но в этот момент аэрокар оторвал поплавок от воды и стал тяжело набирать высоту. Выше... выше.

Жуан увидел, как по ту сторону сети река обрывается водопадом, и пенящаяся вода летит вниз, словно пытаясь ускользнуть от гроздящихся по краям потока черных скал.

Что-то дернуло аэрокар снизу. Раздался скрежещущий звук. Машина клюнула носом, затем, подчиняясь ручке управления, вновь пошла вверх. Грохот сотряс аэрокар, а вокруг него вздыбились столбы водяных брызг.

Обернувшись, Жуан увидел падающие в воду позади валуны – ими, вероятно, была закреплена ловушка, которую они сорвали. Раскачиваясь и вздыхая, машина шла вверх, набирая высоту. Жуан ослабил давление на ручку газа. Вот они поднялись вровень с кронами деревьев. Под ними промелькнул поросший пальмами холм. Впереди открылась маслянистая полоса коричневой воды с пенными завихрениями.

Жуан услышал голос Рин:

– Ура Мы летим!

– Да уж! – воскликнул со своего места Чен-Лу. – Вот это был взлет!

Жуан сглотнул. Ручки управления слушались с трудом. Он взглянул вниз и увидел поворот, который делала река, а за ним – широкую гладь воды с островами.

Коричневая вода, разлив...

Жуан перевел аэрокар в режим снижения и посмотрел на запад. Там, над самым горизонтом, громоздились одно на другое густые облака, иссиня-черные снизу. Там гроза и ливень. Вот почему разлилась река! Ливень, вероятно, начался еще ночью.

И он выругал себя за то, что раньше не обратил внимания на цвет воды.

– Что случилось, Джонни? – спросил китаец.

– Ничего из того, что мы могли бы исправить, – отозвался Жуан.

Он отжал сектор газа. Моторы, прохрипев, заглохли. Жуан отключил подачу горючего. Ветер засвистел вокруг аэрокара, когда Жуан оттянул на себя ручку управления, стараясь сделать спуск максимально пологим. Аэрокар закачался, готовый свалиться в штопор, но Жуан опустил нос машины и дал ей набрать скорость. Важно было выиграть в дистанции и не допустить сваливания. Но аэрокар – не планер, и много из него не выжать!

Ветер зловеще свистел за бортом. Русло реки, пересекающее затопленную равнину, свернуло налево, и опознать его можно было лишь по водоворотам, которые крутило течение. Жуан аккуратно накренил аэрокар, следуя за течением реки. Вода быстро приближалась. Аэрокар рыскал, теряя скорость и высоту; Жуан отчаянно сражался с ручкой управления.

Поплавки, коснувшись воды, подняли фонтаны брызг. Машина заскользила по поверхности, потом водоворот развернул ее, и тут же правое крыло принялось опускаться вниз – все ниже и ниже. Жуан направил машину налево, к песчаному пляжу.

– А мы тонем, – произнесла Рин с удивлением и ужасом.

– Это правый поплавок, – отозвался Чен-Лу. – Я почувствовал, как он зацепил сеть.

Вскоре левый поплавок закрипел по песку. Течение повернуло аэрокар, после чего песка коснулся и правый, поврежденный поплавок. Ниже него по течению что-то забулькало, и на поверхности воды появились пузыри. Кончик правого крыла и воду разделяли буквально миллиметры.

Рин закрыла лицо руками и содрогнулась.

– И что теперь? – спросил Чен-Лу, неожиданно услышав нотки ужаса в собственном голосе.

Ну, вот и конец, подумал он. Наши друзья наверняка нас здесь разыщут. И спастись будет невозможно.

– А теперь будем ремонтировать поплавок, – произнес Жуан.

Рин подняла голову и посмотрела на него.

– Прямо здесь? – удивился китаец. – Но как, Джонни?

Прижав ладонь ко рту, Рин подумала: *Он говорит это, чтобы я не впала в отчаяние.*

– Разумеется, здесь! – воскликнул Жуан. – Где же еще? А теперь помолчите.

– А это возможно? – спросила Рин.

– Если они дадут нам достаточно времени, – ответил Жуан.

Он шелкнул задвижками, на которые закрывался фонарь аэрокара, и сдвинул его вперед. Звук бурлящей в русле воды резанул по ушам. Жуан отстегнулся от кресла, одновременно осматривая воздух, джунгли и реку.

Насекомых не было.

Он выбрался из кабины и спустился на левый поплавок, откуда было удобнее изучать джунгли, начинающиеся за кромкой песчаной полосы пляжа – сплетение ветвей, лиан и папоротников-паразитов.

– Там, в этих кустах, может быть сосредоточена целая армия, а мы ее даже не видим, – прошептал Чен-Лу.

Жуан взглянул на китайца, который высунулся из открытой кабины аэрокара.

– Как вы собираетесь чинить поплавок? – спросил тот.

Рядом с Чен-Лу появилась Рин. Она тоже ждала ответа.

– Пока не знаю, – пожал плечами Жуан.

Он повернулся и посмотрел туда, куда река несла свои буро-коричневые воды. Там, подталкиваемая ветром, поднималась полоса ряби. Ветер становился все сильнее, рябь превращалась в мелкую волну. Неожиданно ветер стих, и рябь улеглась. Воздух и вода, соединяясь у поверхности реки, превращались во влажный жар. Он стекал с металлической поверхности аэрокара и с песка, которым был устлан берег.

Жуан вошел в воду, густую и теплую.

– А если там рыбы, которые нападают на людей? – произнес китаец.

– Они меня не видят, а я не вижу их, – ответил он. – Все по-честному.

Пробравшись под ракетными двигателями, Жуан двинулся к правому поплавку. Здесь ощущался запах несгоревшего горючего, и его маслянистый след уже тянулся вниз по течению. Жуан ухватился за стойку поплавок и, опустив руку поглубже, принялся исследовать его нижнюю поверхность.

Наконец пальцы нащупали то, что он искал – пробойну с рваными краями, на которых остались куски заплат, поставленной Виеро. Жуан начал исследовать пробойну. Та оказалась удручающе большой.

Раздался стук металла о металл – это Чен-Лу, держа в руках эжектор, спустился на левый поплавок.

– Насколько все плохо? – спросил он.

– Достаточно плохо, – вздохнул Жуан и стал вылезать на берег.

– А отремонтировать можно? – не унимался со своими вопросами китаец.

Жуан обернулся, удивленный скрипучими звуками его голоса. Неужели китаец так напуган?

– Нужно будет вытащить этот поплавок из воды, и тогда я скажу точно, – объяснил Жуан. – Думаю, мы сумеем поставить новую заплату.

– Как вы достанете его из воды?

– Здесь есть лианы. Сделаю испанский брашпиль, для роликов использую куски древесных стволов.

– Как долго это будет продолжаться? – спросила Рин.

– Если повезет, к ночи все будет готово.

– Они не дадут нам так много времени, – покачал головой Чен-Лу.

– Мы ведь у них выиграли километров тридцать-сорок, – заметил Жуан.

– Но они тоже умеют летать, – сказал китаец. – А вот и они!

Жуан резко повернулся и увидел летящую по направлению к ним густую полосу белых, красных и золотистых насекомых, каждое из которых было размером с человеческий палец. Подняв эжектор, Чен-Лу нажал на спусковой крючок и, поводя раструбом оружия, сбил первую линию нападавших. Но вслед за первой линией летела вторая, потом третья, потом...

– Она вновь полетела! – возмущался мозг.

Танцуя, курьеры на потолке передавали свое сообщение, уточняя детали легким гудением. Отработав свое, первая группа уступила место следующей, и та, словно облако золотистой слюды, влетела в пещеру через залитый солнечным светом вход.

«Машина сильно повреждена, – докладывали новые курьеры – Она больше не в состоянии плавать. Часть ее погружена под воду. Человеческие существа не пострадали. Мы ведем на место боевые группы, но люди стреляют ядами во все, что движется. Ждем ваших инструкций».

Мозг заставил себя успокоиться – необходимо было заняться оценкой ситуации и принятием решения. Эмоции, эмоции... *Эмоции – проклятие логики, думал он. Данные, информация – вот что составляло основу его бытия. Но нечто всегда оставалось в тени. Например, новые события видоизменяли старые факты.* Мозг многое знал о человеческих существах. Почерпнул из наблюдений, какие проводили его слуги и подопечные; кое-что вывел индуктивно и дедуктивно, а кое-что выведал, поглощая сведения из библиотеки микрофильмов, которую люди оставили в Красной зоне перед своей эвакуацией. Но в этих данных было много лакун!

Мозгу так не хватало способности передвигаться самостоятельно, с помощью собственных сенсоров собирать ту информацию, которую пока он мог получить лишь с помощью курьеров. Это желание вызвало бурю сигналов от спящих и уже почти атрофировавшихся центров контроля над мускульной системой. Насекомые-няньки засуетились по поверхности мозга, питая те его участки, где наблюдалось излишнее возбуждение, а также воздействуя гормонами на зоны, где видна была негативная активность, ставящая под угрозу само его существование.

Атеизм, размышлял мозг, есть состояние химического покоя и уравновешенности. Эти человеческие существа говорили об атеизме и небесах (в религиозном смысле). Данные проблемы ставили мозг в тупик. Разговор же вырос из ссоры и каким-то образом был связан с человеческой моделью воспроизводства себе подобных, по меньшей мере, в той ее части, которая имела отношение к находящимся в аэрокаре людям.

Насекомые на потолке повторяли: «Ждем ваших инструкций».

Моих инструкций... Я... Мне... Мои... Моих...

И вновь засуетились насекомые-няньки.

Вскоре вернулось состояние покоя, и мозг удивился простому факту, что мысли – просто мысли – способны ввергнуть его в расстройство. Эта особенность, кстати, присуща и людям.

– Человеческие существа из машины должны быть захвачены живыми, – скомандовал мозг.

И понял – это был эгоистичный приказ. У него, мозга, накопилось слишком много вопросов к этой троице.

– Подключить все наличные боевые группы, – продолжил он. – Найти подходящее место ниже по течению реки, более удобное, чем в прошлый раз, и отправить туда половину боевых групп. Оставшимся приказываю немедленно атаковать. – И добавил: – Если попытка захватить людей живыми окажется неудачной, приказываю убить их, но сохранить головы, доставив их сюда в рабочем состоянии.

Курьеры были отпущены. Они получили инструкции и понесли их прочь из пещеры на залитый солнечным светом воздух над ревущим потоком реки.

На западе тучи закрыли солнце.

Мозг отметил этот факт. Кстати, шум воды в реке стал сильнее. Значит, в горах прошли дожди. И эта мысль вызвала в памяти картины – мокрые листья, ручейки на лесной подстилке, холодный влажный воздух, ноги, вязнущие в серой глине...

Ноги в этих воспоминаниях принадлежали ему, и это показалось мозгу странным. Но насекомые-няньки имели в своем распоряжении все необходимые химические вещества, чтобы вернуть мозгу безмятежность, и тот, вернувшись в свое нормальное состояние, принялся

обдумывать те сведения о кардинале Ньюмане, которыми располагал. И сразу выяснилось, что он не может найти в себе хоть что-то, имеющее отношение к кардиналу Ньюману, которого, по мнению латентной королевы из аэрокара, должен был трахнуть китаец.

Заплата состояла из листьев, перевитых растяжками для палатки и промазанных коагулятом из пенной бомбы, которую Жуан взорвал внутри поплавка. Аэрокар плавал, приподняв нос, недалеко от берега, и Жуан, стоя по пояс в воде, проверял свою работу.

Прямо над его головой свистели вырывающиеся из раструбов эжекторов ядовитые спреи, хлопали, как открывающиеся бутылки шампанского, пенные бомбы. Воздух был наполнен горьковатым запахом ядов, черная и оранжевая пена уплывала вниз по течению реки и лежала, колыхаясь, на границе воды и песка, рядом с останками лиан от испанского брашпиля. В клочках этой пены видны были мертвые и умирающие насекомые.

В промежутке между атаками Рин склонилась к Жуану и спросила:

– Сколько еще?

– Похоже, держит, – отозвался Жуан, оценив свою работу.

Он потерял шею и руки. Не всех насекомых удалось обезвредить ядами и бомбами, и кожа его горела от укусов и впрыснутых ядов. Взглянув на Рин, он увидел порезы на ее лбу.

– Если держит, тогда убираемся отсюда! – прокричал Чен-Лу. Он появился рядом с Жуаном и Рин, не спуская глаз с неба.

Странная дурнота неожиданно овладела Жуаном, и он едва не упал. Тело болело от усталости. Изрядные усилия потребовались ему, чтобы поднять голову и посмотреть на небо. Такое далекое небо! Возможно, до заката у них есть еще час.

– Ради Бога, убираемся! – воскликнула Рин.

По тому, как заработали эжекторы, Жуан понял, что атака возобновилась. Оттолкнувшись от поплавка, он направился к берегу, отчего сам аэрокар поплыл в противоположную сторону, к фарватеру. Жуан обернулся к машине, которая развернулась к нему кормой, и уставился на залатанный нижний бак. Кто же его так мастерски отремонтировал? Неужели он сам? Но когда?

А, нет! Это Виеро!

Аэрокар продолжал движение к середине реки. Он отплыл уже метра на два, когда Жуан понял, что должен находиться на его борту. Он бросился к правому поплавку, ухватился за его конец и, напрягая последние силы, попытался взобраться на него.

Рука протянулась из люка и ухватила его за воротник. Жуан встал на колени и заполз в кабину. Только когда он очутился там, то сообразил, что это рука Рин.

Рин и Чен-Лу уже были внутри. Они задраили фонарь, и теперь китаец колошматил последних насекомых рулоном карт.

Жуан почувствовал укол в левой ноге и, опустив голову, увидел Рин, которая прилаживала там свежий энергетический пакет.

Зачем она это делает? И вспомнил – укусы, яды...

– Разве у нас нет иммунитета после прошлого отравления? – спросил он и удивился, что говорит шепотом.

– Может, и есть, – отозвалась Рин. – Если они не придумали что-то новенькое.

– По-моему, я прибил всех, – произнес Чен-Лу. – Вы задраили люк?

– Да, – кивнула Рин.

– Я вручную обработал место под креслами и приборной доской, – сказал китаец. После чего, подхватив Жуана под руку, добавил: – Ну, давайте-ка, на свое место. Вот так!

Жуан пробрался к креслу и сел. Голову он держал с трудом, словно у него разболтались шейные позвонки.

– Мы вышли на течение? – спросил он.

– Похоже на то, – отозвался Чен-Лу.

Жуан едва дышал. Ему казалось, будто энергетический пакет находится страшно далеко, и оттуда, как дружественная армия, он начинает медленно двигаться ему на помощь. Пот заливал его кожу, но рот был сухим и горячим. Ветровое стекло перед взором Жуана было испачкано оранжевым и черным спреем, а также остатками пены.

– Они нас сопровождают, – сообщил Чен-Лу. – Летят вдоль берега, и одна группа над нами.

Жуан принялся осматриваться. Рин вернулась в свое кресло. Она сидела, положив эжектор на колени и откинув голову на спинку кресла. Глаза ее были прикрыты. Чен-Лу разглядывал левый берег реки.

Стены и потолок кабины, как показалось Жуану, были покрыты серо-зелеными пятнами, хотя, как он помнил, в интерьере должны были преобладать другие цвета. Все было серо-зеленым, даже кожа Чен-Лу... и Рин.

– Что-то не так с цветом, – прошептал он.

– Цветовая аберрация, – пояснил китаец. – Один из симптомов отравления.

Выбрав чистое местечко на боковом окне, Жуан посмотрел на уныло-серые холмы и садившееся над ними зеленое солнце.

– Закрой глаза, откинь голову и расслабься! – посоветовала Рин.

Жуан подчинился, и Рин, отложив эжектор, склонилась над ним и принялась массировать его лоб.

– Горячий, – сказала она, обращаясь к Чен-Лу.

Жуан закрыл глаза. Руки Рин были прохладными и дарили покой. Черная усталость парила над его телом, а далеко, в правой ноге, словно бил маленький барабан – это работал энергетический пакет.

– Попробуй уснуть, – прошептала она.

– Рин, а как вы себя чувствуете? – спросил Чен-Лу.

– Во время первой передышки между атаками я подключила себе энергетический пакет. Там есть фракции АКТГ, и, думаю, именно они приносят мгновенное облегчение, если ты не слишком сильно пострадал.

– А Джонни получил от наших друзей гораздо больше, чем мы?

– Там, снаружи? Конечно!

Слова доносились до Жуана будто размытыми, но их значение доходило до него с отчетливой ясностью, а звук голосов очаровывал. Судя по голосу Чен-Лу, тот что-то скрывал; в голосе же Рин звучали искренняя озабоченность и страх за него, Жуана.

Рин нежно коснулась его лба в последний раз и опустилась в кресло. Откинув волосы назад, она посмотрела на запад. Да, там трепетали мириады белых крыльев. Рин взглянула вверх. Там, высоко над деревьями висели перистые облака. Закатное солнце пронзало их своими лучами, и облака превращались в волны крови.

Она посмотрела на реку.

Вода увлекала аэрокар вдоль серповидного изгиба, и теперь они двигались на север по широкому руслу разлившейся реки. У восточного берега серебро воды было тронутو лиловыми оттенками и отдавало сияющим металлом. Низкое воркование голубей доносилось с правого берега. А может, это были вовсе не голуби?

Солнце скользнуло за дальние пики гор, и тотчас же из своих укрытий вылетели стаи летучих мышей, они принялись парить над рекой, закладывая крутые виражи. Пение вечерних птиц стихло, уступив место звукам ночи – дальнему рыку ягуара, шорохам и потрескиванию ветвей, всплеску крупной рыбы.

И вновь над аэрокаром нависла напряженная тишина.

Там, на берегу, находится некто, кого в джунглях боятся все без исключения, подумала Рин.

На небосклон вышла янтарная луна. Аэрокар плыл по лунной дорожке, словно гигантская стрекоза. Бабочка-бражник подлетела, трепеща изящными крыльями с тонким рисунком, к ветровому стеклу и исчезла, растворившись в бледном свете луны.

– Они продолжают следить, – произнес Чен-Лу.

Жуан чувствовал, как тепло поднимается по телу – в него переливалось содержимое энергетического пакета. Но головокружение не проходило, и ему казалось, будто он несет в себе сразу нескольких индивидуумов. Жуан открыл глаза и посмотрел на размытые очертания залитых лунным светом холмов, ясно осознавая, что он действительно видит эту вечернюю картину. Одновременно какая-то часть его существа наблюдала этот вечерний пейзаж не за бортом аэрокара, а на потолке кабины. И луна на этом нарисованном пейзаже была чужой – такой, какую он прежде не видел. Ее круг был слишком велик, а полумесяц – ярок. Это была фальшивая луна, написанная на аляповатом фоне, и она заставляла Жуана чувствовать себя маленьким и ничтожным, медленно превращающимся в крохотную искру, затерянную в бесконечности вселенной.

Он закрыл глаза, приказывая себе: *Я не должен так думать или сойду с ума. Господи! Что со мной?*

Жуан почувствовал, как тишина переполняет кабину аэрокара. Он прислушался и уловил лишь дыхание Рин, да покашливание Чен-Лу.

Антитеза добра и зла – изобретение человечества. Единственное, что реально существует – это честь. Жуан будто слышал эти слова, эхом звучащие в его сознании, и узнавал их. Это были слова его отца... отца, который умер и превратился в симулякр, предназначенный для того, чтобы являться ему на берегах этой реки. В своей жизни люди цепляются за некую точку на шкале добра и зла – так они чувствуют себя более уверенно.

– Видите ли, Рин, – произнес Чен-Лу. – Эта река – марксистская по своей сути. Все в нашей вселенной течет, подобно этой реке. Все изменяется, обретая то одну форму, то другую. Это диалектика. Ничто и никто не остановит этих изменений. Да их и не следует останавливать. Ничто не пребывает в статике, и в одну реку нельзя войти дважды.

– Замолчите, – пробормотала Рин.

– Вы, женщины Запада, – продолжил китаец, не обращая внимания на ее протесты, – совершенно не понимаете диалектику природы.

– Расскажите это жукам, – усмехнулась она.

– Как же богата эта земля! Чрезвычайно богата. Вы имеете представление, скольких моих соотечественников могла бы прокормить эта земля? Нужно лишь сделать небольшие улучшения – расчистить участки леса, построить террасы. Мы в Китае научились изменять землю, чтобы она поддерживала жизнь миллионов.

Рин выпрямилась и посмотрела на Чен-Лу:

– Вам еще не надоело?

– Эти глупые бразильцы никогда не научатся толком использовать свои земли. А вот мои соотечественники...

– Ваши люди должны приехать сюда и показать местному населению, как вести дела? Так, что ли?

– Как вариант, – ответил Чен-Лу.

И подумал: *Поразмышляй над этим немного, моя дорогая. Когда увидишь, как велик приз, который можно получить, ты поймешь, сколько нужно за это отдать.*

– А что вы скажете про миллионы бразильцев, которые толпятся в городах и на фермах, созданных по плану переселения, пока не завершена программа экологического восстановления территорий?

– Они привыкают к условиям, в которых живут.

– Это потому, что они надеются на лучшее.

– Рин, дорогая! Вы совершенно не понимаете людей. Правительства легко манипулируют людьми, чтобы получить то, что им нужно.

– А как насчет насекомых? И насчет Великого похода?

Чен-Лу пожал плечами:

– Мы жили с ними бок о бок многие тысячелетия.

– А мутации? А новые виды?

– Вы говорите о тех, что были созданы вашими друзьями бандейрантами? Их мы, вероятно, уничтожим.

– Вряд ли то, с чем мы столкнулись, создано бандейрантами, – возразила Рин. – Во всяком случае Жуан не имеет к этому никакого отношения.

– А кто имеет?

– Не исключено, те же самые люди, которые не желают признать, что их Великий экологический поход был полным провалом.

Чен-Лу сдержал ярость и негромко произнес:

– А я утверждаю, что это неправда!

Рин посмотрела на Жуана, который, похоже, спал. Возможно ли то, о чем говорит Чен-Лу? Нет, конечно!

Китаец откинулся на заднюю переборку аэрокара. Он размышлял. Пусть Рин осмыслит его слова. Он заронил сомнения в ее душу, а это как раз то, что ему нужно, чтобы превратить ее в надежный инструмент его планов. А Джонни Мартино просто рожден быть козлом отпущения – с его североамериканским империалистическим образованием и отсутствием всяческих принципов. Человек без чести и совести, он осмелился заниматься любовью с одной из подчиненных Чен-Лу прямо на глазах ее босса! Да китайцы легко поверят, что такой человек способен на что угодно!

Улыбка скользнула по губам Чен-Лу.

Рин же, взглянув в его сторону, увидела лишь суровые угловатые черты одного из высших чиновников МЭО. *Да, он силен*, подумала она. *А я так устала!* Она опустила голову на колени спящего Жуана, словно дитя, ищущее утешения, и положила руку ему на спину. *Какой он горячий! Может, это лихорадка?* Ее ладонь неожиданно коснулась тяжелого металлического предмета. Рин провела по нему пальцами и догадалась, что это.

Пистолет.

Она выпрямилась. Почему Жуан носит оружие, да еще и скрывает его от нас?

Жуан продолжал изображать спящего. Слова Чен-Лу будто сверлили его мозг, звучали как предупреждение, понуждали к действиям. Однако осторожность возобладала.

Рин смотрела на водный поток. Сомнения терзали ее. Аэрокар плыл по лунной дорожке. По обе стороны реки, в крошечной тьме джунглей танцевали сонмы светляков. Там крылась опасность, таились смерть и тлен.

Размышляя над словами Чен-Лу, Жуан думал: *А ведь он прав, и все в этой вселенной подобно реке. Так почему я колеблюсь? Я же могу развернуться и убить этого мерзавца. Или заставить его рассказать о себе всю правду.*

Какую роль во всем этом играет Рин? Похоже, она сердилась на китайца.

Все во вселенной течет, как река.

Погрузившись в собственный внутренний мир, Жуан ощутил ужас, граничащий с отчаянием. *Эти крохотные смертоносные существа! Время на их стороне*, думал он. *Моя же жизнь течет как река. Я сам как река – сменяющие друг друга моменты жизни, воспоминания... Ничего постоянного, ничего абсолютного!*

Он почувствовал, как лихорадка трясет его тело, как кружится голова и гулко грохочет сердце, мешая думать.

Нет, этот тип не собирается никому рассказывать о провале экологической программы в Китае. У него есть план, и он каким-то образом хочет использовать его, Жуана.

Ветер усиливался, и аэрокар, реагируя, принялся раскачиваться, переваливаясь с одного крыла на другое. Влажная свежесть, проникающая в машину через воздушные фильтры, насторожила Жуана. Имитируя просыпание, он застонал и сел.

Рин тронула его за руку:

– Как ты?

В ее голосе звучала озабоченность, но также и кое-что еще, что Жуан пока не смог определить. Отстраненность? Стыд?

– Мне так тепло, – прошептал он.

– Выпей воды! – И она поднесла к его губам фляжку.

Вода была прохладной, хотя должна была быть теплой. Часть ее потекла у Жуана по подбородку, и он понял, насколько слаб, несмотря на энергетический пакет. Чтобы проглотить воду, нужно было сделать усилие, которое забрало почти всю его энергию.

Я болен, подумал он. Очень болен...

Через прозрачную полосу на крыше кабины Жуан принялся смотреть вверх. Вид звездного неба заставил его на мгновение отвлечься от грустных мыслей. Ветер раскачивал аэрокар, и звезды, на которые глядел Жуан, танцевали в поле его обзора. Он почувствовал дурноту и, опустив голову, вдруг заметил огни на правом берегу.

– Трэвис, – прошептал он.

– Что?

Чен-Лу пытался понять, как давно проснулся Жуан и не слишком ли много лишнего он сболтнул, надеясь на крепкий сон и глубокое дыхание бразильца.

– Огни! – проговорил Жуан. – Вон там. Видите?

– Эти? Они сопровождают нас некоторое время. Это наши друзья присматривают за нами.

– Насколько широка здесь река?

– Метров сто.

– И как они нас видят? – спросил Жуан.

– А почему бы им не видеть нас в этом лунном свете?

– Может, опрыскать их пару раз?

– Будем экономить заряды, – покачал головой китаец. – После того, что мы учинили днем, еще одной битвы нам не вынести.

Неожиданно Рин сделала предупреждающий жест рукой.

– Я что-то слышу, – произнесла она. – Это не пороги?

Жуан выпрямился. На это нехитрое движение потребовалось столько усилий, что он испугался. *В таком состоянии я не смогу управлять аэрокаром, подумал он. А Трэвис и Рин не знают, как это делать.* Он услышал шипящий звук.

– Что это? – спросил Чен-Лу.

Жуан вздохнул и вновь откинулся в кресле.

– Что-то в реке, на мелководье. Слева от нас.

Звук становился громче, и вода словно жаловалась на что-то, что, лежа на отмели, мешает ей двигаться вольно и свободно.

Источник звука остался позади.

– А что будет, если мы наткнемся на что-нибудь такое правым поплавком? – спросила Рин.

– Конец прогулке, – усмехнулся Жуан.

Водоворот развернул аэрокар и стал медленно раскачивать его то вправо, то влево, словно маятник. Но вскоре поплавки наткнулись на рябь, и маятник остановился.

Темные джунгли проплывали мимо аэрокара, огоньки на берегу гипнотизировали, и Жуан чувствовал, как погружается в дремоту – даже если бы от этого зависела его жизнь, он бы не сумел побороть сон.

– Ночью я тоже буду охранять аэрокар, Трэвис, – сказала Рин.

– Интересно, почему наши друзья не беспокоят нас ночью, – произнес Чен-Лу. – Все это весьма любопытно.

– Но ведь они не спускают с нас глаз, – заметила Рин. И, выпрямившись в кресле, добавила: – Ложитесь спать, а я буду охранять.

– Охраняйте, но постарайтесь не сделать чего-нибудь еще.

– Что вы имеете в виду?

– Постарайтесь не заснуть, моя дорогая Рин.

– Идите ко всем чертям!

– Вы забыли – я не верю ни в ад, ни в чертей.

Жуан проснулся от звуков дождя. Неясный утренний свет наползал на остатки ночи. Когда стало достаточно светло, на фоне бледно-зеленых джунглей, простиравшихся вдоль левого берега, стали видны густые плотные струи дождя. Правый берег будто утонул в густом тумане. Дождь монотонно колотил по фонарю кабины и выбивал на поверхности воды бесчисленные маленькие кратеры.

– Ты не спишь? – спросила Рин.

Жуан выпрямился, чувствуя себя посвежевшим. Ясной была и голова.

– Давно идет такой дождь? – спросил он.

– С полуночи.

Сзади, откашлявшись, заговорил Чен-Лу:

– Уже довольно давно я не видел никаких признаков присутствия наших друзей. Может, им не нравится дождь?

– Это мне не нравится дождь, – усмехнулся Жуан.

– Почему? – спросила Рин.

– Река превратится в ревущий ад.

Он посмотрел на тучи, плывущие слева от них над кронами деревьев, и добавил:

– А если нас будут искать, то черта с два увидят.

Рин облизала губы.

– Как долго продлится этот дождь? – поинтересовалась она.

– От четырех до пяти месяцев, – сообщил Жуан.

Очередной водоворот развернул аэрокар. Береговая полоса потекла мимо взора Жуана – пальмы и кусты, чья интенсивная зелень была сглажена до пастельных тонов.

– Кто-нибудь выходил наружу? – спросил он.

– Я, – ответил Чен-Лу.

Жуан обернулся и увидел потеки дождевой воды на одежде китайца.

– Там ничего не было, кроме дождя, – сообщил тот.

Левая нога у Жуана начала зудеть. Он провел по ней рукой и почувствовал, что энергетический пакет исчез.

– Ночью у тебя начались мышечные спазмы, – пояснила Рин. – Я сняла его.

– Да, я крепко спал. – И, тронув Рин за руку, улыбнулся: – Спасибо, сестра!

Та отвела руку.

Удивленный Жуан посмотрел на нее, но Рин отвернулась и принялась разглядывать пейзаж за окном.

– Пойду-ка я, выйду, – сказал Жуан после минутной паузы.

– Сил хватит? – спросила она. – Ты был совсем слабый.

– Все нормально.

Жуан встал с кресла, шагнул к люку и, открыв его, вышел на понтон.

Теплый, освежающий кожу дождь заструился по его лицу. Он остановился на самом краю поплавок, наслаждаясь лившейся с небес влагой.

А в кабине Чен-Лу говорил:

– Почему бы вам не пойти и не поддержать его за руку, Рин?

– Вы – негодяй, Трэвис.

– Вы его любите?

Рин повернулась и злобно посмотрела на китайца.

– Что вам от меня нужно? – спросила она.

– Ваше содействие.

– В чем?

– Вы хотели бы иметь собственные изумрудные копии? Или, допустим, алмазные? Иметь состояние гораздо большее, чем можете сейчас представить?

– В уплату за что?

– Когда придет время, Рин, вы узнаете, что нужно делать. А пока – делайте из этого бандейранта послушную, податливую куклу.

Рин подавила ярость и отвернулась к окну. *Наши тела предают нас*, подумала она. *И тут являются такие вот Чен-Лу, которым принадлежит мир. Они нажимают кнопки, сгибают нас, выкручивают нам руки. Я не стану делать этого! Этот Жуан слишком мил, слишком хорош.*

Только почему он носит в кармане оружие?

Я мог бы убить ее и столкнуть Джонни в воду, размышлял Чен-Лу. *Но с этим аэрокаром мне не справиться. Нет опыта управления.*

Рин обернулась и, прищурившись, посмотрела на него.

Она должна будет выполнить мой приказ, думал Чен-Лу. *Я знаю ее слабые места, но тут я ей помогу.*

Вернулся Жуан и сел в кресло. С собой он принес в кабину свежий аромат дождя, хотя запах плесени внутри сохранялся и даже усилился.

Дождь понемногу стихал. Теплый влажный воздух заполнял пространство кабины. Облака цвета оружейного металла ползли по вершинам окружавших реку холмов, а каждое дерево было усыпано бисером дождевых капель.

Аэрокар раскачивался и крутился в мутно-коричневом потоке, сопровождаемый все большим и большим количеством плавника – деревьев, кустов, корней. Переплетаясь с травой, они составляли острова размерами с аэрокар.

Жуан дремал, размышляя об изменениях, произошедших с Рин. В мире, где связь между мужчиной и женщиной не выходила за рамки легкой, никого и ни к чему не обязывающей интрижки, он просто пожал бы плечами и отпустил остроумное замечание. Но он не хотел остеречь по поводу Рин. Она тронула в его душе струны, которые прежде не звучали.

Неужели это любовь?

В их мире уже не было места для романтической любви. Ценились лишь семья да честь, а все остальное сводилось к тому, чтобы делать правильные вещи и спасать то, что еще можно было спасти в ситуации, когда все разваливалось.

Жуан не находил простых способов решения этой проблемы. То, что его тянуло к Рин, было очевидно, но все осложнялось физической слабостью, туманившей ему голову и мешавшей мыслить ясно и определенно. Кроме того, сама ситуация, в которой они оказались, была безнадежной.

Я болен, думал Жуан. *Весь мир болен.*

Болен давно и серьезно.

Неожиданно раздался жужжащий звук, вырвавший Жуана из оцепенения. Он вскочил, сбросив с себя сон.

– Что случилось? – спросила Рин.

– Тихо, – прошептал Жуан и, подняв руку в предупреждающем жесте, склонил голову набок, прислушиваясь.

Чен-Лу подался вперед.

– Грузовик? – спросил он.

– Похоже на то, – кивнул Жуан. – И летит низко.

Он посмотрел на небо и начал уже открывать фонарь, когда Чен-Лу положил ладонь на его руку.

– Джонни! Смотрите туда, – произнес китаец и показал налево.

Жуан повернулся.

От дерева отделилось то, что поначалу выглядело как странное облако – широкое, густое идвигающееся вполне целенаправленно. Подлетев ближе, облако превратилось в скопище трепещущих крыльями белых, серых и золотистых насекомых. Они зависли на высоте в пятьдесят метров, прямо над аэрокар, и вода вокруг потемнела от отбрасываемой ими тени. Насекомые следовали вниз по течению, строго над аэрокар, закрывая его от обзора сверху.

Сразу поняв смысл этого маневра, Жуан повернулся к Чен-Лу и увидел его посеревшее лицо.

– Они сделали это... намеренно, – прошептала Рин.

– Но как такое возможно? – воскликнул Чен-Лу. – Как? Объясните!

Он заметил внимательный взгляд Жуана и замолчал. Ни в коем случае нельзя показывать этим дикарям своих эмоций, тем более страха. Китаец разозлился на себя, но виду не подал. Сев на место, он заставил себя улыбнуться и покачал головой.

– Ничего себе! – проговорил он. – Так натренировать насекомых! Это почти невероятно, но кто-то сделал это! Мы же имеем доказательства!

– Боже мой! – шептала Рин. – Боже!

– Прекратите ваше глупое бормотание, женщина!

И, уже произнося эту фразу, Чен-Лу понял, что взял неверный тон, а потому сказал помягче:

– Спокойно, Рин! Не нужно истерик! Они ни к чему не приведут.

Звук ракетных двигателей приближался.

– Вы думаете, это аэрокар? – спросила она. – Может быть...

– Да, это грузовой аэрокар бандейрантов, – объяснил Жуан. – Они переключились на альтернативную пару двигателей, чтобы сэкономить горючее. Слышите? Определенно, это бандейранты.

– Они ищут нас?

– Неизвестно. Но, так или иначе, они над облаками.

– И над нашими лучшими друзьями, – заметил Чен-Лу.

Пульсирующий контрапункт ракетных моторов отражался от склонов холмов. Отслеживая направление, в котором двигался грузовик, Жуан повернул голову. Звук уходил вверх по течению и постепенно слабел, заглушаемый шумом бегущей по руслу воды.

– А они не спустятся, чтобы поискать нас? – тихо спросила Рин.

– Они никого не ищут, – ответил Жуан. – Просто летят по своим делам, и все.

Рин посмотрела на облако насекомых, по-прежнему висящее над аэрокар. С данного расстояния и этой точки зрения облако казалось единым организмом – так тесно сблизились друг с другом составляющие его фрагменты.

– Мы можем их всех подстрелить! – воскликнула Рин и достала эжектор.

Жуан остановил ее, схватив за руку.

– Все равно на небе облака, – сказал он. – А у наших друзей больше подкреплений, чем у нас зарядов.

– Исход битвы был бы сомнителен, – вставил Чен-Лу.

– А если бы не было облаков? – не унималась Рин. – Уйдут ли они когда-нибудь?

– Могут разойтись днем, – произнес Жуан, стараясь говорить помягче. – В это время года подобное частенько случается.

– Они уходят! – крикнула Рин, показывая на облако насекомых. – Смотрите! Уходят!

Жуан увидел, как трепещущая масса начинает двигаться в сторону левого берега. Насекомые достигли береговой линии и исчезли в зарослях.

– Все, ушли! – сказала Рин.

– Это означает, что грузовик тоже ушел, – заметил Жуан.

Рин закрыла лицо ладонями и стала всхлипывать. Жуан попытался погладить ее по голове, чтобы успокоить, но она сбросила его руку.

Тебе следует привлекать его, а не отталкивать, подумал Чен-Лу.

– Мы должны помнить, как мы здесь оказались, – сказал Чен-Лу, – и что должны делать.

Рин выпрямилась, опустила руки и глубоко вздохнула.

– Нам надо занять себя, – продолжил китаец. – Вещами самыми обычными. Это поможет нам преодолеть страх, злость, нетерпимость. – Он помолчал и продолжил: – Я расскажу вам про оргию, на которую однажды попал в Камбодже. Нас было восемь человек, не считая женщин – бывший принц, министр культуры...

– Мы ничего не хотим знать про вашу чертову оргию, – поморщилась Рин.

Вот ее слабое место, подумал китаец. *Плоть! Она не хочет слышать ничего, что напоминало бы ей о ее собственной плоти. Хорошо, что теперь я это знаю.*

– Вот как? – усмехнулся он. – Ладно. Тогда расскажите нам про Дублин. Я люблю разговоры о людях, которые торгуют своими женами и любовницами, ездят на лошадях и притворяются, будто прошлое не умирает.

– Вы действительно ужасный человек, – сказала Рин.

– Отлично! – воскликнул Чен-Лу. – Можете ненавидеть меня, Рин, я разрешаю. Ненависть требует усилий и разгоняет скуку. Можно дать волю ненависти, когда размышляешь о таких вещах, как богатство и удовольствия. Бывают случаи, когда ненависть приносит больше выгоды, чем занятия любовью.

Жуан повернулся и внимательно посмотрел на китайца, на его неподвижные черты лица. *Этот человек использует слова как оружие,* подумал он. *Манипулирует людьми с помощью фраз. Неужели Рин этого не понимает? Наверное, нет, потому что китаец ее для чего-то использует. Размахивает ею как мечом.*

Жуан вдруг замер, пораженный сделанным открытием.

– Вот вы смотрите на меня, Джонни, – произнес Чен-Лу. – И что вы видите?

Чтобы разыграть партию, нужна пара игроков, подумал Жуан и ответил:

– Я вижу человека, занятого серьезной работой.

Чен-Лу усталился на Жуана. Меньше всего он ожидал таких слов, вроде бы ни к чему не обязывающих. Он напомнил себе, как трудно контролировать людей, которые по отношению к тебе не имеют никаких обязательств. Как только обязательства появляются, ими можно крутить и вертеть в разные стороны. Но если человек держится отстраненно, экономит энергию...

– Вы полагаете, что понимаете меня, Джонни? – спросил китаец.

– Нет, вас я не понимаю, – отозвался Жуан.

– Неужели? – усмехнулся Чен-Лу. – Я ведь такой простой. Меня совсем несложно понять.

– А вот это – одно из самых странных заявлений, которые только можно услышать.

– Вы надо мной издеваетесь? – спросил Чен-Лу, с трудом подавляя волну гнева.

– Как я могу издеваться, если я вас не понимаю?

- Что-то на вас нашло. Вы ведете себя как-то по-другому.
- Вот теперь мы понимаем друг друга.

Да он смеется надо мной, подумал Чен-Лу. Он – надо мной! И спросил себя – а не убить ли мне этого идиота?

– Смотрите, как легко мы занялись делом и забыли про наши неприятности, – произнес Жуан.

Рин покосилась на Чен-Лу. Улыбка скользнула у китайца по губам. *Он говорил все это из-за меня, подумала она. Богатство и удовольствия – вот цена. А что я за это обязана отдать?* Она посмотрела на Жуана. *Да, я должна буду подать ему этого бандейранта на блюде. И он распорядится Жуаном так, как сочтет нужным.*

Аэрокар плыл по реке кормой вперед, и взгляд Рин был устремлен вверх по течению – на холмы, которые медленно исчезали в низко плывущих облаках. Она подумала: *Почему я вообще волнуюсь по этому поводу? У нас ведь никаких шансов. Есть лишь настоящее, и из него нужно извлечь все удовольствия, которые только можно получить.*

- Похоже, нас накренило вправо, вам не кажется? – спросил Жуан.
- Наверное, самую малость, – отозвался Чен-Лу. – Поплавок протекает?
- Не исключено.

- А у вас среди оборудования есть насос?
- Можно использовать головку от ручного эжектора.

Рин посмотрела на контуры оружия в кармане Жуана и сказала:

- Не хочу, чтобы они поймали меня живьем.
- Опять мелодрама! – усмехнулся Чен-Лу.

– Оставьте ее, – попросил Жуан и погладил Рин по руке. После чего внимательно осмотрел оба берега и спросил: – Интересно, а почему они нас оставили?

- Нашли более удачное место, – ответила Рин. – Поджидают там.

– Ждать самого плохого уже не приходится, – заметил Чен-Лу, – поскольку оно уже случилось. Не исключено, что им нужны наши головы – как аборигенам, жившим здесь в древности.

– Вы просто мастер разрядить обстановку, – произнес Жуан. – А теперь снимите и подайте мне головку от ручного эжектора.

- Уже выполняю, шеф, – насмешливо проговорил китаец.

Жуан взял сделанный из металла и пластика миниатюрный насос, направился к заднему люку и вышел наружу. Осмотрелся. Никаких признаков насекомых, хотя и было ясно, что они за ним наблюдают.

Ниже по течению, километрах в пяти-шести, над потоком и деревьями вздымалась скала, вероятно, перегородившая реку. *Базальт, подумал Жуан. И реке каким-то образом приходится преодолевать это препятствие.* Он наклонился над правым поплавком, открыл инспекционный клапан и сунул внутрь шланг от насоса. Раздался глухой плеск. Жуан закрепил насос за край клапана и вручную несколько раз нажал на его рычаг. Тоненькая струйка воды, горько пахнущая ядом, потекла в реку.

Из джунглей раздался визгливый крик тукана, а потом Жуан услышал доносившееся из кабины мурлыканье Чен-Лу. *Интересно, о чем он говорит, когда я здесь,* подумал Жуан.

Он поднял голову и увидел, что речной поворот был значительно шире, чем он ожидал, и течение уносило аэрокар в сторону от скалы. Но никакой радости это обстоятельство Жуану не принесло – река может унести аэрокар на сотню километров прочь, а затем, сделав петлю, вернуть в точку, которая находится в километре от его нынешнего положения.

Голос Рин раздался неожиданно громко, и слова ее ясно прозвучали во влажном воздухе:

- Вы – сукин сын!
- Предки не играют никакой роли в моей стране, Рин, – ответил Чен-Лу.

Насос высасывал воду с хлопанием, и в этом звуке утонули слова Рин. Закрыв отверстие клапана, Жуан вернулся в кабину аэрокара.

Рин сидела, сложив руки и глядя перед собой. Красные пятна на шее свидетельствовали о том, что она в ярости. Жуан пристроил насос в углу рядом с люком и посмотрел на китайца.

– В поплавке была вода, – заявил тот с невинным видом. – Я ее слышал.

Еще бы ты не слышал, подумал Жуан. В какую игру вы играете, доктор Трэвис Хантингтон Чен-Лу? Вы это делаете от скуки? Издеваетесь над людьми, желая развлечься? Или там кроется нечто более серьезное? Жуан устроился в своем кресле.

Аэрокар, пританцовывая на ряби, образованной водоворотами, развернулся носом вниз по течению, туда, где пучок солнечных лучей, пробив облака, упал на поверхность воды. Вскоре тучи разошлись, и показались широкие полосы синего неба.

– А вот и солнце, – сказала Рин. – Старое доброе солнце, в нем у нас уже нет нужды.

В чем у Рин появилась нужда, так это в мужской поддержке, которую она и получила, положив голову Жуану на плечо.

– Будет страшно жарко, – прошептала она.

– Если вы хотите остаться вдвоем, – усмехнулся Чен-Лу, – то я выйду.

– Не обращай внимания, – посоветовала Рин.

Не обращать внимания? А имею ли я право, подумал Жуан. Или в этом ее цель – заставить меня не обращать на Чен-Лу никакого внимания?

Волосы Рин пахли мускусом, и этот запах лишил Жуана способности соображать. Он глубоко вздохнул и покачал головой. Что же это за женщина, это вечно меняющееся, словно ртуть, существо?

– У тебя было много девушек? – спросила Рин.

Ее слова пробудили обрывки воспоминаний, которые молнией пронесли в сознании: лукавство в карих глазах... глаза, глаза, глаза... Такие разные и такие похожие. И роскошные фигуры в тесных одеждах или на белоснежных простынях, теплые под его ладонями.

– И была какая-нибудь одна, особенная? – не унималась Рин.

А Чен-Лу не вполне понимал, зачем Рин это делает. Ищет самооправдания, причины, чтобы поступить с бразильцем так, как велел он, Чен-Лу?

– Я был очень занят, – произнес Жуан.

– Кто же спорит?

– Что ты хочешь узнать?

– Там была девушка, в Зеленой зоне... спелая, как плод манго. Она тебе нравится?

Жуан пожал плечами, но Рин не шелохнулась. Лежа на его плече, она смотрела вверх, на линию его нижней челюсти, лишенной растительности. В нем течет индейская кровь. Никакой бороды – индейская кровь.

– Она красивая? – продолжила Рин.

– Есть много красивых женщин.

– Она из тех – смуглокожих, с полной грудью, верно? Ты с ней спал?

А Жуан подумал: что она имеет в виду? Что мы трахаемся со всеми без разбора?

– Ты джентльмен, – усмехнулась Рин. – Джентльмены на подобные вопросы не отвечают.

И, отодвинувшись от Жуана, она забилась в уголок своего кресла, злясь на весь мир и не понимая, зачем она это сделала. Просто решила поиздеваться над собой? Или она действительно хочет этого Жуана Мартино взять себе на веки вечные, пока смерть их не разлучит? Черт бы его побрал!

– Во многих семьях здесь установлены весьма строгие правила для женщин, – сказал Чен-Лу. – Вполне викторианские.

– Вы можете вести себя, как человек, Трэвис? – поморщилась Рин. – Хотя бы раз в десять лет?

– Замолчите! – рявкнул китаец, удивленный и раздосадованный. Вот стерва! Кто дал ей право так говорить с ним?

Вот оно что, подумал Жуан. *Рин наступила ему на больную мозоль!*

– Кто сделал вас таким, Трэвис? – произнесла она.

Но Чен-Лу уже успокоился.

– У вас острый язычок, Рин, – заметил он. – Жаль только, что ум ваш за ним не поспевает.

– Просто мой ум не соответствует вашим стандартам, – парировала она и улыбнулась Жуану.

Но Жуан в их словах уловил тщательно скрываемую грусть и вспомнил Виеро, Падре, который таким торжественным тоном говорил, проповедуя: «Человек скорбит о своей жизни, потому что рожден одиноким; он оторван от того, кто его создал. Однако, как бы вы ни ненавидели жизнь, вы ее же и любите. Жизнь – это котел; там кипит все, ради чего мы живем, и, припадая к этому котлу, мы пьем жизнь. Но как же болят после этого наши обожженные губы!»

Жуан притянул Рин к себе и поцеловал, крепко обняв за плечи. Ее губы ответили на поцелуй после коротких колебаний – горячие, трепещущие. И тут же, отодвинувшись от нее, Жуан сел, прижавшись спиной к креслу.

Восстановив дыхание, Рин удивленно спросила:

– Ну, и что это было?

– В каждом из нас живет небольшое животное, – ответил Жуан.

Чен-Лу размышлял: *Он что, меня защищает? Я не нуждаюсь в его помощи.*

Но Рин рассмеялась, развеяв злость китайца. После этого она протянула руку и, погладив Жуана по щеке, воскликнула:

– Как же ты прав!

А Чен-Лу подумал: *Она просто выполняет свою работу. Причем на «отлично». Филигранное искусство. Жаль, если мне придется ее убить.*

IX

Какие же они мастера нагружать себя всякими пустяками, думал мозг. Даже перед лицом смертельной опасности спорят, занимаются любовью и изрекают банальности.

Преодолевая дождь и жару, которые сменяли друг друга по ту сторону входа в пещеру, являлись с сообщениями курьеры. Теперь, когда сомнения исчезли, а главное решение принято, все команды отдавались четко и ясно, без колебаний:

– Поймать или убить человеческие существа, плывущие по реке. В случае их смерти сохранить головы, поддерживая в них жизнь.

Тем не менее сообщения продолжали поступать, поскольку мозг приказал передавать ему все, о чем говорили люди.

Они так много рассуждали о Боге! Но возможно ли существование этой сверхсущности?

И мозг принялся размышлять. Да, действительно, в свершениях людей есть некое величие, которое никак не вяжется с пустячностью их повседневных забот и поступков. А может, их повседневность есть некий код? Но это верно лишь в том случае, если в пустяках, какими они заняты, да и в самих разговорах о Боге содержания скрыто гораздо больше, чем заметно на поверхности.

Мозг начал свою карьеру в сфере логики как атеист-прагматик. Но теперь сомнения стали вторгаться в его калькуляции, а их он относил к эмоциям.

Однако этих людей нужно остановить, думал мозг. Какими бы ни были издержки. Дело слишком серьезное. Нельзя принимать во внимание и то, насколько интересна и даже симпатична ему эта троица. И, если они погибнут, мозг попытается почувствовать, что это такое – скорбь и печаль.

Рин казалось, будто их аэрокар плавает в самом центре большого медного таза, наполненного расплавленным солнцем. Кабина превратилась во влажный ад. Пот покрывал лицо и тело, а запах тел смешивался с всепроникающим запахом плесени. Духота убивала способность думать и воспринимать, хотя и воспринимать было нечего – с берегов не доносилось ни шороха, ни крика животного или птицы.

Лишь изредка их путь пересекало летящее насекомое, напоминая, что за ними неустанно следят.

О, если бы не было этих тварей! Чертовы насекомые! И эта жара – проклятая жара!

Почти в истерике Рин закричала:

– Разве нельзя что-нибудь сделать? – И принялась сотрясаться в пароксизме безумного смеха.

Жуан схватил ее за плечи и держал, пока смех не перешел в рыдания.

– Ну, пожалуйста, сделай что-нибудь, – умоляла Рин.

Жуан вложил в свой голос все сочувствие, на которое был способен, и сказал:

– Прошу тебя, Рин! Держи себя в руках.

– Чертовы насекомые! – не унималась она.

Раскатистый голос Чен-Лу донесся сзади:

– Не забывайте, доктор Келли, что вы все-таки энтомолог. Жуки, бабочки, тараканы – ваша специализация.

– От этой специализации у меня самой тараканы уже в голове, – отозвалась она.

Мысль показалась Рин забавной, и она рассмеялась. Жуан тряхнул ее за плечо, и она успокоилась. Протянула ладонь, взяла его за руку и произнесла:

– Все нормально. Это просто жара.

Жуан посмотрел ей в лицо:

– Точно?

– Да.

Отпустив руку Жуана, Рин забила в уголок кресла и принялась смотреть в окно.

Проплывающие берега оказывали на мозг гипнотическое воздействие. Это напоминало движение времени, где прошлое, настоящее и будущее сплавлены воедино: то, что было вчера, еще не вполне забыто; тот момент, когда начнется завтра, определить невозможно; и все, что было, есть и будет, сливается в текущем, всепроникающем *всегда*.

Что заставило меня пойти по этой дорожке? И, словно отвечая на вопрос, в сознании Рин выстроилась полная последовательность событий, которые, как ей казалось, навеки похоронены в ее детстве.

Ей было шесть лет, и этот год ее отец провел на американском Западе, работая над книгой об Йоханне Келпиусе, немецком мистике и ботанике.

Они жили в старом саманном доме, где на стене было гнездо летучих муравьев. Отец нанял человека, чтобы тот вынес и сжег гнездо, и Рин решила подсмотреть, как это произойдет. Был запах керосина, яркая вспышка желтого огня, черный дым и облако насекомых с бледными крыльями, которые в одну секунду облепили ее с ног до головы. С громкими криками она бросилась в дом, где взрослые руки затолкали ее в туалет, а злые взрослые голоса закричали:

– Что за глупость! Притащить этих тварей домой! Немедленно убей всех до одного и спусти в унитаз! И чтобы ни одного не осталось!

Рин, как ей тогда казалось, целую вечность билась в закрытую снаружи дверь и кричала:

– Они не умирают! Они не умирают...

Рин покачала головой, пытаясь стряхнуть воспоминания.

– Они не умирают, – прошептала она.

– Что? – спросил Жуан.

– Ничего. Который час?

– Скоро стемнеет.

Не отрываясь, Рин смотрела на проплывающий берег. Древовидные папоротники и капустные пальмы стояли наполовину в поднимающейся воде. Но река здесь была широкой, а течение на фарватере быстрым, и аэрокар легко продвигался вперед. В ажурной тени прибрежной растительности Рин различала мелькание цветных пятен и точек. *Это птицы*, с надеждой думала она.

Но, кем бы они ни были, эти точки мчались вдоль берега так быстро, что она ощущала их присутствие уже после того, как они исчезали.

Тяжелые черные тучи заполняли восточную часть неба. В подбрюшье у них сверкали молнии, сопровождаемые раскатистым громом, напоминающим удары молота о наковальню.

Река, джунгли, небо, тучи – все ждало чего-то. Бурные потоки мутной воды, словно извивающиеся змеи, кружили вокруг аэрокара, толкая его взад и вперед, вправо и влево. Ожидание затягивалось.

Слезы заскользили по щекам Рин, и она принялась их утирать.

– Что-нибудь случилось, моя дорогая? – спросил Чен-Лу.

Рин хотела рассмеяться, но сообразила, что смех лишь спровоцирует новый взрыв истерики.

– Конечно, случилось, – ответила она. – И, если бы вы не были сукиным сыном, я бы объяснила, что именно.

– Ясно, – кивнул китаец, – вы все еще в боевом настроении.

Подсвеченная снизу черная туча навалилась на реку, сгладив все контрасты и острые углы. Жуан наблюдал, как полоса дождя, подгоняемая порывами ветра, приближается к аэрокару. Сверкнула молния, и тотчас же взревел гром, на который с левого берега истошно отозвались обезьяны-ревуны. Их крик эхом прокатился над водой.

Темнота овладевала рекой. На несколько мгновений тучи на западе расступились, и взору пассажиров аэрокара явился кусок чистого неба, бирюзовые тона которого плавно переходили в желтизну и винный пурпур, подобный цвету одеяний католического кардинала. В черной маслянистой воде блеснули последние лучи солнца, провожаемые огненным плюмажем молнии.

Дождь с неумолимой силой ударил в фонарь кабины, утопив береговую линию в сером тумане. Ночь накрыла аэрокар.

– Господи, – шептала Рин. – Мне страшно. Мне страшно...

Жуан вдруг понял, что у него нет слов, чтобы успокоить ее. Мир, в каком они оказались, который противостоял им, не умещался в доступном им словаре человеческого языка, и все, что они чувствовали и тщетно хотели выразить, превратилось в стихии, неотличимые от реки и ее дыхания.

В ночи раздались кваканье лягушек и шуршание струившейся сквозь камыши воду. Тьма была кромешной, и только по этим звукам Жуан определил, что аэрокар вынесло к берегу. Вскоре кваканье и шорох воды заглухли, и вновь вокруг них свистели упругие струи дождя, которые стегали реку, мелкой волной бившуюся о поплавки аэрокара.

– Как это странно – быть объектом охоты, – произнес Чен-Лу.

Слова долетели до Жуана так, будто исходили из некоего бестелесного источника. Он попытался вспомнить, как выглядит китаец, и был страшно удивлен, когда ему это не удалось. Поискав в своей памяти хоть что-нибудь, что можно было бы сказать по случаю, он проговорил:

– Мы пока живы.

Спасибо, Джонни, подумал Чен-Лу. Именно такая глупость мне и была нужна, чтобы выстроить все в должной перспективе. Он усмехнулся, размышляя. *Страх – цена, которую мы платим за право пользоваться нашим главным сокровищем – умом. В страхе нет слабости; страх – в ее демонстрации. Добро, зло... Все зависит от точки зрения, и неважно, есть Бог на свете или нет.*

– По-моему, нам следует бросить якорь, – сказала Рин. – А если мы в такой темноте наткнемся на пороги? Вы что-нибудь слышите под этим дождем?

– Она права, – кивнул китаец.

– Хотите пойти и попробовать, Трэвис? – спросил Жуан.

Чен-Лу почувствовал, как у него сразу пересохло в горле.

– Действуйте! – воскликнул Жуан.

Нет в слабости страха, есть слабость в его демонстрации, подумал китаец. Он представил, что его может ожидать в темноте – например, одно из тех созданий, что они видели на берегу. *Каждая секунда задержки с ответом,* понимал Чен-Лу, *выдавала его.*

– Ночью гораздо опаснее открывать люк, чем просто дрейфовать... и слушать, – объяснил Жуан.

– У нас на крыльях есть фонари, – произнес китаец. – На тот случай, если мы что-нибудь услышим.

В душе Чен-Лу понимал, насколько пусты его слова и легковесны.

Он разозлился, и злость серией горячих бархатных взрывов буквально разлилась по его венам. И, вместе с тем, внутри оставалась зона неизвестного, место, где царил алчущий покой, который даже в полной темноте нес воспоминания о своем торжестве. *Страх отбрасывает прочь любое притворство,* подумал Чен-Лу.

Я не был до конца честен с самим собой.

И, словно эта мысль отбросила его за угол, он неожиданно предстал перед самим собой, как в зеркале. Он был одновременно и сущностью, и ее отражением. Внезапно обретенная ясность ума открыла перед его мысленным взором воспоминания прошлого, и прожитая жизнь

привиделась ему тканью, стекающей с ткацкого станка – иллюзия и действительность в одном одеянии.

Но это ощущение исчезло, оставив лишь лихорадочную дрожь, да чувство невосполнимой потери.

У меня запоздалая реакция на яды, подумал Чен-Лу.

– Оскар Уайльд был претенциозным ослом, – сказала Рин. – Никакой особой смелости не нужно, чтобы умереть столько раз, сколько раз живешь.

От этих слов ярость поднялась в душе Чен-Лу. Даже Рин пытается его защитить.

– Вы, богобоязненные глупцы, – прорычал он. – Кому нужны ваши молитвы и псалмы? Нет Бога без человека! Если бы не человек, вряд ли Бог узнал бы о своем существовании. А если он и существует, то наша вселенная – его самая большая ошибка!

Китаец замолчал, задыхаясь, словно долго и напряженно работал или бежал.

Мощный дождевой заряд ударил в фонарь, будто некий ответ, дошедший с небес, после чего сменился более мягким шелестом.

– Вот вам, законченный атеист! – воскликнула Рин.

Жуан посмотрел в темноту, откуда донеслась эта реплика, и неожиданно разозлился. Ему стало стыдно за ее слова. Выходка Чен-Лу показала, что этот внешне непробиваемый китаец, по сути, одинок и незащищен. То, что он сказал, следовало проигнорировать – комментарий придал этим фразам ненужную значимость и весомость. Жуан чувствовал, что Рин лишь загнала Чен-Лу в угол.

Жуан вспомнил эпизод из своей жизни в Северной Америке, когда они с однокашником решили провести каникулы в Северном Орегоне. Они охотились на перепелов вдоль загородки, разделявшей смежные поля, когда пара тигровых гончих, принадлежавших приятелю Жуана, неожиданно подняла тощую самку койота и начала ее преследовать. Койот увидел охотника и метнулся от него влево, но оказался зажатым в углу загородки.

Не видя иного выхода, койот, которого считают символом трусости, напал на гончих и изодрал их в лоскуты, отчего те пустились прочь, зажав хвосты между ногами. Пораженный этой сценой, Жуан позволил зверю уйти.

Вспомнив это, Жуан осознал положение, в каком оказался Чен-Лу, и мог предвидеть возможные пути его развития. Кто-то или что-то загнал китайца в угол. А вдруг он поступит так же, как орегонский койот?

– Я лягу спать, – сказал Чен-Лу. – Разбудите меня в полночь. И, пожалуйста, не отвлекайтесь слишком сильно, а то ничего не увидите.

Пошел к черту, подумала Рин. И, нисколько не заботясь о тишине, перебралась со своего кресла в кресло Жуана.

– Часть наших сил должна расположиться ниже порогов, – велел мозг, – на тот случай, если человеческие существа вновь сумеют избежать сети. На сей раз их необходимо задержать.

Мозг добавил к тексту приказа специальный символ, который должен поддержать курьеров и боевые группы в состоянии максимальной готовности к действиям.

– Передайте микрокиллерам самые тщательные инструкции, – продолжил он. – Если машина преодолеет сеть и благополучно минует пороги, все люди должны быть убиты.

Золотистые курьеры подтвердили получение приказа, станцевав на потолке несколько па, после чего вылетели из пещеры в сумерки, готовившиеся стать ночью.

Эти трое были очень интересны, и мозг получил от них много новой информации, но все когда-то должно закончиться. В его распоряжении есть и другие человеческие существа... А чувствам не место в логических операциях!

И все-таки эти мысли пробудили в мозге вновь освоенные эмоции, причем настолько сильно, что насекомым-нянькам пришлось применить немало стараний, чтобы купировать излишнее возбуждение, возникшее в отделах мозга, за которые они отвечали.

Пока же мозг отложил в сторону все, что было связано с троицей в аэрокаре, и обратился к тревожным мыслям о судьбе симулякров, которых его приказы занесли далеко за барьеры.

В программах человеческого радио о симулякрах и их обнаружении не говорилось ни слова. Но это ни о чем не свидетельствовало – подобные сообщения могли подвергнуться цензуре. Если симулякров не найдут и вовремя не предупредят, они выйдут и обнаружат себя. Опасность велика, а времени мало.

Возбуждение росло, и няньки прибегли к средству, к которому обращались крайне редко. Были принесены и использованы наркотики, ввергшие мозг в летаргический полусон, где он увидел себя человеком, идущим по воображаемой тропе с винтовкой в руке.

Но даже во сне беспокойство не отпускало мозг – он боялся упустить дичь. И с этим няньки уже ничего поделать не могли.

Проснувшись на рассвете, Жуан увидел, что река закрыта плотным туманом. Тело его затекло, а конечности свело судорогой; голова, словно забитая пушистой ватой, напоминавшей висевший над водой туман, соображала плохо. Небо над аэрокаром было цвета платины.

Впереди по курсу маячил призрачный остров. Течение подхватило аэрокар и понесло в правую протоку, мимо завала, который образовался из-за застрявшего на стрелке острова нагромождения стволов, кустов и охапок травы.

Аэрокар явно кренился на правый борт. Жуан понимал, что должен пойти и откачать воду. Сил для этой операции у него хватит. Мало сил только для того, чтобы заставить себя встать и заняться делом.

– Когда закончился дождь? – раздался голос Рин.

– Перед рассветом, – с кормы ответил Чен-Лу. Он закашлялся и сообщил: – наших маленьких друзей по-прежнему не видно.

– Мы кренимся вправо, – сказала Рин.

– Я как раз собирался этим заняться. Джонни! Полагаю, мне нужно сунуть насос в поплавки и работать ручкой?

Жуан сглотнул, удивленный тем, насколько он благодарен китайцу за то, что Чен-Лу вызвался заняться поврежденным поплавком.

– Джонни!

– Да... Да, именно так, – кивнул Жуан. – У инспекционного клапана простой цупферный замок. Не возникнет никаких проблем. – И, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза.

Чен-Лу через люк выбрался наружу.

Рин посмотрела на Жуана. Каким же усталым он выглядит! Под глазами черные тени. *Мой последний любовник*, подумала она. Мысль смутила ее, и она с удивлением обнаружила, что не находит в душе никаких теплых чувств в отношении человека, который этой ночью вновь пробудил в ней всепоглощающую страсть. Ею овладела грусть, которую ощущают любовники после бурно проведенной ночи, и Жуан ей показался очередным случайным партнером, задержавшимся около нее, чтобы разделить несколько мгновений взрывной радости. Только и всего. В этих мыслях не было любви. Однако не было и ненависти.

Чувства ее были холодны и начисто лишены эротики. Да, они разделили эту ночь, но настало утро, и то, что их связывало, исчезло, не оставив даже послевкусия.

Рин отвернулась и посмотрела на реку. Туман рассеивался. Через его тонкую дымку она увидела огромную базальтовую скалу, возвышавшуюся над джунглями километрах в двух ниже по течению. Сзади слышались звуки насоса, и аэрокар понемногу возвращался в горизонтальное положение.

Вскоре вернулся Чен-Лу, и вслед за ним в кабину проникла влажная свежесть раннего утра. Но люк был задраен, и ощущение свежести исчезло.

– Снаружи прохладно, – произнес он. – Что показывает альтиметр, Джонни?

Жуан открыл глаза и взглянул на приборную доску:

– Шестьсот восемь метров.

– Как далеко мы уплыли?

Жуан молча пожал плечами.

– Километров сто пятьдесят? – спросил китаец.

Жуан посмотрел на проплывающие мимо затопленные берега, корявые корни деревьев и кивнул:

– Вероятно.

Чен-Лу ощущал необычный прилив энергии. И страшно хотел есть. Вытащив пакеты с едой, он распределил их между спутниками, после чего стал завтракать, с волчьей жадностью поглощая пищу.

Мощный вал дождя ударил в аэрокар. Машина развернулась и клонула носом. Следующий удар был нанесен порывом ветра. Аэрокар задрожал и закачался на хлюпающих волнах. После нескольких новых порывов ветер наконец стих, зато дождь полил плотной стеной, уничтожив все цвета на растительности, окружающей реку.

Жуан рассматривал сложенный из пестрого гранита берег, проплывавший мимо, словно фон некой сюрреалистической картины. Река здесь разлилась на километр, ее коричневая поверхность была покрыта бурунами и водоворотами, и по ней неслись стволы деревьев, плавающие острова, поросшие осокой, куски бревен.

Неожиданно аэрокар дернулся и накренился. Что-то под ним заскрежетало и застучало. Жуан затаил дыхание в страхе, что с правого поплавок сорвет заплату, и ничем не удерживаемая вода хлынет внутрь.

– Отмель? – спросил Чен-Лу.

Огромный топляк вывернулся из глубины и, развернувшись, вновь ушел под воду, будто живое существо.

– Поплавок, – прошептала Рин.

– Похоже, выдержал, – отозвался Жуан.

В это время зеленый жук приземлился на поверхность ветрового стекла, пошевелил своими антеннами и улетел.

– Им все интересно, что с нами происходит, – усмехнулся Чен-Лу.

– А это бревно! – воскликнула Рин. – Вам не кажется, что...

– Теперь я готов поверить во что угодно, – произнес китаец.

Рин закрыла глаза, бормоча:

– Как я их ненавижу! Ненавижу!

Дождь стих, и лишь отдельные капли бомбардировали поверхность воды и стекло фонаря. Рин открыла глаза и увидела белесые полосы, прорывающие плотно висящие тучи.

– Погода улучшается? – спросила она.

– Какое это имеет значение? – проговорил Чен-Лу.

Жуан посмотрел на прибитую дождем траву слева от реки. Позади прогалины, на расстоянии двухсот метров, зеленели джунгли.

Неожиданно из джунглей появилась фигура, напоминающая человека. Она стала приветливо махать рукой пассажирам аэрокара и вскоре скрылась из виду.

– Что это было? – спросила Рин, и в ее голосе вновь зазвучали истеричные нотки.

Расстояние до фигуры было немалое, и сказать что-либо наверняка было нельзя, но то, что Жуан увидел, было похоже на Падре.

– Виеро, – произнес он.

– Вряд ли, – отозвался со своего места Чен-Лу. – Вы же не предполагаете, что...

– Я не предполагаю ничего!

Вот как! Бандейранту приходит конец, подумал китаец.

– Я что-то слышу, – сообщила Рин. – Вероятно, это пороги.

Жуан выпрямился в кресле и напрягся. До его ушей долетел слабый рокот.

– Наверное, это ветер в кронах деревьев, – сказал он, хотя понимал – это не ветер.

– Это точно пороги! – воскликнул Чен-Лу. – Видите скалу?

В этот момент мощный порыв ветра вздыбил воду перед аэрокар, а заряд дождя накрыл скалу мокрым саваном. Дождь надвинулся на аэрокар и принялся стегать его своими струями, барабана по фонарю. Так же быстро ветер стих, а течение потащило их вперед. Дождь прекратился, и река, испещренная бурунами и водоворотами, открылась перед ними, подобная скатерти, разложенной на зеркальном столе.

Аэрокар показался Чен-Лу игрушкой, сплюсненной по злой воле ведьмы и потерявшейся среди необъятных просторов наводнения.

И над всем этим возвышалась скала, с каждой секундой она становилась выше и мощнее.

Чен-Лу медленно покачивал головой, не понимая, откуда ему известно то, что их ждет по ту сторону скалы. Он чувствовал себя запертым в ящике с душно-влажным воздухом, и этот ящик выкачивал из него остатки жизни. С берегов, залитых водой, доносился густой запах живой и мертвой субстанции, затхлости и гниения. И этот запах, казалось, предупреждал: «Они ждут вас... ждут впереди...»

– Получится ли поднять аэрокар? – спросил Чен-Лу.

Жуан покачал головой:

– Вряд ли я оторву его от воды.

Он вытер пот со лба, закрыл глаза и пережил очередное кошмарное ощущение – словно проспал все путешествие ровно до этого места, а теперь проснулся.

Жуан открыл глаза. Рев порогов становился громче, но вспененной воды пока не было. Стая золотоклювых туканов взмыла облаком с ветвей пальм, перед поворотом реки, оглашая окрестности каким-то собачьим лаем. Но вот они исчезли, а шум порогов усилился. Скала возвышалась над пальмами сразу за поворотом.

– У нас есть горючего минут на шесть, – произнес Жуан. – Мы пройдем поворот с включенными двигателями.

– Согласен, – кивнул китаец и пристегнулся.

Услышав щелчок, то же самое сделала и Рин.

Жуан нащупал на кресле замок своего пояса безопасности и, пристегиваясь, принялся изучать приборную доску. Его руки задрожали, когда он подумал о том, как аккуратно нужно давать газ. *Я делал это уже два раза*, напомнил он себе. Но это его не успокоило. Жуан знал, что силы на исходе – не только физические, но и душевные.

От левого берега, где река ускоряла движение к порогам, шел мощный поток, вода в нем сияла и искрилась. Жуан посмотрел вверх и увидел, как сквозь тучи проглядывает синее небо. Он глубоко вдохнул, нажал кнопку зажигания и начал отсчет.

Контрольная лампа на панели управления погасла. Жуан подал ручку газа вперед. Моторы взревели, после чего перешли на плавный рокот. Аэрокар принялся набирать скорость и затанцевал на струе потока. При этом его правый, тяжелый от набранной воды поплавок заставлял машину крениться, а сам поплавок тяжело хлюпал о поверхность реки.

Он никогда не взлетит, думал Жуан. Аэрокар, раскачиваясь и натужно гудя моторами, вывернул из-за поворота, и перед ним, в километре вниз по течению, во весь свой исполинский рост встала базальтовая скала.

– Господи, – выдохнул Жуан.

Рин схватила его за руку и закричала:

– Поворачивай назад! Поворачивай!

Река не огибала скалу, а стремительно неслась сквозь огромное, с угловатыми краями отверстие, будто вырубленное в базальте гигантским топором. У самого основания скалы вода, сжатая тесниной, билась в бешеной агонии.

– Назад дороги нет! – крикнул Жуан.

И все-таки рука его колебалась. Нажать до отказа и рискнуть? Может, двигатели не взорвутся? А есть ли у них альтернатива? Жуан увидел, как волны в теснине вздыбливаются над подводными скалами, поднимая вверх облака молочно-янтарного тумана.

Движением скорее конвульсивным, чем выверенным, Жуан дослал рычаг вперед, до отказа. Шум воды потонул в реве ракетных двигателей. Жуан взмолился, обращаясь к правому поплавку аэрокара:

– Только выдержи! Только выдержи!

Аэрокар резко приподнялся над водой и заскользил на поплавках все быстрее и быстрее. И в этот момент Жуан заметил движение на обоих берегах у самого края потока. Нечто, подобное змее, с которой капает вода, возникло из реки и загородило вход в отверстие.

– Еще одна сеть! – воскликнула Рин.

Жуан увидел сеть отстраненно, словно во сне. Он понимал, что ее не избежать. Аэрокар проскочил над водоворотом и появился прямо перед ней на открытой гладкой воде. Жуан разглядел ячейки, увидел, как по ту сторону сети вода, переваливая через камни, мощными прядями низвергается вниз.

Аэрокар влетел в сеть. Сила инерции была столь велика, что сеть растянулась и, не выдержав, начала рваться. Жуана бросило вперед, но ремни безопасности откинули его назад с такой силой, что ему показалось, будто ребра его разлетелись на куски. Раздался громоподобный скрежещуще-рвущий звук, и аэрокар вырвался из сети. Однако моторы сразу заглохли – либо в них попала вода, либо они были уже неспособны всасывать горючее. Рев воды заполнил кабину аэрокара.

Жуан ухватился за ручку управления и огляделся. Аэрокар бешено вращался, но Жуану казалось, что это весь мир крутится вокруг него – черная стена, зеленая линия джунглей, белая пена вздыбленной воды, вновь черная стена...

Подхваченная боковой струей, машина отлетела направо, на обсидиановый выступ, нависший над потоком. Скрежет металла слился с ревом несущейся воды.

Рин что-то кричала, но ее слова поглотил грохот воды. Аэрокар отскочил от стены, развернулся и перепрыгнул сразу через две ступени порогов. Металл днища и поплавков жалобно застонал. Спиральный вихрь водоворота затянул поплавки и, дернув, потащил в разные стороны.

Волны, взлетающие над скрытыми в глубине камнями, были не ниже океанских, и шум их оглушил Жуана. Впереди сверкал отполированным острием кусок черной скалы, и аэрокар, ударившись об него боком, отскочил как щепка. Ремень безопасности лопнул, и Жуан оказался на полу аэрокара. Рин цеплялась за него, а он ухватился за основание ручки управления.

Стекло фонаря над ним изогнулось. Не веря своим глазам, Жуан увидел, как фонарь сорвался и исчез в пенной воде. И сразу левое крыло, ударившись об очередной камень, изогнулось дугой. Аэрокар откинуло вправо, и на мгновение Жуану открылась арка синего неба, ограниченная стеной черного базальта.

А к общему реву и грохоту добавился жалобный скрип сломанного крыла.

Нам точно не прорваться, думал Жуан. Никто не выживет.

Рин по-прежнему прижималась к нему, в ужасе ухватив обеими руками. В ушах звучал ее голос:

– Пожалуйста, сделай что-нибудь!

Нос аэрокара взлетел вверх, а затем рухнул вниз. Машина встала почти вертикально, и там, где был самый край фонаря, Жуан увидел пенящуюся воду. Мимо него в реку вылетел эжектор. Жуан плотнее закрепился между креслами и приборной доской, до боли впиваясь в стойку ручки управления. По инерции голова его повернулась в сторону кормы, и он увидел над собой руки Чен-Лу – тот цеплялся за спинку кресла пилота.

Китаец, казалось, воспринимал удары всеми своими нервными окончаниями, и это усиливало душераздирающий шум порогов. Этот шум пронзал его своим неконтролируемым ритмом и доминировал над эмоциями, словно диссонанс цимбал, слившихся в оглушительном контрапункте – хриплом хрустящем реве исполинского водоворота. Чен-Лу ощутил себя многоканальным органом, способным видеть, слушать и чувствовать, но не более.

Рин прижалась лицом к Жуану. Горячий запах его тела и движения аэрокара слились воедино. Она почувствовала, как аэрокар поднимается, поднимается и вдруг обрушивается вниз, крутясь на месте. Вверх! Вниз! Вверх! Вниз! Это был словно какой-то безумный секс под аккомпанемент стаккато ударов, которые сотрясали аэрокар, несущийся через камни порогов.

Жуан сосредоточился на одной своей функции – видеть. И он увидел – там, где ничего не ждал увидеть: проход в хаосе волн и брызг, черно-зеленую гладь быстро несущейся воды, огибающей испещренную шрамами скалу. Жуан напряженно всматривался в пену, мчащуюся по поверхности потока, и в этот момент аэрокар клюнул носом. Рука Жуана, вцепившаяся в ручку управления, затекла. Спина болела.

Прямо перед выходом из порогов, будто глянцевый панцирь черепахи, темнела стремнина. Жуан почувствовал, как аэрокар втягивает в обрывающийся вниз поток с обманчивой мягкостью.

Нет, машина больше не выдержит, подумал он.

Аэрокар устремился носом вниз, все быстрее и быстрее. И одновременно снизу навстречу ему двинулась стена бурлящей коричнево-зеленой воды. Аэрокар врезался в стену и прошил ее.

Темно-зеленая масса воды хлынула в кабину. Раздался металлический скрежет. Жуан почувствовал, как корма ударилась о камни, а аэрокар, срикошетив о них, вынырнул на поверхность. Одной рукой Жуан цеплялся за спинку кресла, а другой рукой удерживал Рин. Чен-Лу все это время оставался на своем месте, но теперь сбоку от него, в боку аэрокара, зияла дыра, в которую рвалась вода. Еще удар, и корма аэрокара оторвалась, а сам он вылетел на очередной кипящий бурун.

В глаза Жуану ударили лучи солнца. Ослепленный их сиянием, он отвернулся, увидел дыру в том месте, где стояли двигатели, и посмотрел туда, откуда они только что вырвались. Рев порогов оглушил его. Там, позади аэрокара, ходили исполинские пенные валы. И Жуан подумал: *Неужели мы прорвались?*

Вода поднималась ему до колен. Он посмотрел вперед – не ждут ли их новые пороги. Но перед аэрокаром располагался широкий плес, который напоминал об оставшихся за спиной порогах лишь поднимающимися из глубины пузырями да сплетающимися струями вырвавшейся из теснины воды.

Аэрокар накренился. Ухватившись за край кабины, Жуан посмотрел на единственное оставшееся крыло, уже касавшееся поверхности воды.

Раздался голос Рин, он поразил Жуана своим тоном – спокойным и даже ленивым.

– Может, нам лучше выйти? – спросила она. – А то утонем.

Он попытался сбросить с себя ощущение полной отрешенности от всего, что происходит, и посмотрел на Рин, которая устроилась в своем кресле. Чен-Лу, откашливая воду, находился позади нее.

А потом с металлическим бульканьем под воду ушло правое крыло.

Жуан воодушевился – они живы! Но аэрокар умер...

– Похоже, мы задали им жару, – произнес Чен-Лу, – но, по-моему, это все, на что мы способны.

– Все? – воскликнул Жуан. Ярость вскипала в нем. Он ухватился за подаренный Виеро пистолет, который по-прежнему лежал в кармане. И сразу удивился этому почти рефлекторному действию. Пустое дело! Разве можно убить этих тварей из обычной пушки?

– Жуан! – позвала Рин.

– Что?

Он встал, ухватился за край кабины и, балансируя, принялся анализировать ситуацию. Капли сырого тумана, исторгаемого порогами, окутывали его.

– Эта штука будет недолго находиться на плаву, – сказал Чен-Лу.

Глядя на оставшиеся за спиной пороги, китаец никак не мог смириться с тем, что произошло.

– Я сумела бы доплыть вон до того места, – произнесла Рин. – А вы?

Чен-Лу повернулся и увидел в сотне метров ниже по течению свободный от деревьев мыс, который тоненьким щупальцем выдавался вперед, к середине плеса. На нем рос тростник, а позади, в отдалении, возвышались деревья. Длинные борозды в грязи на берегу, ниже тростника, свидетельствовали о том, что здесь входили в воду аллигаторы.

– Там аллигаторы, – предупредил Жуан. – Лучше оставаться здесь, пока есть возможность.

Рин почувствовала, как ужас сжимает ее горло, и прошептала:

– А он долго продержится?

– Если будем сидеть спокойно, то продержится, – ответил Жуан. – Вероятно, под нами кое-где остался воздух, может, в крыле или в левом поплавке.

Рин посмотрела на поверхность воды.

– Но я никого не вижу, – сказала она.

– Появятся. – произнес Чен-Лу и удивился своему бесстрастному тону.

Жуан принялся изучать полуостров.

Аэрокар отплыл чуть в сторону, после чего, подхваченный обратным течением, вновь направился к полосе тростника. И вот уже лишь несколько метров отделяют его полузатонувшее крыло от болотистого берега.

– Где эти чертовы аллигаторы? – воскликнул Жуан.

– Ближе нам не подойти, – заметил Чен-Лу.

Жуан кивнул и велел:

– Рин! Пойдешь первой. Оставайся на крыле до последнего. Мы – за тобой.

Он сунул руку в карман и, обхватив ладонью рукоятку пистолета, свободной рукой помог Рин перебраться на крыло. Она соскользнула на плоскость крыла, и оно стало тонуть, пока не коснулось илистого дна.

Следом за Рин на крыло спустился Чен-Лу.

– Вперед! – сказал он, и они с Рин двинулись через ил и грязь к берегу.

Жуан ощутил запах ракетного топлива и увидел, как по воде расходятся от него масляные круги. Перед ним поднимался поросший тростником берег, на котором отпечатались следы Рин и Чен-Лу. Подхватив лежавший на ящике для инструментов эжектор, он ступил в воду и, поднявшись на полуостров, внимательным взглядом окинул джунгли.

– Может, удастся с ними договориться? – спросил Чен-Лу. – Если это существа разумные, наверное, сумеют внять доводам разума.

Жуан поднял эжектор.

– Полагаю, у нас есть лишь один довод, – отозвался Жуан.

Оружие было заряжено. Удостоверившись в этом, Жуан повернулся, чтобы посмотреть на останки аэрокара. Тот уже почти полностью ушел под воду; крыло его опиралось на донный ил, а коричнево-бурая вода кружилась вокруг и вливалась через рваные дыры в бортах.

– Вы думаете, нужно взять еще оружия? – спросил Чен-Лу. – Но для чего? Отсюда мы все равно никуда не уйдем.

Конечно, он прав, подумал Жуан. Он заметил, что, услышав слова китайца, Рин задрожала. Приобняв ее свободной рукой, Жуан не отпускал Рин, пока она не успокоилась.

– Какая милая домашняя сценка, – усмехнулся Чен-Лу.

А сам подумал: *Эта парочка – единственная разменная монета, которой я располагаю. Может, наши друзья согласятся на сделку – освободят меня за то, что эти двое не станут с ними сражаться.*

Объятия Жуана, его молчание поразили Рин больше, чем что-либо из того, что она помнила. Какая, в общем-то, мелочь! Братские объятия. Все мы, в конечном счете, братья и сестры.

Чен-Лу закашлялся.

– Джонни, – сказал он, – дайте мне эжектор, я прикрою вас, пока вы принесете из аэро-кара остальное оружие.

– Вы только что говорили об обратном, – отозвался Жуан. – Что поменялось?

Рин освободилась из объятий Жуана, испугавшись того, что увидела в глазах Чен-Лу.

– Дайте мне эжектор, – повторил китаец бесстрастным ровным тоном.

Жуан посмотрел в лицо Чен-Лу и увидел в его глазах ярость. Господи, что с ним произошло? Жуан не мог оторваться от этого взгляда, от этих миндалевидных глаз, в которых застыли ненависть и злоба.

Внезапно Чен-Лу выбросил вперед ногу и ударил Жуана в левую руку, в которой тот держал эжектор. Оружие выскользнуло из ладони Жуана и взлетело над его головой. Рука онемела, но он машинально отпрянул и встал в стойку, предписываемую боевой системой капозйра, бразильской формой дзюдо. Почти ослепленный болью, Жуан, тем не менее, отбил второй удар и отпрыгнул влево.

– Рин! Эжектор! – крикнул Чен-Лу и двинулся к Жуану.

На мгновение выдержка изменила Рин. Она дернулась и посмотрела туда, куда улетело оружие. Эжектор торчал из тростника жерлом вверх, ложе его увязло в грязи. Оружие? *Да, конечно,* сказала Рин сама себе. *На таком расстоянии эта штука легко остановит любого.*

Она вытащила эжектор из грязи и, перехватив, направила на бойцов, стоявших друг против друга в боевых позах, словно они были участниками какого-то дикого танца.

Чен-Лу увидел оружие в руках Рин, отскочил назад и удовлетворенно кивнул. Жуан выпрямился, держась за поврежденную руку.

– Отлично, Рин! – прохрипел китаец. – Стреляйте.

Ужас овладел ею, и она заметила, как жерло эжектора поворачивается в сторону Жуана.

Жуан сунул руку в карман, но замер. Душу его заполнили пустота и горькое отчаяние. *Если она хочет убить меня, что ж, пусть так и будет,* подумал он.

Но Рин, скрипнув зубами, перевела оружие на китайца.

– Рин! – угрожающе воскликнул тот и двинулся на нее.

Получи, старый мерзавец, решила она и нажала на спусковой крючок.

Мощный столб яда и бутилового коагулята вырвался из жерла и ударил в Чен-Лу. Тот попытался сопротивляться, однако удар пришелся ему в лицо, и китаец упал. Несколько мгновений он катался, извиваясь, по земле, но коагулянт начал застывать, и Чен-Лу, дернувшись несколько раз, затих.

Рин стояла над ним, не снимая пальца со спуска. И только когда заряд закончился, она отбросила эжектор. Китаец дернулся в последний раз и замер в неподвижности. Это был уже не человек, а некая липкая оранжево-черная масса в зарослях тростника.

Рин задыхалась. Она старалась восстановить дыхание, но не сумела. Жуан подошел к ней. Его левая рука безвольно повисла вдоль тела.

– Рука, – произнесла Рин.

– Сломана, – ответил он и, обернувшись, сказал: – Посмотри на деревья.

Она заметила в тени деревьев какое-то движение. Порыв ветра всколыхнул листву, и Рин увидела выходящего из джунглей индейца. Ощущение было такое, будто он появился из ниоткуда по мановению волшебной палочки. Черные фасеточные глаза сияли под прямой челкой.

Красные полосы татуировки пересекали лицо. Алые перья попугая ара торчали из-под шнурка, которым была перевязана левая рука. На чреслах была набедренная повязка, а с пояса свисала сумка из кожи обезьяны.

Ужас охватил Рин при виде этого исключительной точности симулякра. Она вспомнила летучих муравьев из дней своего детства и трепещущую мириадами крыльев тучу, накрывшую лагерь МЭО.

Рин повернулась к Жуану и умоляюще произнесла:

– Жуан, пожалуйста, застрели меня. Не дай им взять меня живой!

Он хотел, подхватив Рин, бежать, но тело не слушалось.

– Если ты любишь меня, – просила она, – сделай так, как я говорю!

Жуан был не в силах сопротивляться ее мольбе. Рука с пистолетом поднялась будто сама собой.

– Я люблю тебя, Жуан, – прошептала Рин и закрыла глаза.

Слезы заливали его лицо. Словно сквозь пелену тумана Жуан смотрел на Рин. *Я должен,* сказал он. *Помоги мне, Господи! Я должен.* И нажал на спуск.

Грохот выстрела потряс окрестности. Пистолет дернулся в руке Жуана мощной отдачей. Выстрел отбросил Рин, будто чья-то гигантская рука ударила ее в грудь. Ее развернуло и бросило лицом вниз в тростник.

Жуан отвернулся и посмотрел на пистолет, зажатый в ладони. И сразу движение в деревьях привлекло его внимание. Страхнув слезы с ресниц, он принялся рассматривать фигуры, выходящие на прогалину. Там были индейцы, как две капли воды похожие на тех, что похитили его с отцом, были и просто лесные индейцы... А вот показался Том из его собственной команды бандейрантов. Еще один человек в черном костюме, с серебристыми волосами. *Даже мой отец здесь,* подумал Жуан. *Они скопировали и его тоже.*

Жуан поднял пистолет и направил его ствол себе в сердце. Он не чувствовал ярости – только печаль.

Жуан нажал на спуск.

И крошечная темнота поглотила его.

Х

Он видел сон, и во сне его несли; кто-то плакал и кричал, протестовал, возмущался и не хотел соглашаться.

Жуан проснулся от желто-оранжевого света. Фигура, которая никак не могла быть его отцом, склонилась над ним и, протянув к нему руку, сказала:

– Если не веришь, посмотри и потрогай.

Нет, это не мой отец, подумал Жуан. *Я умер... и он тоже умер.*

Неожиданно реальность предстала перед ним во всей своей невероятной полноте. *Как я здесь оказался?* Жуан восстановил события недавнего прошлого. Увидел себя, вспомнил, как стрелял в Рин из пистолета, который получил от Виеро, как направил ствол оружия себе в грудь.

Что-то пошевелилось за спиной фигуры, которая ну никак не могла быть его отцом. Жуан взглянул туда и увидел гигантское лицо размером, по меньшей мере, в два метра. Зловещее лицо, освещенное странным светом, с огромными сверкающими глазами, в центре которых находились двойные зрачки – один в другом. Лицо повернулось, и Жуан понял, что оно не более двух сантиметров в ширину.

И вновь лицо обернулось к Жуану. Странные глаза посмотрели туда, где должны были быть ноги Жуана. Тот заставил себя приподняться и взглянуть вниз, после чего, дрожа, вновь уронил голову. Там, где должны были быть его ноги, пенился некий зеленый кокон. Жуан поднял левую руку, сломанную, но она не болела, хотя кожа напоминала цвет кокона, в котором были укрыты его ноги.

– Потрогай мою руку, – раздался голос старика, стоявшего возле постели. – Я тебе приказываю.

– Он не вполне проснулся.

Последние слова были произнесены глубоким гулким голосом, который исходил откуда-то из пространства, находившегося снизу от гигантского лица.

Жуан спросил себя: *Это ночной кошмар? Или я уже в аду?*

И резко выбросив вперед ладонь, ухватился за протянутую руку.

Рука оказалась теплой... человеческой.

Слезы заполнили глаза Жуана. Он покачал головой, чтобы смахнуть влагу с ресниц, и вспомнил, как когда-то делал то же самое... Брал его за руку...

Воспоминания – это хорошо, но сейчас были и более насущные дела. Рука была настоящей – как и его слезы.

– Как такое может быть? – прошептал он.

– Жуан, сын мой, – произнес отец.

Жуан вглядывался в такое знакомое лицо, знакомое до последней черточки. Да, это был его отец.

– А как же твое сердце? – спросил он.

– Мой насос, – уточнил старик. – Посмотри!

Префект повернулся спиной, где из его пиджака был вырезан большой кусок. Края пиджака удерживались некой клейкой субстанцией. Между краями пульсировала маслянистая желтая поверхность. Жуан увидел тонкие линии, разделяющие чешуйки, заметил мозаику идентичных форм.

Значит, это тоже копия, один из их фокусов.

Старик вновь повернулся, и Жуан увидел в глазах отца юношеское ликующее выражение. И глаза эти не были фасеточными.

– Старый насос умер, и они дали мне новый, – пояснил отец. – Он толкает по телу мою кровь и сам живет за ее счет. Теперь у меня есть еще несколько лет, которые я проведу с пользой. Как ты думаешь, что скажут на это наши эскулапы?

– Да, это действительно ты, – выдохнул Жуан.

– Я, за исключением нового насоса, – отозвался старик и, покачав головой, добавил: – Но каких же глупостей наделал ты! Во что превратил себя и эту бедную женщину!

– Рин, – прошептал Жуан.

– Ты разнес сердце и ей, и себе. И часть легких, – продолжил отец. – А еще свалился в самую середину лужи яда, которым залил половину берега. Пришлось заменять вам не только сердца, но и всю кровеносную систему.

Жуан поднял руки и посмотрел на свою зеленую кожу. Он был настолько ошеломлен, что не понимал, бодрствует он или спит.

– Они сведущи в медицине настолько, насколько нам и не снилось, – усмехнулся отец. – Это – высший класс! Меня можно было так завести только в детстве... Сын! Что с тобой?

Жуан удивленно смотрел на отца:

– Получается, что мы уже не люди? Не люди?

– Успокойся!

– Но они же... Они же нас контролируют!

Жуан перевел взгляд на гигантское лицо за спиной отца.

– Они управляют нами! – Он задыхался. – Мы будем их рабами.

– Какая глупость! – прогудел голос.

– Он всегда был склонен к мелодраматическим представлениям, – сказал старший Мартино. – Вы бы только посмотрели на то, что он там учинил возле реки! Конечно, вы тоже виноваты. Если бы вы только послушали меня, поверили мне!

– Теперь можем и поверить, – пророкотал голос. – У нас есть заложник.

– У вас был заложник с того момента, как вы поставили мне новый насос, – произнес старик.

– Я не понял, во что вы оценили этот индивидуальный блок, – сказал мозг. – В конце концов, мы используем их прежде всего для того, чтобы поддерживать существование всего нашего рода.

– Но вы же не заберете его у королевы, верно? А как насчет вас? Вы готовы пожертвовать собой?

– Об этом нельзя даже думать, – заявил мозг.

Жуан медленно повернул голову и посмотрел туда, откуда звучал голос. Он увидел белую массу, более четырех метров в поперечнике, из которой выпирал пульсирующий желтый мешок. По этой массе ползали бескрылые насекомые, забиравшиеся в ее длинные борозды и в пространство между ней и каменным полом пещеры. Лицо поднималось над этой массой, поддерживаемое дюжиной круглых опор. Их чешуйчатая поверхность выдавала материал, из какого они были сделаны. Истинный смысл происходящего начал доходить до Жуана, несмотря на шок, который он испытал.

– А где Рин? – прошептал он.

– Ваш партнер в безопасности. Пришлось ее немного изменить, но с ней все в порядке.

Жуан, не отрываясь, смотрел на белую массу, лежавшую на полу пещеры. Он понимал, что голос доносится из желтого пульсирующего мешка.

– Мы хотим привлечь ваше внимание к тому, как мы отвечаем на угрозу со стороны вас и вашего рода, – проговорил мозг. – Это наш мозг. Он уязвим, но так же силен, как и ваш.

Жуан вздрогнул от отвращения.

– А теперь скажите мне, – продолжил мозг. – Как вы определяете понятие «раб»?

– Я – раб, – прошептал Жуан. – Я привязан к вам. Я обязан вам подчиниться или вы меня убьете.

– Но вы сами пытались убить себя, – заметил мозг.

Жуану пришла в голову одна идея.

– Раб тот, кто производит некое благо для другого, – сказал мозг. – Во всей вселенной есть лишь одно истинное благо, и его мы дали вам, а также вашему отцу и партнеру. И вашим друзьям. Благо это – время жизни. Время. Означает ли это, что мы, произведшие это благо для вас, являемся вашими рабами?

Жуан перевел взгляд с голосового мешка на гигантские глаза, и ему показалось, будто он увидел в них насмешку.

– Мы спасли и продлили жизни тех, кто, как вы говорите, «вам дорог», – вещал голос. – И что, именно поэтому мы должны считать себя вашими рабами?

– Что вы возьмете взамен? – спросил Жуан.

– Ага! – прогремел голос. – *Quid pro quo!* Бизнес, как вы это называете! Чего я не понимаю, так это слово. Скоро ваш отец нас покинет, чтобы говорить с людьми в вашем правительстве. Он будет нашим посланником. Посвятит нам свое время, то есть будет нашим рабом. Мы связаны узами взаимного рабства, их невозможно разорвать. И, как бы вы ни старались, у вас это не получится.

– Все будет просто, если ты постигнешь принцип взаимозависимости, – сказал отец Жуана.

– Постигнешь что?

– Некоторые из тех, кто принадлежал к нашему роду, жили в теплицах, – пророкотал голос. – И их клетки помнят этот опыт. Вы же знаете, что такое теплица, верно?

Лицо повернулось по направлению к выходу из пещеры, где занимающееся утро тронуло иссиня-черное небо серыми тонами.

– То, что находится за пределами пещеры, это, по сути, одна большая теплица, – сказал мозг и, посмотрев на Жуана, вновь сверкнул глазами. – Чтобы жизнь в теплице сохранилась, нужно поддерживать в ней сложный баланс разных форм жизни – немного этого химиката, немного того, еще третьего, когда возникает необходимость. То, что сегодня воспринимается как яд, завтра может стать вкуснейшей едой.

– Какое это имеет отношение к вопросу о рабстве? – раздраженно спросил Жуан.

– Жизнь развивается в теплице под названием Земля уже многие миллионы лет, – произнес мозг. – Порой она возникает в ядовитых отходах иной формы жизни, и оказывается, что яд – вещь нужная и полезная. Без веществ, производимых червями-проводочниками, трава в саванне со временем исчезнет.

Жуан лежал, уставившись на потолок пещеры, и мысли тасовались в его голове, как карты в колоде.

– Это как умирающая земля в Китае? – уточнил он.

– Да, – ответил мозг. – Без веществ, производимых насекомыми и другими формами живых существ, ваш род просто исчезнет с лица Земли. Иногда для поддержания существования виду необходима лишь капля той или иной субстанции, как в случае с особой медью, которую производят паукообразные. Субстанция должна пройти через несколько промежуточных этапов, с каждым разом слегка изменяясь, пока не будет использована самым последним звеном цепочки. Разорвите эту цепочку, и все умрут. Чем больше существует различных форм, тем больше жизни может поддерживать теплица. Успешная теплица должна содержать в себе много видов – чем их больше, тем здоровее и крепче каждый из них.

– Чен-Лу, – произнес Жуан. – Он мог бы помочь. Пойти с моим отцом и помочь... Вы спасли Чен-Лу?

– Этот китаец? Он жив, хотя вы его изуродовали. Правда, благодаря вовремя принятым мерам основные отделы его мозга выжили.

Жуан посмотрел на вспученную, покрытую бороздами массу, лежавшую на полу, и отвернулся.

– Они предоставили мне необходимые доказательства, – сказал старший Мартино. – Никто не сможет их опровергнуть. Все сомнения будут развеяны. Мы больше не будем убивать и модифицировать насекомых.

– И позволим им взять над нами верх, – прошептал Жуан.

– А мы говорим, что это вы должны перестать убивать самих себя, – раздался голос, – как это делает народ Чен-Лу... Вы можете положить этому конец. Пока не поздно. Что до жителей Китая, то они весьма трудолюбивы и упорны. И мы сумеем им помочь.

– Но тогда вы станете нашими хозяевами, – заметил Жуан.

И подумал: *Рин... Рин! Где ты?*

– Мы просто установим новый баланс, – объяснил мозг. – Это будет интересный опыт... Но у нас еще будет время обсудить это в деталях. Пока же вы совершенно свободны. Можете идти, куда хотите. Только не приближайтесь ко мне – мои слуги этого не позволят. Теперь вы можете встретиться со своей подругой. Она ждет вас у входа в пещеру. Утро будет солнечным. Пусть солнце согреет вашу кожу и насытит энергией хлорофилл в крови. А когда вернетесь, скажете мне, считаете ли вы солнце своим рабом.

Долина Сантарога

Глава 1

Солнце уже садилось, когда пятилетний «Форд-Кемпер» Гилберта Десейна преодолел перевал и начал медленно спускаться в долину Сантарога. Шоссе в этом месте делало поворот, напоминавший серп молодой луны. Десейн свернул на ведущую вниз гравийную дорожку, остановился около белесого забора и принялся рассматривать долину, тайны которой ему предстояло раскрыть.

Два человека уже расстались здесь с жизнью, напомнил он себе. Официальная версия гласила: их смерть была результатом несчастного случая. Что-то пошло не так – и нет людей! Но что в действительности кроется в этой тенистой низине, освещенной редкими огнями? Неужели смерть ожидает там и его, Десейна? Это будет очередной несчастный случай?

Дорога из Беркли оказалась неблизкой, и у Десейна болела спина. Он выключил мотор, потянулся. В кабине сильно пахло горячим маслом. Оттуда, где фургон «Кемпера» крепился к шасси машины, доносились скрип и постукивание.

Долина, раскинувшаяся внизу, выглядела совсем не так, как он ожидал. Кольцо сияющей синевы, подсвеченной лучами заходящего солнца, венчало линию горизонта, сформированную скалами и раскидистыми деревьями. Долина пребывала во власти покоя, словно остров, укрытый от буйных штормов.

А что я надеялся здесь увидеть? подумал Десейн. Он-то считал, что, изучив карты и отчеты о долине Сантарога, знает о ней все.

Но карты – одно, а реальная местность – совсем другое. Да и отчеты – это тебе не живые люди.

Десейн посмотрел на часы – почти семь вечера. Двигаться дальше ему совсем не хотелось.

Вдали, на левой стороне долины, через гущу растущих деревьев пробивались полосы зеленого огня. Это место на картах обозначалось как «теплицы». Белое здание справа на открытой местности было, вероятно, «Кооперативной сыроварней Джаспера». Желтый свет, лившийся из окон, и мелькавшие вокруг дома огоньки свидетельствовали о том, что на сыроварне кипит работа.

В темноте вокруг Десейна стрекотали, шуршали и пощелкивали насекомые; над головой, шелестя крыльями, несколько раз проносилась хищная ночная птица, а где-то вдали, по ту сторону сыроварни, скорбно выли собаки.

Желтеющие окна белого здания на мгновение показались Десейну глазами неведомого существа, злобным взглядом вперившегося в темноту долины. Он сглотнул и, покачив головой, усмехнулся. Нельзя так думать. Профессионалы так не думают, а он – профессионал.

Всю эту зловещую белиберду, которую плетут о долине Сантарога досужие языки, следует отбросить прочь. В подобном настроении нельзя вести научные исследования. Десейн включил свет в салоне и взял лежавшую на пассажирском сиденье папку, на коричневой коже которой золотыми буквами было выведено: «Гилберт Десейн, факультет психологии Калифорнийского университета, отделение Беркли».

Достав из папки старый блокнот, он начал писать: «Прибыл в долину Сантарога приблизительно в шесть сорок пять. Выглядит как вполне процветающий фермерский поселок...»

Закрыв блокнот, Десейн отложил его на пассажирское кресло. Процветающий фермерский поселок. Откуда ему это известно? Толком-то он ничего не разглядел! Да, это было в предыдущих отчетах.

Лежавшая перед Десейном долина была будто погружена в спокойное ожидание, прерываемое лишь позвякиванием колокольчиков на шеях коров. Он представил, как в домах, уставшие после дневной работы, сидят люди, мужчины и женщины. О чем они негромко переговариваются в вечерней тишине?

И о чем беседует с мужем Дженни Сордж – если, конечно, у нее есть муж. Странно было бы, если бы она была одинока, эта милая, хрупкая Дженни. Последний раз Десейн виделся с ней в университете более года назад. Он вздохнул. Никогда не избавиться ему от мыслей о Дженни – даже здесь, в долине Сантарога. Но ведь Дженни была частью тайны, окутывавшей долину, одной из составляющих Барьера, который он, Десейн, обязан исследовать.

И вновь он вздохнул. Нет, он себя не обманывал. Отлично понимал, почему взялся за данный проект. Совсем не потому, что эти сетевые магазины заплатили за исследование кругленькую сумму, и не из-за того, что из этой суммы немалая часть причиталась ему. Он приехал сюда потому, что здесь жила Дженни.

Конечно, он будет вести себя совершенно естественно – улыбнется и заговорит с ней как ни в чем не бывало. Явился по делу, временно оставив студенческие аудитории, и теперь вот проводит маркетинговое исследование в долине.

Но будет ли это естественно? Можно ли вести себя нормально, когда встречаешься с паранормальным?

Дженни была из долины Сантарога, а здешняя жизнь взрывала изнутри все представления о нормальном.

Десейн стал перебирать в памяти прочитанные отчеты, выбирая то, что именовалось «известными фактами». Все, что было собрано в многочисленных папках, включая как ответы на официальные запросы, так и устно передаваемые слухи и сплетни, которыми также не брезговала бюрократия, подразумевало один непреложный, по-настоящему «известный факт» – в долине Сантарога происходило что-то, из ряда вон выходящее, нечто, чему никто и никогда не посвящал так называемых маркетинговых исследований.

Мейер Дэвидсон, с виду мягкий розовокожий человечек, представившийся агентом инвестиционной компании, которую финансировали сетевые магазины, с ходу взял быка за рога:

– Эта чертова долина Сантарога вытворяет бог знает что! Нам пришлось закрыть там все наши отделения. Почему ни один человек из долины не желает иметь с нами дело? Именно это мы хотим знать. И что это за пресловутый Барьер Сантарога, который мешает нам вести там бизнес?

Дэвидсон был совсем не таким мягким, как это казалось поначалу.

Десейн включил мотор, зажег фары и принялся спускаться по гравию дорожки, ведущей в долину.

Все данные о долине сводились к одному: чужаки не могли снять или купить в долине недвижимость.

Местные официальные лица утверждали, что ничем не могут пополнить статистику подростковой преступности, которую вели власти штата.

Мужчины из долины, отправлявшиеся на военную службу, после увольнения неизменно возвращались домой. Ни один сантарогиец не покидал долину навсегда.

Почему? Барьер работал в обе стороны?

Были и совершенно необычные аномалии. В папках, посвященных долине, содержалась статья из медицинского журнала, принадлежавшая перу некоего доктора Лоренса Пиаже, самого известного в долине врача. Статья называлась «Сантарогийский токсикодендрон-синдром» и рассказывала о чрезвычайной восприимчивости жителей Сантароги ко всевозможным аллергенам, что не позволяло им надолго оставлять родные края. И это была основная причина, по которой местным юношам отказывали в приеме на военную службу.

Всё – один к одному.

Департаменту психической гигиены штата не было известно ни одного случая психических заболеваний или умственных расстройств, зарегистрированных в долине. В психиатрических клиниках штата о сантарогийцах даже не слышали. Психиатр, возглавлявший факультет, на котором работал Десейн, находил это обстоятельство «вызывающим беспокойство».

Торговля табачными изделиями в долине давно прекратилась. Жители долины Сантарога демонстрировали стойкую невосприимчивость к рекламе, что, по словам Мейера Дэвидсона, можно было приравнять к подрывной деятельности, направленной против самих основ существования США.

Здесь невозможно было продать ни сыр, ни вино, ни пиво – если они были произведены за пределами долины. И все, что работало в долине, включая банк, принадлежало исключительно местным владельцам, а они наотрез отказывались от внешних инвестиций.

Отвергали сантарогийцы и «свиную бочку» – дармовые деньги, которые в обмен на голоса местных жителей предлагали долине разные политики. Сенатор от их штата был родом из Портевилла, городка, расположенного довольно далеко от долины. Этот человек был одним из немногих опрошенных Десейном людей, кто не верил, будто жители долины Сантарога были «шайкой сдвинутых придурков и религиозных фанатиков».

– Слушайте сюда, Десейн! – воскликнул этот тип. – Вся эта болтовня по поводу долины Сантарога – просто чушь, не более.

Сенатор, суховатый энергичный человек с копной седых волос и пронизанными кровеносными сосудами белками глаз, носил имя Барстоу и был потомком одной из старейших калифорнийских семей. Его мнение по поводу долины сводилось к следующему:

– Сантарога – последний оплот американского индивидуализма. Это – янки, люди с Восточного побережья, которых судьба забросила в Калифорнию. Нет в них ничего таинственного. Им не нужны никакие преференции, и они не терзают вас глупыми вопросами. Я страстно желал бы, чтобы жители всех округов нашего штата были такими же прямолинейными и честными.

Каждый имеет право на собственное мнение, подумал Десейн. Даже в том случае, если большинство людей этого мнения не разделяет.

Вскоре Десейн спустился в долину. Теперь по обеим сторонам асфальта высились огромные деревья – настоящая Дорога Гигантов, выющаяся между двумя рядами секвой.

За деревьями скрывались дома. Из отчетов Десейн знал, что некоторые были построены еще во времена «золотой лихорадки». Ажурная готическая вязь украшала деревянные карнизы домов, многие из них были трехэтажными. Из окон их лился желтый свет.

Но было в этих домах нечто, что вызывало тревогу. Точнее, это «нечто» отсутствовало – за окнами гостиных не видно было обычного мерцания телевизионного экрана, и внутренние стены не были подсвечены молочно-белесым отраженным светом электронно-лучевой трубки.

Дорога впереди раздваивалась. Левая стрелка дорожного указателя призывала посетить центр городка; две стрелки, повернутые направо, сообщали, что там находятся местный отель и сыроварня Джаспера.

Десейн повернул направо, под арку, на которой было начертано: «Сантарога. Город, построенный из сыра». Секвойи здесь уступили место раскидистым дубам. Здание сыроварни белело поодаль справа, за сетчатым забором. Судя по царившей там суете и огням, работа в сыроварне не прекращалась ни на минуту. Слева, через дорогу, находилась длинная трехэтажная гостиница, сооруженная в эклектичном стиле тысяча девятисотых годов, с крыльцом во всю длину фасада. Ряды решетчатых окон, большинство из которых были темными, смотрели на засыпанную гравием стоянку перед гостиницей. Над входом красовалась вывеска: «Отель “Долина Сантарога”. Музей “золотой лихорадки”. Работает с 9.00 до 17.00».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.